

А Л О Н

ВЛАДИМИР ЛАТЫШЕВ

16+

Владимир Латышев

Алон

*<https://litres.ru/64351666>
SelfPub; 2021
ISBN 978-5-532-96752-6*

Аннотация

Алон - фантастическая повесть, в которой раскрываются острейшие проблемы современности.

Содержание

Книга 1	4
Предисловие	4
Часть 1. Шаман	5
Часть 2. Противостояние	112
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Владимир Латышев

Алон

Книга 1

Предисловие

События, описанные ниже, конечно, вымышлены. Однако и характеры людей и проблемы, которые они пытаются решать, вполне реальны. Может быть, они даже более реальны, чем те, которыми наполнена наша повседневная жизнь.

Часть 1. Шаман

– Здесь нет проблемы, на которую стоило бы тратить время. Это не просто неинтересно, это вредно для нашего дела!

Андрей раздраженно смахнул что-то невидимое, но крайне неприятное с рукава серого, изрядно помятого пиджака. Два дня назад, когда он утром пришел в лабораторию гладко выбритый и источающий какой-то французский аромат, которым его как обычно окропила Женя, свежий и бодрый после двух чашек крепкого кофе – пиджак тоже выглядел прилично. Но двое суток бодрствования в компании единомышленников из «Лабы» вернули ему привычный для окружающих небритый, слегка потрепанный и временами немного отрешенный вид.

За огромным панорамным окном толпились в вековом ожидании темные и какие-то тяжелые в пасмурную погоду сосны. Лучи солнца, словно заблудившегося в сибирском лесу, с трудом пробирались к лаборатории, расположенной почти в ста километрах от шумного и многоголосого Челябинска. Некоторое время Андрей молча смотрел сквозь стекло, сцепив за спиной руки и широко расставив сильные ноги лыжника.

– В нормальном государстве двадцать первого века граждане не должны платить за воздух, которым дышат, за воду, которую пьют и пищу, без которой не могут жить! – Прогну-

дел он своим низким, чуть хрипловатым голосом, явно начиная заводиться и встряхивая копной русых, спутанных волос. – А то, что этот «Сибинтез» или как его там, ссылается на экономическую целесообразность, так этих предпринимателей нужно судить за преступление против человечности, а не разговаривать и тем более спорить о содержании образования с ними или их продажными агентами.

Атмосфера в лаборатории начинала сгущаться как всегда перед крупным столкновением мировоззрений, или проектных концепций. Железный Роман стащил наушники с курчавой головы и уставился на Андрея из своего угла, заставленного приборами и их многочисленными фрагментами. Его большие, на первый взгляд неловкие, а на деле бесценные, все умеющие руки медленно сдвигали куда-то на второй план разобранный гаджет. Настя, прервавшись на полуслове да так и не закрыв рта, замерла в ожидании продолжения монолога начальника, к которому относилась с большим уважением и некоторой, не всегда скрываемой иронией. Может быть так она пыталась утаить чувство обиды, оставшееся с того времени, когда Андрей ещё только женился на яркой блондинке и «акварельной» художнице Жене, так и не разглядев в темноволосой сероглазой Насте настоящего друга. А может быть в её изящной головке бродили иные мысли и чувства – этого не знал никто. Возможно, за исключением рыжей Лики, вечной подруги, которую Настя в этот момент продолжала держать за руку, как бы удерживая тем самым

нить прерванного разговора.

– Предприниматели, способные брать деньги со стариков и инвалидов за лекарства, которые спасают тем остатки жизни, или за хлеб – это вурдалаки, существа, которые так и не стали людьми. И мне никто и никогда не докажет, что у государства может существовать некий важный мотив, оправдывающий смысл экономики, экономящей на жизни больных детей, лечить которых бесплатно слишком дорого! И где тот подлец, который подсчитал, сколько стоит жизнь малыша, тянущего ручки к матери у которой нет денег, чтобы ему помочь? Мы не будем строить модели, в которых есть место подобной мерзости!

Андрей резко повернулся и вызывающе оглядел присутствующих, как будто в поиске несогласного, с которым стоило здесь и сейчас сразиться в смертельном поединке. Всё это было так непохоже на добродушного, рассудительного и сдержанного обычно руководителя лаборатории, что даже Кирилл Рюмин, – признанный организационный гений, – сам вызвавший, похоже, эту вспышку сообщением о новом пожелании кураторов проекта, смутился настолько, что еще почти целую минуту молчал вместе со всеми, собираясь с мыслями. Затем молчаливое ожидание рассыпалось и утонуло в обычном шуме команды «Лабы». Все загалдели, подхватив большую тему как наживку и раскручивая её во всех направлениях и со всех возможных позиций.

Андрей снова отвернулся, уставившись на поляну под ок-

нами лаборатории, где усиливающийся ветер гонял сухую листву, ещё не окрашенную яркими осенними красками, а какую-то бледную и истощенную жарой прошедшей недели. Ситуация в коллективе последние два месяца все больше тревожила, мешая сосредоточиться на интереснейших проблемах очередного архитектурного прогноза, результатов которого ждали коллеги из всех смежных команд.

Женя, которая уже давно работала в команде художников, тоже ждала архитектурных рекомендаций, чтобы заняться семантической организацией будущего культурно-образовательного комплекса. Результатов не было, сроки общего семинара в очередной раз сдвигались в неизвестность, члены «Лабы» пожимали плечами, кивая на шефа, а сам Андрей ничего толком не объяснял, хмурился и в конце концов отменил плановый коллективный выезд на пикник. А это уже был симптом, серьёзно обеспокоивший не только Женю, но и всех участников большого проекта.

– Слушай, Стёпыч, – Кирилл, немного смущенный бурной реакцией шефа, тихо подошел сзади к Андрею и положил ему руку на плечо, – это же просто экономика, которая существует уже сотни лет в сотнях стран. Люди всего лишь хотят заработать, причем законным путем, который доступен сегодня каждому. И никто никому не собирается причинять зло!

Андрей резко обернулся к Кириллу и впился в него взглядом, полыхнувшим гневом, и вдруг погасшим, словно внут-

рнения энергия неожиданно закончилась, остановив набравшую силу новую волну чувств. Неизвестно откуда возникшая пустота, глухое необъяснимое безразличие – вдруг навалилось на Андрея. Перед глазами промелькнула картина свежей и немного прохладной постели, мягко обнимающее чистое усталое тело. Видение тут же исчезло, вытесненное остывающей, но ещё напряженной реальностью.

– Кирилл! Но ты-то должен понимать, что принимая подобную концепцию, мы разрушаем не только будущий Центр, но самую основу общества. Да мы же просто облик человеческий теряем, соглашаясь с этой всеобщей продажностью – твердо, но уже негромко и без прежних эмоций проговорил Андрей. Желание бороться здесь и сейчас за такую важную, такую очевидную истину вдруг стало гаснуть, растворяясь в тяжелом и необъяснимом раздражении.

– Пойду я, пожалуй. А ты... вы сами определитесь. Можно и пикник на субботу. Все ведь хотели.

Едва договорив, Андрей направился к двери, затем остановился и обернувшись к продолжавшим галдеть сотрудникам, сначала слабо улыбнулся, затем махнул всем рукой и быстро вышел, закрыв за собой дверь.

Теплая ванна и спать!

* * *

В этот прохладный августовский день Женя с самого утра

почувствовала себя неважно. Все в организме было немного не так, будто сбилась какая-то очень тонкая настройка. Настроения не было, и всю дорогу до мастерской она пыталась привести себя в форму специальным дыханием с коротким вдохом и долгим выдохом и медитацией на ходу. Эффекта достичь так и не удалось, зато тема веселой перепалки коллег, обычной для начала рабочего дня, увлекла Женю, заставив забыть на время о самочувствии.

Главный компьютерный график мастерской Серега и Марина, о которой все знали, что она ландшафтный гений, не способный осознать лишь собственную гениальность да ещё отказаться от сладостей, завели спор об истоках пейзажной традиции в садово-парковом искусстве. Марина, с присущей ей эмоциональностью, пыталась рассуждать о древнекитайских корнях. Серега же, торопыга и хохмач, явно не был склонен погружаться в историко-философские глубины культуры и тонкости китайского менталитета, а предпочитал отстаивать определяющую роль создателей живописного английского парка с их вполне современным видением природы. При этом он явно дразнил Марину надуманными аргументами и все менее серьёзными утверждениями, стараясь, впрочем, не перегнуть палку с открытой и легко ранимой девушкой.

– Ну я же серьёзно тебе говорю, Сергей, у англичан не было настоящей философии парка. Да и откуда она могла взяться в обществе, где уже царило телесное начало! К то-

му же англичанам, для которых создавались парки, уже совсем немного оставалось до окончательной победы над нравственностью, а вся их духовность сводилась к духу наживы! А ты говоришь...

Марина резко выдохнула, пытаясь успокоиться, затем открыла тумбу стола и не глядя достала шоколадный батончик.

– Ты что, есть его собираешься?

– А что? – почти с испугом спросила девушка, глянув на озабоченные лицо Серёги. Затем выражение её собственного лица начало меняться, по мере осознания всей глубины нравственного падения этого подлеца, начисто лишённого как элементарного чувства такта, так и жалости к человеку, который совершенно нечаянно достал эту проклятую сладкую дрянь.

Дальше поток суждений, к которому подключились окружающие, вошел в обычное русло, наполнив мастерскую веселыми и совсем не обидными всплесками. Поучаствовав в обсуждении всего, что попадало на острые языки коллег, Женя расположилась у своего монитора, загрузила эскиз и ушла в работу.

Незадолго до вечерних сумерек радостную и чистую синеву неба скрыло, подобно тяжелой судьбе какого-нибудь невезучего бедолаги, серое и сырое одеяло облаков. Мелкими и частыми каплями заморосил дождь, казавшийся слишком холодным для лета. Прикрывшись зонтиком, Женя быстро

шла к дому. Перепрыгнув очередную лужу, она вдруг снова почувствовала недомогание, появилась легкая тошнота, а затем и головокружение. Идти пришлось осторожней. До коттеджа, в который они переехали с Андреем после свадьбы, было совсем не далеко, как, впрочем, и до всего, что было в их маленьком поселке, и спустя несколько минут Женя уже прижалась к груди мужа. А ещё через час они сидели в уютной гостиной у горящего камина и пили замечательный травяной чай «от всех болезней». Андрей, отдохнувший и успокоившийся после почти двух бессонных суток в «Лабе» и последней вспышки, тихо говорил:

– Мы целый год рассуждали о сущности человека и культуры; несколько месяцев посвятили проблеме творчества. И кажется всем было понятно, что архитектурная организация образовательного объекта не должна и не может опираться на торговые функции. И вдруг на тебе! Вчера утром получаем настоятельную рекомендацию кураторов включить в структуру Центра целый блок для обучения детей финансовой грамотности и прочим основам современной экономики. Кроме того, по рекомендации какой-то крупной торговой компании, – «Сибинтез» кажется, – требуется предусмотреть специальные помещения для мастер-классов по маркетингу и менеджменту. И все наши спокойно воспринимают эту глупость! А сегодня Кирилл ещё и сообщил, что мы должны командировать кого-нибудь из сотрудников в Питер на специальный форум, посвященный экономическому про-

гнозу развития страны. И тут я, кажется, немного сорвался.

– Не похоже на тебя, Андрюша. Это усталость, которая накопилась за последний год. Ведь ты совсем не отдыхаешь. И нужно, наконец, пройти обследование в поликлинике. Просто стыдно перед Дарьей Сергеевной, – она только на этой неделе уже дважды звонила и говорила, что ждет тебя в любое время.

Женя вдруг побледнела и замолчала, отвернувшись к камину. Она уже не сомневалась в причине собственного недомогания и понимала, что тянуть больше не следует.

– Андрюша, я что-то сама неважно себя чувствую. – И после небольшой паузы продолжила будто через силу – Наверное тебе придется пожить несколько дней одному. Отвезешь меня в клинику, прямо сейчас, ладно?

Пока Андрей суетился, пытаясь помочь жене собраться, Женя быстро сделала все необходимое, накинула легкий темно-кофейного цвета плащ и показав Андрею сумку, собранную заранее, подошла к зеркалу в прихожей. Андрей увидел как жена медленно поворачивается внимательно разглядывая свою стройную и лишь слегка округлившуюся фигуру.

* * *

По свободной в эти часы дороге до медицинского центра добрались минут за сорок. Дежурный врач, – худоща-

вая женщина лет сорока пяти, строгой внешности, – была их хорошей знакомой и процедура оформления заняла совсем немного времени.

– Правильно сделали, что приехали. Думаю за несколько дней приведем тебя в форму. Но вот с работой следует быть осторожней. Слышишь, Андрей, Женечке сейчас ваши творческие взлеты и эмоциональные встряски совершенно не нужны. Ей сейчас покой требуется рядом с любимым человеком, ну и хорошее питание, конечно. Может Центр обойдется как-нибудь без неё хотя бы месяц?

Женя ушла в сопровождении медицинской сестры, отразившись несколько раз на прощанье в каких-то блестящих стерильных поверхностях в глубине больничного коридора. Андрей же ещё некоторое время смотрел ей вслед, пытаясь побороть тревогу и дурацкое желание догнать любимого человека, не дать утонуть в холодном мире страданий, каким ему всегда представлялась больница. Затем он повернулся и неуверенно пошел к выходу.

Ехал Андрей медленно, размышляя о событиях их еще недолгой совместной жизни с Женей и не слишком внимательно следя за дорогой. К счастью встречных машин не было и далеко за полночь он, наконец, благополучно добрался до дома. Сон не шел. Заново вернулись тревоги о проекте и о команде, которую так нелегко было собрать. А под утро беспорядочные мысли вдруг выстроились в стройную конструкцию, которую пронзила объединяющая и упорядочивающая

весь интеллектуальный хаос идея, заставившая Андрея сесть на кровати сбросив одеяло и уставившись в одну точку, где-то в глубине открывшейся ему вдруг новой картины мира.

От размышлений его безжалостно и беспардонно оторвал ничего не смыслящий будильник. Он тупо известил о необходимости своевременно явиться в лабораторию, где с утра планировалось начать семинар.

* * *

Концепции и проекты «Культурно-образовательных центров», – новых элементов меняющейся системы расселения, – разрабатывались в разных концах страны. Каждой проектной группе предстояло самостоятельно разобраться с целым рядом серьёзных проблем. Архитекторы, философы, психологи, педагоги и другие специалисты трудились в поисках собственных ответов на такие трудные вопросы, как природа растущей детской преступности; причины деградация института семьи; следовало понять что делать с прогрессирующей безработицей, а вернее, с армией бывших работников бывших производственных предприятий, превращающихся в производственные автоматы или в свободные строительные площадки. И все это для того, чтобы за год составить прогноз и разработать концепцию архитектурной организации новых форм общественной и индивидуально-семейной жизни людей.

Над проблемами работали многие серьёзные коллективы, но приемлемых решений пока не было. Ситуация в архитектуре оказалась одной из самых сложных. Последние десятилетия главным содержанием творчества многих мастеров становилось все более изощренное абстрактное формообразование, все меньше связанное со смыслами и базовыми ценностями жизни людей. При этом, стремление проектировщиков угождать заказчикам и следовать западным образцам привело к тому, что архитектурная среда постепенно превращалась в пространство рынка, чуждое не только российским традициям. Утрата архитектурой человеческого, культурного содержания стала настолько очевидной, а пути изменения ситуации оставались настолько неясными, что начинать пришлось даже не с методов проектирования и средств формообразования, а с сущности самого человека. Вопреки ожиданиям некоторых мало искушенных теоретиков от архитектуры, размышлений и дискуссий на общих со смежниками семинарах оказалось не достаточно. Пришлось браться за серьёзные книги, думать, читать и снова думать.

Возникла и еще одна трудность, связанная с тем, что всякое высказывание о природе Человека зачастую звучало то как невольная оценка, а то и как осуждение того или иного участника проекта. И хотя вслух ничьи имена, никто в лаборатории не называл, да и не подразумевал никого конкретно, многие оставались то обиженными, то просто раздраженными. Говоря о Человеке вообще, невозможно было не обра-

щаться к логике поведения, смыслу и значению конкретных поступков, а потому и возникало периодически напряжение в коллективе.

Особенно интересными для всех стали семинары, посвященные семье, материнству, воспитанию детей. Специальное помещение, рассчитанное на несколько десятков человек, заполнялось до отказа молодыми сотрудниками центра, некоторые из которых уже нашли себе пары и готовились к решительному шагу в семейное будущее.

В эту пятницу сообщение об образовательной функции коттеджа для полной семьи делал стажер Шурка, стоявший сейчас перед большим интерактивным монитором. Год назад он с радостью ухватился за возможность участвовать в создании концепции жилища и уже не раз пожалел с тех пор о своей опрометчивости. Парень нервничал, дергал себя за рыжие космы и постоянно обращался взглядом к своему приятелю-философу с замечательным именем Платон. Знали ли родители когда подбирали имя сыну, что тот станет философом, или античный мыслитель вовсе не имелся в виду, – теперь установить трудно. Но независимо от этого обстоятельства, философ из Платона получился, о чем было публично заявлено при выдаче ему диплома в МГУ. И ни любимая гитара, ни горный туризм, ни увлечение живописью – не помешали его влюбленности в античных греческих философов, Николая Кузанского и ещё каких-то более или менее известных мыслителей. Единственная сила, которая

могла легко оторвать Платона от источников мудрости была улыбка красавицы Насти, архитектора из группы Андрея.

– Мне кажется... нет, я просто уверен, – смело и даже задиристо начал Шурка, – что для того, чтобы пространство жилища семьи стало образовательным, должна сформироваться сама эта семья, как духовное целое, основанное на настоящей любви и сознательно стремящееся воплотить себя в ребенке. И если жилище строиться как архитектурное воплощение этой формы человеческих отношений, получается то, что действительно можно назвать образовательным пространством.

– Ну а как ты, Шура, собираешься отличать увлеченность партнером от настоящей любви? – выкрикнула звонким и чуть насмешливым голосом интересовавший многих вопрос Настя, сидевшая у окна рядом с верной Ликой. В тонком тёмно-сером свитере, особенно удачно подчеркивающим её длинную шею на фоне окна, Настя притягивала к себе взгляд Платона, вызывая тем самым нескрываемый интерес подружки. Впрочем, не только она, но практически вся женская половина коллектива, прекрасно осведомленная о развитии многих любовных сюжетов в большом сообществе участников проекта, внимательно следила за Платоном и его переживаниями по поводу внешнего равнодушия драгоценного предмета его обожания.

Шурка зарделся, спрятал за спину откровенно мешавшие ему сейчас длинные руки и, набрав воздуха неожиданно и

надолго умолк. Пауза в образовавшейся тишине оказалась настолько томительной, что даже Платон вернулся в мир реальных событий и оторвав взгляд от профиля Насти, бросился на помощь другу.

– А он не только не может отличить одно от другого, но и не должен уметь это в отношении других людей. Достаточно, если он, как и любой человек, сумеет понять это в отношении самого себя. Даже это, кстати, совсем не просто, поскольку сама способность любить есть проявление высокого уровня человеческой культуры, до которого ещё нужно добраться. А это далеко не у всех и не всегда получается. Вон средневековые религиозные фанатики в стремлении достичь высокой духовности даже истязали собственную плоть, полагая её греховной. И греховной от природы!

Конечно, когда семье уже не один год, можно судить об отношениях между супругами даже по сформированному ими интерьеру. Хотя, конечно, главным показателем все равно будет ребенок, как реальное воплощение единства двух личностей, двух мировоззрений.

Настя, слушавшая Платона, пристально глядя тому в глаза, снова громко и вызывающе изрекла:

– А что делать нам, архитекторам, ждать когда вы, философы и психологи, разберетесь с молодой семейной парой или когда семья и её пространство полностью сформируется? А когда и для кого проектировать наш замечательный жилой дом, если у сложившейся семьи уже есть обустроен-

ное жилище, а с молодой семьей еще ничего и никому не понятно?

Не удивительно, что постепенно в центре разгоравшейся дискуссии оказалось понятие любви, кажется, хорошо известное и понятное каждому, но, одновременно, не поддающееся не только исчерпывающему, но даже более или менее приемлемому для всех определению. Вначале осторожно, а затем все смелее звучали суждения сторонников разных взглядов.

Самым неожиданным и заставившим всех умолкнуть, как бы мысленно примеряя его на себя, оказалось высказывание Железного Романа:

– Люди вечно путают половое влечение, связанное с инстинктом размножения, и человеческое чувство любви, которое ему противоположно по самой сути. Ведь если животное, вступая в эти отношения, фактически потребляет, использует партнера, стремясь успокоить собственную плоть, то человек, наоборот, отдаёт себя любимому человеку. Он подчиняет себе природу, противопоставляя человеческий альтруизм животному эгоизму! – Жестко и даже агрессивно отчеканил Роман, – В основе человеческого чувства лежит не физиологическая, а духовная близость. Тело же становится лишь одним из средств её реализации. Это не значит, к сожалению, что отношения между людьми не могут быть... просто психофизиологическими. Но тогда они и длятся недолго, как у животных.

Роман собрался сказать еще что-то, но вдруг смутился, закашлялся и вспомнив, видимо, что он человек неразговорчивый, побрел ссутулившись к своему стулу у вазона с каким-то высоким южным растением, раскинувшим высоко над головой ветви широким балдахинном. Под покровом листвы Роман затих и до конца семинара молчал, отказываясь отвечать вопросы.

Общий разговор вскоре стал рассыпаться на горячие осколки из спорящих групп, а затем и пар, продолжавших негромко и с удовольствием рассуждать о любви. При этом народ постепенно покидал зал, естественно забыв про Шурку, который тщетно пытался взывать к сознательности коллектива, так и не оставившего в отсутствие твердого организующего начала, каким был Андрей, ни одного письменного свидетельства проделанной коллективно работы. И теперь докладчику предстояло превратить свои скомканные воспоминания о дискуссии в содержательный письменный отчет о прошедшем плановом мероприятии.

– Да не расстраивайся ты! – Платон весело обнял высокого и худого Шурку за плечи, хотя сам был почти на голову ниже. – Помогу я тебе, да и подумаем еще вместе, – завтра на природе времени будет достаточно.

* * *

Хоть сотрудники творческого центра, были людьми ис-

ключительно высоко квалифицированными и творческими, пятницу они любили не меньше, чем прочее население страны. Вечер последнего рабочего дня, – сладкое время предвкушений, – это безусловно лучшие часы недели. И прелесть этого времени невероятным образом сохранялась даже тогда, когда в выходные предстояло поработать над какой-нибудь срочной задачей. Народ собирался в лаборатории для серьезного дела, но настроение у всех было какое-то шаловливое. Шутки и розыгрыши то и дело вызывали взрывы смеха в разных уголках «Лабы». Между тем, дело делалось и с задачей справлялись даже быстрее, чем в обычное время.

Впрочем, эта пятница, завершившаяся большим содержательным разговором о любви, была не просто последним рабочим днем, но преддверием долгожданного мероприятия, которое именовалось сладостным и удивительно благозвучным в это время года словом «пикник».

Отъезд на природу был назначен сначала на семь утра, но в результате длительного обсуждения с серьезными аргументами, изложенными во вдохновенной речи всегда сонного Вовы-завхоза, время сбора основной группы перенесли на восемь. Рыбаки и ответственные за подготовку лагеря выезжали в шесть или раньше, если сочтут нужным. От остальных они не зависели, располагая специально оборудованным стареньким, но надежным японским восьмиместным мини-вэном – собственностью «Лабы».

Опоздавших не было и минут в десять девятого, когда лас-

ковое августовское солнце уже заботливо прогрело автобус, сотрудники Лабы расселись по местам и двинулись по знакомому и сказочно очаровательному лесному маршруту. Смешанный лес плотной зеленой стеной стоял вдоль дороги, выпустив вперед к обочине бойкий, разношерстный подлесок. Заросли лещины и бересклета, малины и шиповника разных видов тут и там тянулись ветвями к дороге, а многочисленными хвостатые обитателями, то и дело выскакивали на проезжую часть к всеобщей радости пассажиров автобуса.

Постепенно дорога пошла на подъём. Близился перевал, – самый трудный для водителя участок пути, где было не только много похожих друг на друга развилок, но сама дорога была крайне неровной, местами каменистой, а местами заросшей густой травой и потому плохо различимой и скользкой на крутых спусках. Конечно, Антон был водителем опытным, и маршрут был ему хорошо знаком, но ситуация на перевале нередко менялась и предвидеть каждый очередной сюрприз бывало трудно. Внимательно вглядываясь в дорогу, и осторожно объезжая взявшиеся невесть откуда новые камни, Антон тревожно посматривал по сторонам на лужи тумана, становящиеся все более глубокими и плотными. К тому времени, когда автобус по его расчетам находился в верхней точке пути, туман вдруг полностью укутал сосны и скалы, совершенно скрыв и без того плохо различимую дорогу.

Пришлось остановиться. Пассажиры дружно вывалились

на траву, но не разошлись в ответ на призыв Кирилла, – главного организующего начала компании.

– Долго туман не продержится, здесь высоко и ветер обычно дует, – рассуждал вслух Антон, – максимум через полчаса поедем.

– Но это обычно, а сегодня все как-то не так, начиная с этого странного тумана, да и ветра нет. – пробормотал Кирилл и, подойдя к Антону, спросил с беззаботной улыбкой:

– Дорогу мы, надеюсь, не потеряли?

– Вот и я на это надеюсь – ответил Антон, как-то немного слишком серьёзно, и отошел от Кирилла, пристально вглядываясь в едва видимый окружающий пейзаж. Собственно даже не пейзаж, а отдельные темные силуэты то ли больших скал, то ли сосен, то ли еще чего-то неясного.

– Как ёжик в тумане, – произнес чей-то беззаботный женский голосок. Затем ещё невнятные голоса и дружный смех. Тревога, охватившая водителя и Кирилла, вообще мало склонного к шуткам, ещё не проникла в ряды отдыхающих. Народ мысленно уже был на берегу безымянной речушки, в замечательном месте, найденном и обустроенном ещё в прошлом году. На большой и необычно ровной для этих мест поляне можно было не только разбить лагерь, но и играть в бадминтон или гонять мяч. А речушка, хоть и маленькая и неглубокая, была очень симпатичной и не слишком холодной. К тому же возле лагеря русло её расширялось, образуя некое подобие купальни, достаточно глубокой и ком-

фортной.

До лагеря оставались буквально минуты езды, и никто, конечно, не мог предвидеть того, что случится, а вернее начнется очень скоро.

* * *

Муть из осколков неудачных идей и недодуманных мыслей начала оседать в голове, освобождая место светлой и понятной картине мира. Она была настолько очевидной в своей простоте, что Андрей на какое-то время даже потерял способность рассуждать, а просто любовался чудесным явлением истины, которую он давно предчувствовал, но никак не мог толком разглядеть под слоями мусора, каковыми казались ему теперь промежуточные результаты долгих поисков. Потом, позже, он поймет, что без этих интеллектуальных раскопок, едва ли ему открылось бы что-либо достойное.

Он увидел свой мир в бесконечном, ничем не ограниченном поле возможностей; мир, развивающийся по законам фантастического будущего, созданного человеческим воображением.

Человек давно научился создавать смысловые ориентиры в жизненном пространстве, воплощая в пластике форм свои идеи. Сначала это были простейшие анимистические представления о душах, населяющих природу: животных, растительных, предметных и стихийных. Именно они воплоща-

лись в символах, которыми человек наполнял свой мир. Затем происходит постепенное очеловечивание этих душ и, наконец, возникновение и развитие исторических религий. В итоге бесконечные, ничем не ограниченные силы и возможности были объединены в сознании людей в едином, очищенном от всего греховного, образе бога, того, к чему каждый человек должен стремиться. Это и был на тот момент лучший способ удержать будущее, а значит сохранить сам человеческий способ жизни.

Не удивительно, что когда религиозные ценности уже утрачивали определяющую роль в формировании сознания людей, «освобождая место» капиталу, науке, машине, а эти новые ценности ещё не достигли уровня общественного идеала, возродилась ценность самого человека, причем человека свободного, человека-творца. Впрочем, Ренессанс был недолгим, а приход капитализма неизбежен.

Но какими бы не были идеалы и ценности, объединяющие людей в разное время, они неизменно создавали соответствующие художественные образы и символы, в качестве смысловых опор своего жизненного пространства, стремясь так или иначе к некоему идеальному образу самого человека.

И ведь именно это необходимо в нашем проекте. Но какие именно общественные ценности могут сегодня стать реальным объединяющим началом для общества? Какие сюжеты, какие примеры для подражания должны быть воплощены в пластике художественных форм, если само общество

идеологически дезориентировано и разорвано по склонности граждан между деньгами и уже мало понятными церковными традициями. Ценность же самого человека-гражданина несоизмеримо меньше ценности денежного мешка, прибыли. Она настолько незначительна, по сравнению с эпохой Возрождения, и даже с недавним прошлым, что становится не только грустно, но и страшно.

Размышления о ценности человека, невольно вернули его к мыслям о будущем ребенке, с которым в его сознании были естественно связаны все представления о человеке и его достоинствах. Снова и снова Андрей возвращался к вопросу о том, как возможно то, к чему они с Женей стремятся всей душой. Как должна быть устроена их общая с ребёнком жизнь, чтобы детская душа не оказалась отравленной потоком лжи и грязи, заливающим жизненное пространство, как научить его отделять истинные культурные ценности от фальшивых и пошлых подделок? Ведь каждый малыш любит маму и папу, так как же получается, что в одних случаях ребенок становится продолжателем дела родителей, создавая династию, а в другом выросшее в интеллигентной семье чадо вдруг оказывается монстром, совершающим безнравственные и жестокие поступки? Ведь дело здесь не в природе? Или все же в природе? Ведь наши далекие предки, в которых было гораздо больше «звериного», были достаточно жестоки и в силу этого жизнеспособны. Вопрос «кто кого» возникал почти на

каждом шагу доисторического охотника, требуя убить или быть убитым.

Да. Об этом надо специально подумать, решил Андрей и перенесся мысленно в медицинский центр, к Жене.

* * *

Снова пустившись в путь по ставшей различной дороге, автобус начал медленный спуск, который должен был закончиться прямо на месте обычной стоянки у весело журчащего потока. Однако время шло, а осторожное движение вниз продолжалось и продолжалось. Видимость оставалась плохой, и Антон, крепко держа руль двумя руками, не реагировал на постулавшие то и дело веселые предложения прибавить газу. Когда, вместо того чтобы стать, как ожидалось, более пологим, спуск резко стал круче, Антон начал осторожно притормаживать, но автобус заскользил колесами по траве теряя управление, затем у всех вдруг возникло мгновенное ощущение падения и в конце концов, сильно ударившись обо что-то, машина резко остановилась.

Когда пассажиры немного успокоились, а растерянный Антон обрел способность говорить, выяснилось, что никто серьезно не пострадал. Практически новый автобус, как вскоре стало ясно, тоже с честью выдержал испытание. И все было бы замечательно если бы за окном, освободившийся наконец от тумана, пейзаж не оказался незнакомым и даже

каким-то неправильным, как сказал Кирилл, выйдя из послушно открывшейся двери автобуса и оглядевшись.

Плотно обступившая автобус растительность выглядела не совсем привычно из-за малого количества хвойных деревьев и изобилия каких-то невысоких широколистных и кажется редких в нашей зоне растений. Но главное обстоятельство, повергшее всех в смятение, было совсем другого рода. Вышедшие вслед за Кириллом и столпившиеся за автобусом, совсем еще недавно шумные и беззаботные пассажиры, молча разглядывали вертикальную стену, неизвестно откуда взявшуюся там, где должен был быть след колес автобуса и дорога, по которой он прибыл в эту странную точку. Было, конечно, ощущение падения, но совсем незначительное. Падение же с шестиметровой стены, нависавшей сейчас над автобусом, имело бы совсем другие последствия и для машины и для пассажиров.

– Внимание, друзья, – заговорил Кирилл, стряхнувший с себя оцепенение, – Мы сбились с дороги, но далеко уйти с маршрута не могли. Факт появления этой стены и прочие неясные обстоятельства можно обсудить позже. Сейчас нужно найти дорогу к лагерю, которая конечно, где-то недалеко. Предлагаю художникам организовать поиск... – Кирилл посмотрел на компас, который был у него на запястье, – в южном направлении. Скорее всего, где-то здесь дорога с которой мы ушли. Архитекторы могут отправиться на восток, осмотреть ближайшие окрестности также на предмет нали-

чия дорог, тропинок и т. д.

Никто не спорил с Кириллом, и не только потому, что его организационные способности давно были признаны, но и в связи с очевидностью предложенного плана. Нужно было быстрее выбираться на дорогу и мчаться в лагерь, где их ждали друзья, и идти при этом можно было лишь вперед, – на восток и вправо, – на юг, поскольку путь назад и налево был закрыт. То скрываясь за плотной растительностью, то снова появляясь на свет, высокая, местами каменистая стена образовала непреодолимый барьер, ограничивающий направление поисков.

– Остальным я предлагаю остаться на месте и не отходить далеко от автобуса. Можно, конечно попробовать определить свое положение с помощью смартфонов, если получится, хотя я не думаю, что это чем-нибудь поможет.

– Ой, а связи нет, ни одной шашечки! – воскликнула Лика, обращаясь к Насте, которая в это время тоже возилось со своим телефоном и конечно уже поняла, что сигнала нет. Новость была крайне неприятной и существенно добавила всем беспокойства.

– Попробую забраться на дерево! – заявил Платон и начал быстро подниматься по стволу ближайшего дерева с неожиданной для его коренастой фигуры ловкостью и вскоре скрылся в глубине кроны высокого клена. Несколько минут все ждали сообщения о том, что связь установлена, но Платон молчал. Дважды он поднимался выше, добравшись уже

чуть ли не до самой вершины, где ветки могли не выдержать его веса, но результат, похоже, был тот же.

– Связи нет. Никаких признаков! – подтвердил, наконец, Платон очевидное, оглядываясь вокруг и пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, кроме бесконечной горно-таежной растительности.

Мягко ступая по толстому хвойному ковру, выглядевшее так, будто его впервые коснулась нога человека, долговзый Шурка подошел к дереву и окликнул Платона.

– Пойдем, дорогу поищем, или ты теперь там будешь сидеть?

– Подожди минутку, тут, кажется, что-то интересное.

Спустя несколько минут Платон все же спустился на землю и направился вслед за Шуркой в ту сторону, где каменная стена заканчивалась, либо активно снижалась, скрываясь за деревьями.

– Что ты там интересного увидел? – окликнул Платона Кирилл, по-прежнему стоявший под деревом.

– Ничего особенного, так... показалось». И Платон быстро пошел вперед, догоняя Шурку. Спустя еще мгновение оба скрылись в густой листве.

Туман совсем рассеялся и влажную прохладу раннего утра сменило ласковое тепло не спеша поднимающегося над лесом солнца. Погода обещала быть замечательной, что дружно подтверждали радостным щебетаньем многочисленные пернатые.

Вторая группа, в которую вошли Настя с Ликой и Железный Роман, тоже отправилась на поиски дороги. Углубившись в лес, они быстро пропали из виду и свидетельством их быстрого движения стали лишь взлетающие стайки потревоженных птиц.

Антон надел спецовку и открыв капот начал техосмотр, временами тяжело вздыхая и по привычке недовольно бормоча себе под нос что-то невнятное. Автобус был совсем новый и Антон тяжело переживал каждую царапину на ослепительно белом кузове и каждое, едва заметное пятнышко на обивке цвета морской волны. Что уж говорить о серьезных повреждениях двигателя или ходовой, каковыми могло грозить только что пережитое происшествие.

Кирилл тем временем сосредоточенно размышлял, нервно прохаживаясь перед автобусом и периодически выхватывая из кармана смартфон с твердым намерением с кем-то немедленно связаться, и в который уже раз убеждаясь, что связи нет. Остальные пассажиры просто томились ожиданием, прислушиваясь к царившей вокруг первозданной тишине и вглядываясь в сцену богатой и умиротворенной лесной жизни, щедро сдобренной жужжанием насекомых. Но ни радостных возгласов разведчиков, ни других звуков, способных наконец расколоть уныние, царившее вокруг уткнувшегося носом в какую-то земляную кучу автобуса, не раздавалось. Становилось жарко и народ, кроме некоторых, дремавших в салоне, стал постепенно подтягиваться к пятаку за

автобусом, отбрасывавшим тень и стене, активно источавшей прохладу.

От нечего делать Серега пробрался сквозь кустарник и уперся в совершенно свежий срез земли, уходящий вверх. Он прижал ладони к влажной и осыпающейся поверхности. Сомнений не могло быть, срез образовался недавно, буквально только что. Но каким образом? – Его знаний в области геологии было недостаточно, чтобы объяснить, как мог образоваться огромный обрыв в месте, где ещё недавно был пологий склон. Ведь землетрясения или иного подобного катаклизма вроде бы не было!

Где-то тихо журчала вода, Серега прислушался и сделал несколько шагов вдоль стены в направлении звука. Земля под ногами зачавкала и хлынула в сандалии. Она была холодной, вернее даже ледяной и эффект оказался настолько неожиданным, что Серега буквально отпрыгнул назад, поскользнулся и с трудом удержал равновесие. На шум подошли скучавшие в ожидании новостей товарищи, и спустя минуту уже все заговорили, с волнением обсуждая Серёгино открытие, высказывая различные идеи касательно природы обрыва, нарушившего так неожиданно их планы.

Кирилл, тоже подошедший на шум, внимательно разглядывал вертикальный срез, с выступающими повсюду относительно ровными каменными поверхностями и ручейком воды, пробившейся между камней и стекавшей в быстро разрастающуюся лужу. Диплом геолога, о котором конечно зна-

ли все, обязывал его пояснить несведущим коллегам ситуацию, но единственная новость, смысл которой был очевиден для Кирилла, состояла в том, что стена перед ним наверняка была искусственного происхождения. Строго вертикальная, она была сложена из больших каменных глыб, либо очень давно частично вырублена в естественной скале. Каким было сооружение, исполинский фрагмент которого случайно обнажился, Кирилл представить себе не мог.

Осмотр стены продолжался. Молодежь двигалась вдоль среза, обходя густые заросли кустарников и все дальше уходя от автобуса. Спустя несколько минут наткнулись еще на один ручей, похожий на первый. Только в этом случае вода не собиралась в лужицу, а сразу утекала прочь, быстро исчезая в высокой густой траве. Вскоре уклон стал ещё более ощутимым, а стена заметно ниже. Кроме того, каменная поверхность уже несколько раз изменила направление, забирая все левее и как бы огибая исследуемый участок. Лесные заросли стали гуще, затрудняя движение исследователей, а высокие и густые кроны деревьев совсем скрыли сияющее на чистом небе без единого облачка солнце. Ориентируясь по стене и стараясь не терять друг друга из виду, парни и девушки, поглощённые борьбой с кустарниками и густым валежником, то и дело цеплявшимся за ноги, молча продвигались вперед.

Путешествие закончилось неожиданно. Сначала лес стал быстро редеть, вспыхивая яркими цветными островками под лучами горячего солнечного света. Затем большие де-

ревья вдруг закончились, а темно-зеленые пятна кустарников рассыпались по искрящемуся одеялу лугового разнотравья. Прекрасный природный газон простирался метров на сто пятьдесят и...обрывался, будто растворяясь в далекой голубизне горизонта. Лес в этом направлении кончился, исчез вместе с подлеском и это было так неправильно, даже невозможно, что все замерли, безуспешно пытаясь осознать происходящее то ли с окружающим миром, то ли с ними.

Состояние всеобщего замешательства нарушили раздавшиеся слева голоса:

– Ну, как вам это нравится? А стена?

Настя, в яркой голубой панаме и облегающем фигуру джинсовом костюме, шла впереди, а метрах в десяти за ней двигались хромающая Лика и бережно поддерживающий её Железный Роман.

– Вы что, ещё не видели?! – воскликнула Настя, возмущенная неведением, в котором продолжали пребывать растерянные члены команды вновь прибывших.

– Да там в стене целый портал из гранита обнажился! Ему, наверное, несколько тысяч лет! Вот бы увидеть, что там внутри! Только он забит сейчас землей и камнями... – с сожалением добавила Настя. Не дождавшись реакции Кирилла, который едва успел открыть рот, Настя обернулась и быстро пошла назад, навстречу Лике и обняв ее за плечи увлекла в сторону, продолжая что-то быстро и эмоционально говорить подружке на ухо. Роман, оставшись один, подошел к

Кириллу и собравшимся вокруг него коллегам. Со скомканной желтой кепкой в руке и растрепанной ветром прической он выглядел крайне озабоченным и немного растерянным, в отличие от жизнерадостной Насти.

– Во-первых, там где кончается стена, начинается очень крутой длинный склон. Это практически обрыв, спускаться по которому без снаряжения вряд ли можно. Поляна, что перед нами, тянется вдоль обрыва, огибая наш участок, думаю, до восточного конца стены. Платон с Шуркой, которые где-то там сейчас, скорее всего это подтвердят. Похоже, что вся территория, на которой мы находимся, каким-то образом опустилась в тот самый момент, когда мы были на границе. Может по всей площади, а может в основном в части, примыкающей теперь к стене. На поверхности нигде нет видимых изломов или других деформаций, что само по себе трудно объяснимо. Во всяком случае, мы в ловушке, простого выхода из которой пока не видно».

Железный Роман умолк, глядя куда-то за горизонт.

– Предлагаю вернуться к автобусу и обсудить ситуацию. Заодно и попить можно. – по возможности бодрым голосом произнес Кирилл, пытаясь разрушить атмосферу уныния, которое охватывало постепенно всю команду. Пока доберемся и Платон с Шуркой вернутся, расскажут о новых открытиях, которых здесь, похоже, ещё много будет. А по пути можно глянуть на чудо-портал имени Насти, впервые поведавшей о нем широким массам исследователей.

Народ согласно закивал, а Настя, довольная выпавшей на её долю ролью лидера в походе к portalу, никого не ожидая, решительно углубилась в лесную чащу, скрывшую вскоре всю команду. Выйдя метров через двести к стене и пройдя ещё немного влево, вдоль знакомой каменной поверхности, все замерли перед открывшимся им чудом. Огромные почти черные блоки правильной прямоугольной формы, аккуратно сложенные друг на друга и увенчанные такой же гладкой и геометрически точной перемышкой, образовывали высокий монументального вида портал, который так тронул архитектурную душу Насти. Конструкция портала была органически связана с обнаженной brutальной стеной, выложенной необработанными либо чуть подправленными глыбами. Блоки портала уходили в землю и вглубь стены и их идеально гладкие грани гордо и вызывающе выступали над неровной поверхностью, уходящей влево и вправо. Проем портала был заполнен землей и камнями и можно было только предполагать для кого и для чего был сооружен этот вход, куда попадали люди по ту сторону стены.

* * *

Уследить за кофе, как это нередко случалось, Андрею все же не удалось, и коричневая пена со злорадным шипением поползла по плите. Позже, когда завтрак был окончен и ликвидированы последствия его пребывания в столовой, иде-

ально обустроенной Женей, Андрей уселся за руль любимой “Самгу” и только теперь, мысленно готовясь к встрече с женой, наконец отвлекся от рассуждений о природе жизненного пространства семьи. Коснулась его мысль и пространства столовой, но как-то робко и не очень уверенно.

Размышляя о том, где в этот ранний час можно купить цветы и непроизвольно оглядываясь по сторонам, Андрей то ли увидел, то ли просто вдруг осознал, что небо стало чистым и прозрачным, а солнце победно сияло над пробуждающимся академическим поселком, наполняя улицы какой-то необычной теплотой. Испытав вдруг приятный прилив бодрости, которой так не хватало, он прибавил скорости и спустя пару минут оказался у цели.

Букет любимых Женей белых хризантем, который, кажется, ждал Андрея, с нетерпением выглядывая через витринное стекло цветочного павильона у маленького летнего рынка, лежал теперь рядом на сиденье, задавая ход его мыслям.

– Интересно, – размышлял Кирилл, – как мало мы задумываемся о том, какую роль в организации пространства нашей жизни играет смысл той или иной вещи. Причем не просто её общепризнанное значение, как то, например, что стул это приспособление для сидения. А то, что открыто далеко не всем. Вот этот букет для Жени и для меня – свидетель, и «активный участник» нашего сближения. Белые хризантемы в нашем доме это не просто приятно, – подобное чувство вызовет любой подаренный или полученный в по-

дарок цветов, – но это обращение к близкому человеку, исполненное особого чувства и всего того, из чего оно складывалось. Можно сказать, что цветы эти для нас символ того, что нас объединяет. И того, что видим в них мы с Женей, не видит больше никто. Вернее, другие видят совсем другое, каждый свое. Иначе говоря, белые хризантемы это особое и весьма сильное средство формирования нашего общего с ней пространства. И не просто художественного формирования, а куда более важного – смыслового! И ещё, это именно мы, сами создали этот символ. А ведь точно так же, можно наделять подобными смыслами само жилище, и смыслы будут умножаться, если происходит реальная трансляция фамильной культуры из поколения в поколение.

Продолжая размышлять о цветах и о жилище, которое они вместе превратили в тот маленький мир, где так хорошо и покойно, Андрей добрался до двери клиники. Было раннее утро и учреждение наверняка было ещё закрыто для посетителей. Большой холл за широкими стеклянными дверями был стерильно чист, как только что распакованный новый холодильник, и так же стерильно пуст и беззвучен. Андрей быстро направился ко входу в приемный покой за углом. Старая знакомая уже была на работе. Стройная, в строгих серебряных очках и накрахмаленной шапочке на пышных, чуть оттененных естественной сединой русых волосах, она одобритительно посмотрела на цветы, затем перевела взгляд на Андрея.

– Что же рано так, сударь? Или спешишь? – В голосе всегда благожелательного доктора ощущался легкий неодобрительный оттенок.

– Женя в порядке и цветам рада будет, а звонить можешь и почаще, – сказала она с легким укором, улыбнулась и неожиданно ласково добавила:

– Сейчас спустится. Знает уже.

Затем порылась в кармане, будто вспомнив о чем-то, и со словами – Ну, общайтесь, обсуждайте новости – пошла по коридору навстречу Жене, сияющая улыбка которой быстро приближалась к Андрею.

– У нас будет мальчик! – Горячим шёпотом сообщила Женя, бросившись ему на шею. – Ты рад? – Она смотрела ему в глаза со страхом и радостью, вернее восторгом, которым нужно было немедленно поделиться, чтобы самой не разлететься на тысячу ликующих осколков, и для этого она искала в его глазах то самое бесконечное понимание и готовность к сопереживанию, в котором могла раствориться и успокоиться в счастливом ожидании чуда.

– Я очень люблю тебя и его, и я знаю, каким он будет, наш сын. А ты? – прошептал Андрей.

Оба долго молча стояли обнявшись и думая об одном и том же. Сын, прекрасный и бесконечно любимый, уже родился в их сознании. Они молча бережно любовались образом, вылепленным из всего лучшего, что нашли друг в друге. И им не нужно было слов...

А рядом, на стуле лежал большой букет белых хризантем, красивый и гордый своей ролью символа любви этих двух замечательных людей... или уже трех?

* * *

Тайна портала настолько увлекла архитекторов, что развившуюся стихийную и не вполне научную дискуссию остановить было уже невозможно. Проблемы пропавшей дороги и ловушки, в которой все оказались по мнению Железного Романа, – все было отодвинуто на второй план.

В это время Кирилл и остальные шесть пассажиров автобуса, – в основном художники, – сообщив о своих планах оставшемся у портала с архитекторами Железному Роману, направились к точке сбора, где их ждал Антон.

Путь решено было сократить, и ориентируясь по компасу группа углубилась в густой, прохладный и какой-то сумеречный в этой части лес. Сначала, как обычно, ноги то скользили попадая на толстые и еще не сгнившие ветви растений, то утопали в толстом слое мха и опавшей хвои. Идти было довольно трудно и потому все обрадовались, когда под ногами стали ощутимы более твердые участки. Местами из под толстого слоя органики выступали большие каменные пластины разных размеров и оттенков, которых становилось все больше.

– Мне кажется, камни эти здесь не случайно – громко

проговорил Серега, немного отставший от группы и внимательно разглядывавший, опустившись на корточки, очередной плоский камень, который примыкал к другому, но уже вертикально стоящему и по большей части скрытому в земле. Затем он поднялся и отошел на несколько метров в сторону, внимательно глядя под ноги.

– А вот здесь и с другой стороны камней уже нет, – провозгласил он, – так что почти наверняка мы идем по какой-то древней дороге!

Спорить с ним никто не собирался и движение продолжилось. Вскоре камней стало еще больше, причем появились они как слева, так и справа от идущих. Неугомонный Серега забегавший по территории как гончая, потерявшая след в зарослях папоротника и высокотравье, вдруг остановился и ещё немного подумав, объявил:

– Это, вероятней всего, какая-то ритуальная площадка! Где здесь, интересно, центр? Заинтересованные рассуждениями уважаемого графика, двое парней и двое девушек-художниц тоже разбрелись по отмеченной камнями территории, в поисках чего-нибудь интересного и важного.

Между тем, проснувшийся и согретый солнцем лес был полон звуков самого разного происхождения. Часть из них, в основном голоса птиц, таких, например, как певчий дрозд, были легко узнаваемы. Другие, разнообразные по характеру, могли обозначать что угодно, но при этом создавали достаточно привычный для обитателей академического поселка

умиротворяющий лесной фон.

Незнакомое, низкое стрекотание, раздавшееся неожиданно над головами, нарушило гармонию и заставило встрепетнуться Вареньку – художницу монументалистку в голубой бейсболке и симпатичных веснушках, весело дополняющих её курносый образ.

– Ой! А кто это?! – опасливо спросила Варенька у оказавшегося рядом Серёги.

– Судя по звуку, это Летяга, – редкая белка, давно занесенная в красную книгу, – ответил он со знанием дела, – странно только, что она подает голос сейчас, утром. Ночное это животное, – добавил Серега, вглядываясь в кроны окружающих деревьев.

Снова раздалось стрекотание и вдруг перед его глазами появился раскинувший лапки и растянувший соединяющие их перепонки небольшой зверек. Он легко парил на довольно большой высоте и почти все успели его разглядеть, прежде чем пушистый хвостик исчез в листве одного из деревьев.

Какой замечательный! – воскликнула Варенька быстро направляясь к высокой рябине, скрывшей зверька, и пытаясь рассмотреть его среди ветвей с оранжево красными гроздьями созревающих плодов. Большой плоский камень, в который уперся Варин кроссовок, лежал чуть с наклоном и был покрыт толстым слоем ярко зеленого, почти изумрудного мха. Подошва скользнула по влажной поверхности, сди-

рая растительный слой, нога подвернулась и Варенька, громко вскрикнув, шлепнулась на хвойную подушку, чудом избежав встречи с другим, похожим на кусок гранита камнем. Потрясенная неожиданным падением, девушка не сразу поднялась и несколько ребят, поспешивших на помощь успели подбежать к ней. Убедившись, что с Варенькой все в порядке и обменявшись несколькими яркими и содержательными высказываниями о скользких камнях и лесном мхе, они уже хотели разойтись, как вдруг событие получило неожиданное продолжение.

– Смотрите! – негромко позвала Варенька, – Да смотрите же!» – нетерпеливо и требовательно повторила она, склонившись над скользким камнем и палочкой соскабливая с его поверхности мох.

– Это же петроглиф! Как в Калбак-Таше на Алтае! Я их недавно рассматривала. В глазах маленькой Вареньки разгорался яростный огонь первооткрывателя. На Кирилла, который попытался в этот самый момент поторопить её и остальных, она глянула с таким выражением, что тот съежился. Еще несколько минут спустя новое открытие уже настолько увлекло творческую молодежь, что призывы Кирилла идти дальше, ссылки на то, что Антон ждет у автобуса, а выехавшие заранее вообще их потеряли и нужно быстрее что-нибудь делать, – не произвели никакого впечатления на исследователей, дружно расчищавших теперь покрытые мхом камни. Дело пошло неплохо, и уже на нескольких быстро вы-

сыхающих каменных поверхностях хорошо прочитывались рельефные изображения. Тут и там угадывались профили животных и динамичные фигурки людей, достаточно выразительные, хоть и разные по степени реалистичности. То и дело звучали возгласы, возвещавшие о новой находке либо о выявленном смысле очередного причудливого изображения. Ребята обменивались идеями, постоянно переходя от камня к камню, и лишь Серега сначала молча описывал круги, всматриваясь себе под ноги, а затем подошел к большому, в рост человека, валуну, лежавшему немного в стороне и полускрытому густым кустарником, после чего сам скрылся из виду.

Кирилл, старавшийся контролировать ситуацию, не выпускал, на всякий случай, из поля зрения никого из спутников, и как только Серега исчез, зайдя за камень, неспеша пошел в его сторону. Поглядывая под ноги, Кирилл сначала не мог сообразить, что именно привлекло внимание Сереги, но уже минуту спустя уловил закономерность в расположении камней, заставившую того ходить по кругу, сокращая постепенно радиус. Большой камень со срезанной вершиной, конечно оказался в центре. Вслед за Серегой Кирилл обошел поросшую мхом таинственную глыбу и в растерянности остановился, оглядываясь по сторонам. Серега пропал. Повернувшись к замшелой поверхности лицом он с чувством ударил по ней кулаком. Осознание беспомощности перед непрекращающейся чередой невозможных, непонятных

и ненужных событий и одновременно чувство раздражения охватили Кирилла, вызвав эмоциональную вспышку, позволившую, впрочем, быстро вернуть контроль над собой.

– Только этого ещё не хватало, – подумал он, продолжая оглядываться и пытаясь понять, куда же мог деться Сергей.

– Ты что, Кирилл? Что случилось? – раздался у него над головой голос, сразу же положивший конец волнениям, – Между прочим, это древнейший ритуальный центр! Нет никаких сомнений, что многие поколения местных жителей совершали здесь свои обряды, возможно даже кровавые! Вот бы понять смысл всего этого! Забирайся сюда, там левее ступени и даже углубления для рук есть.

Кирилл прекрасно понимал, что по мере того как их незапланированное приключение затягивалось, исчезновение автобуса на полпути к лагерю и полное отсутствие связи уже должно было вызвать серьёзную тревогу у группы, выехавшей раньше. А через некоторое время об их исчезновении узнают в поселке, начнутся поиски, и эта история принесет не только волнения, а может и страдания близким, но и ударит по репутации «Центра». В то же время, древняя стена с удивительным порталом, а теперь ещё и эти камни с изображениями – были серьёзным аргументом в пользу задержки в таком странном, но чрезвычайно интересном месте.

А место было удивительное, в чем Кириллу и его спутникам вскоре пришлось ещё раз убедиться.

Без труда обнаружив замшелые каменные ступеньки, за-

метно стертые ногами и временем, Кирилл быстро взобрался к Сереге на площадку. Сделав два шага к центру, где стоял товарищ, он успел окинуть взглядом художников, усиленно очищавших от мха окружающие их камни. Но уже в следующее мгновение началась чертовщина, окончательно спутавшая его мысли. Видимость сначала ухудшилась, словно в недавнем утреннем тумане, затем в молочно-серой пелене стали проступать контуры совершенно другого ландшафта с довольно скудной растительностью. Большая открытая территория вокруг была ограничена высокой и мощной каменной стеной, на которой даже на большом расстоянии был хорошо виден блестящий черный силуэт знакомого уже портала. Дул сильный ветер, судя по сгибающимся веткам кустарника, но движение воздуха здесь, на камне совершенно не ощущалось.

Вокруг были люди. Много людей. Коренастые, темноволосые и темнокожие, словно от долгого загара, в одеждах из шкур разных животных, они молча стояли вокруг, расположившись на камнях, расходившихся от центра концентрическими кругами. В руках у каждого было копье или другое оружие. Суровые, хмурые взгляды нескольких десятков сильных и, видимо, жестоких воинов были направлены на Кирилла и Сергея. Было страшно.

– Ты это видишь? – Тихо спросил первым пришедший в себя Серега. – Это сцена, которой десятки тысяч лет!

– Да, но если это жертвоприношение, то похоже в этой

версии нам отведена самая короткая роль без слов! Смотри, они начали что-то говорить. Повторяют, судя по движению губ, все одно и то же.

Испуганные и растерянные исследователи внимательно прислушивались, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук, который помог бы разобраться в происходящем. От напряжения у Сереги сильно заболела голова. Он зажмурил глаза, пытаясь справиться с болью, и вдруг не столько услышал, сколько почувствовал накатывающиеся волны глухих звуков, издаваемых людьми, смысл которых почему-то был совершенно ясен. «Мы!», – дружно выдыхали, многократно повторяя воины, – «Мы! Мы! Мы!...» – мощно раскатывались волны звуков, отражаясь от окружающей вдали стены и уходя за горизонт, где небо смешалось с морем.

Звук исчез так же неожиданно, как появился, исчез вместе с головной болью, но Кирилл этого даже не заметил. Вокруг камня, на котором они стояли, началось странное действие, в котором участвовали все собравшиеся. Минут пять молодые люди наблюдали за происходящим, пытаясь понять смысл действий его участников, активно перемещавшихся по площадке, то размахивая оружием, то совершая другие непонятные движения.

– Мне кажется, это сцена охоты на какого-то опасного зверя, – прошептал Кирилл, – они очень серьёзно разыгрывают её, при этом у каждого своя роль и есть «дирижер», за сигналами которого все внимательно следят. Нас они явно не

видят, но подчиняются тому кто безусловно является лидером этого действия и стоит здесь же, на камне.

– Точно! – согласился Серега, – ты посмотри, кстати, под ноги!

Внизу, где по логике должны были находиться их кроссовки, красовалась большая бордового цвета пластина с различными вкраплениями и круглым отверстием в центре, аккуратно вытесанная из какого-то минерала и вставленная в специальное углубление. Как сразу же определил Кирилл, это была яшма, на которой, видимо, стоял тот, кто управлял ритуалом.

Сергей попробовал пошевелить невидимыми сейчас ногами и непроизвольно сделал шаг в сторону. И... видение исчезло, мгновенно и бесследно. Сразу зашумел лес и послышались голоса художников, уже начавших их поиски. Отозвавшись на призывные крики, Кирилл с Серегой, спустились вниз и с сожалением оглядываясь на удивительную глыбу двинулись к большому плоскому камню, у которого собралась вся команда. Вдруг Серега остановился и, резко повернувшись, быстро пошел назад. Следуя необъяснимому желанию, он приложил ухо к вертикальной поверхности центрального камня и подивился тому, насколько она была теплой. Камень молчал, будто также внимательно прислушиваясь к Сереге. Прошла почти целая минута и оторвавшись, наконец, от шершавой поверхности таинственного древнего сооружения, – а то, что это нечто искусственно созданное

у Сереги сомнений не было, – он побежал к коллегам, с открытыми ртами слушавших рассказ Кирилла об их коротком путешествии в прошлое.

– Место смысла! – сказал Серега, как только рассказчик умолк.

– Ты о чем? – спросил Кирилл, удивленно смотря на коллегу, – что за «Место смысла?».

– Ну, так оно у них называется, все это пространство с камнями, где они совершают обряды, – добавил он.

– Откуда ты это знаешь, тебе что, камень нашептал? – настаивал Кирилл.

Сергей, растерянно посмотрел на камень, выглядывающий из-за кустов и затем, снова глянув на Кирилла, пробормотал:

– Ну да. Наверное это он, хотя я и не слышал. Но я знаю, уверен, что это так.

Сергей замолчал и будто прислушиваясь к чему-то, снова не торопясь пошел в сторону большого камня.

Когда относительную тишину и покой лесного царства расколол сигнал вызова на чьем-то смартфоне, это произвело эффект разорвавшейся бомбы средней мощности. Обернувшись на звук все увидели Сергея, гордо возвышавшегося над кустами, скрывавшими центральный камень. В руках у него был телефон, по которому он уже громко говорил с дозвонившимся Андреем. Вернее даже кричал, торопясь рассказать главное: что все в порядке, все живы и здоровы, про-

сто немного заблудились и попали в страшно интересное место, где нет сигнала; что они недалеко от их лагеря, но где именно не знают; сейчас ведут разведку, но дорогу пока не нашли, зато нашли потрясающие и таинственные вещи, рассказать о которых – никто не поверит! Возможно выехать своим ходом им вообще не удастся и тогда придется выбираться пешком.

Радость от того, что появилась связь, быстро сменилась некоторым разочарованием, поскольку шашечки появлялись только если подняться в одиночку на большой камень и стать в строго определенном месте. Но тем не менее все успокоились, поскольку смогли по очереди связаться с родными и близкими, успокоив их обещанием к концу выходных, как и планировалось, быть дома.

Сергея так и не смог объяснить, как он пришел к выводу о необходимости вернуться во второй раз на камень и проверить наличие сигнала. Просто подумал, что так нужно срочно сделать и всё.

Когда компания во главе с Кириллом и с присоединившимися к ним архитекторами вернулись к автобусу, было уже около двух часов дня. Платон и Шурка, завершив обследование вверенной им территории, бодрые и жизнерадостные, вернулись еще в полдень, и теперь томились в тени старой развесистой ольхи в ожидании возможности отчитаться перед коллегами о своих находках.

Тем временем, Антон, человек на первый взгляд хмурый

и даже нелюдимый, но на самом деле хозяйственный и заботливый, благоустроил небольшую площадку возле автобуса, натянув между молодыми деревьями тент и превратив её в столовую и кухню одновременно. Постоянно находившегося в его автобусе, и периодически обновляемого запаса разных приспособлений, посуды, консервов и других продуктов – хватило бы, чтобы приготовить не только хороший обед, но и продержаться всей компанией несколько дней. От казана и двух кастрюль, закрытых крышками и прикрытых одеялом исходил аппетитный запах, в котором доминировал аромат грибов, тут и там выглядывавших из травы. На искусно сложенном очаге в большой кастрюле варился компот из сухофруктов, в который Антон щедро засыпал смесь из лесных ягод, так же в изобилии произраставших вокруг.

– Камни с рельефными рисунками мы тоже видели, – начал Шурка свой рассказ, сразу отреагировав на продолжающиеся споры и дискуссии по поводу удивительного «места смысла», – наверное это была северная часть той же площадки. Правда, мы спешили и не изучали территорию» – добавил он, с сожалением бросив взгляд на Серегу, молча стоявшего чуть поодаль. – Потом мы вышли на поляну, там где лес кончается, дошли до обрыва и двинулись вдоль него на север. Метров двести, наверное ничего не менялось, а затем мы подошли к нашей стене. Высота открывшейся каменной поверхности там была значительно меньше, чем здесь, раза в полтора, наверное. Но вот над ней склон очень крутой, со-

всем не такой, как тот, по которому мы спускались перед падением. Хотя там тоже только трава и камни, а деревьев и кустарников практически нет, – слишком круто.

– Ты бы о главном, Шура – воспользовался паузой Платон, укоризненно глядя на товарища, – эти подробности позже обсудить успеем.

– Ну да, – продолжил Шурка, – мы, собственно, к этому месту, где стена заканчивается, пришли по тропе. А тропа эта явно звериная, хотя мы и не знаем, что за звери её протоптали, но то, что звери по ней и сейчас ходят, это точно. И ходят они по ней даже теперь, несмотря на катаклизм. Мы с Платоном, когда были метрах в тридцати от угла, где стена подходит к обрыву, увидели какого-то черного зверя, который в этот момент то ли спрыгнул, то ли слез вниз и исчез из виду. Мы туда пытались заглянуть, но подойти к самому краю не удалось, поскольку земля шевелится и грозит совсем обвалиться. Да и ухватиться не за что. Туда нужно прийти с лопатой и обрушить свисающую часть. Она наверняка только на корнях держится. Суде по тому, что удалось разглядеть, там, ниже, скорее всего был нормальный спуск, по которому можно и до лагеря быстро добраться. Правда пешком, а вот как быть с автобусом не понятно.

Антон, тоже стоявший рядом со всеми и слушавший отчет первой группы разведчиков, покашлял, привлекая общее внимание и тихо произнес:

– Обед стынет.

Повернулся ко всем обиженной сутулой спиной и медленно пошел к навесу, где клубились невероятные ароматы, от которых у голодных путешественников, спешно следовавших за ним, закружилась голова и разбежались, быстро угасая, все мысли, кроме связанных с острым чувством голода.

Одноразовые тарелки заполнялись и тут же опустошались, постукивал половник о край большой кастрюли с удивительным компотом «От Антона».

Когда трапеза была закончена, благодарности и восторги талантами Антона высказаны, а посуда вымыта и сложена на место в специальном багажном отделении автобуса, сытый народ устроился в тени на походных матрасах и ковриках, возвращаясь неспеша к обсуждавшимся еще недавно горячим темам.

Часа через полтора, так и не придя к общему мнению ни по одному из волновавших всех вопросов, за исключением последнего – о целесообразности попробовать расчистить спуск, найденный Платоном и Шуркой, вся команда собралась идти раскапывать «Северный проход к свободе», как назвал его Серега.

Было ещё светло, но солнце уже остывало, ласково согревая обожженные за день носы. Вечер августовского дня приближался и Кирилл, долгое время не вмешивавшийся в обсуждения, решил, что без управления дело вряд ли будет сделано, тем более сделано хорошо. Обратившись к Шурке, который каким-то образом сумел не просто завладеть общим

вниманием, но убедить всех в целесообразности немедленного коллективного похода на Север, к возможному спуску, он спросил, какова конкретно цель похода, сколько нужно людей и какие инструменты для её достижения, какие принимаются меры безопасности, – обрыв все-таки! – что планируется делать, если удастся обрушить край обрыва, если не предполагается, что все начнут прыгать вниз, благо два-три метра, на которые хотелось бы надеяться, это не так много? А как возвращаться в темноте к автобусу? Шурка под градом жестких вопросов немного растерялся, словно трепетная лань грубо остановленная в благородном порыве. Однако, постаравшись тут же взять себя в руки, он быстро глянул в толпу, где светилась веснушками и решительно вздернутым носиком лицо Вареньки, и сказал, что конечно думал обо всём этом и собирается взять с собой фонарь.

Кирилл снова заговорил, привычным для себя, спокойным и уверенным голосом:

– Ещё часа три-четыре будет достаточно светло и за это время можно успеть сфотографировать и по возможности описать главные находки. Если найдется чем, то хорошо бы сделать хотя бы основные замеры. Пока на все это есть какое-то время. Ещё нужно связаться по телефону с Андреем, описать ему ситуацию на этот момент и планы ближайших действий. Ребята, которые уехали раньше, наверное уже отправились на поиски. Нужно бы с ними тоже созвониться поговорить, предостеречь от обрыва, в который мы угодили;

попытаться описать место, где мы находимся и может быть найти или изготовить какие-нибудь ориентиры. Можно в согласованное время зажечь дымный костер.

Платон с Шурой и двумя-тремя помощниками могли бы попробовать разобраться сегодня со спуском. Платон, ты же, кажется, горным туризмом когда-то занимался. Или я что-то путаю? Ты должен знать, что такое страховка и раз нет специального снаряжения попробуй использовать хотя бы те веревки, которые есть у Ан-тона, чтобы просто так к обрыву не соваться.

Платон молча выслушал предложения Кирилла, затем указал ему на большую дорожную сумку, ярко синего цвета, которая стояла неподалёку и произнёс:

– Ты конечно прав, и предполагая, что ты будешь настаивать на чём-то подобном, мы с Антоном уже все подготовили. Фонари и зажигалку тоже взяли.

Платон открыл сумку, где на аккуратно уложенных вещах лежала аптечка и ещё какие-то коробочки. Пришло время смутиться Кириллу.

– Так Антон тоже участвовал? Ну, тогда вы точно победите!

Быстро сформировались три группы. Первая, из шести человек во главе с Платоном, отправилась на север. Вторая, в том же составе, что и до обеда, направилась к порталу. Впереди, энергично размахивая вырезанной из орешника длинной палкой, шагала по хорошо уже знакомому маршруту На-

стя. За ней трое архитекторов с блокнотами и большой фотокамерой. Замыкали же шествие Железный Роман с рюкзаком на плечах и почти уже не хромающая Лика с аккуратной, гладко обструганной тросточкой.

Кирилл с Шуркой повели к «месту смысла» группу, состав которой почти не изменился. Единственной потерей для них оказалась Варенька, пожелавшая лично посмотреть на звериную тропу у северной стены, по которой бежала и затем скрылась какая-то зверушка, размером с собаку, как доверительно сообщил ей Шура.

Связь на большом камне в «месте смысла» была по-прежнему устойчивой, и Кирилл подробно обсудил ситуацию с Андреем. Решено было в ближайшие часы разобраться с «северным проходом» и снова связаться, если получится, вечером или завтра утром, чтобы договориться о помощи, если таковая потребуется, и эвакуации автобуса, без которой в любом случае едва ли удастся обойтись.

Начинало темнеть, когда обе группы, занимавшиеся фотографированием и обмерами грандиозных находок, отправились в сторону автобуса и вскоре прибыли на место. В это время Кирилл с Серёгой подошли к южной стене у обрыва и стали оглядываться в поисках хозяев синей дорожной сумки и других вещей, аккуратно сложенных под большим кустом жимолости, усеянным синей с фиолетовым отливом ягодой.

Осторожно приблизившись к краю резко обрывавшегося зелёного ковра, они вдруг услышали голоса своих товари-

щей, доносившиеся откуда-то снизу. Земля под ногами опасно прогибалась под их весом, и ребятам пришлось отойти подальше от обрыва. Между тем сумерки быстро сгущались и Кирилл с Сергеем не заметили, как совсем близко от края стены на фоне еще синего, но уже темнеющего неба появились фигуры Платона и остальных членов группы.

– Вы уже здесь? – воскликнул Шурка, увидев Кирилла и Сергея, – А мы всё нашли! И дорога здесь в двух шагах прямо под обрывом!» – в захлёб излагал растущий в собственных глазах стажёр, победно встряхивая рыжей копной совсем уже спутанных волос с цветными включениями в виде фрагментов местной растительности. А рядом Варенька, тоже сияющая, хотя и не так ярко, пыталась безуспешно чем-то дополнить не вполне связную речь товарища. В конце концов, она взяла оратора за руку и очередное слово застыло, запечатав уста Шурки. Трудно сказать, какие именно чувства вызвало у молодого талантливый архитектора прикосновение маленькой женской руки, но мысли его в этот момент явно смешались, спутались и возможно совсем покинули своего счастливого хозяина.

Платон терпеливо, с улыбкой, если и не отеческой, то доброй, смотрел на Шурку и, воспользовавшись паузой, произнёс спокойным и отчётливым, как обычно, голосом.

– В основании стены, со стороны обрыва и чуть ниже поверхности земли оказалась очень удобная ступень, с которой можно просто сойти на дорогу, идущую под обрывом в на-

правлении нашего лагеря внизу. Так, во всяком случае, мы думаем. А то, что мы ни ступень, ни дорогу не увидели раньше, совершенно не удивительно, учитывая, что они скрыты за стеной и краем обрыва. Чтобы подойти вплотную и заглянуть вниз нам пришлось больше чем на метр обрушить свисавшую часть грунта.

– Вместе с кустом жимолости, – добавила Варенька, – Так жалко!

– Отлично! Молодцы! – объявил Кирилл, – А теперь быстро показывайте ваш «Северный проход», пока совсем не стемнело.

Все подошли к обрыву у самого края стены, а оживший снова Шурка, демонстрируя сказанное, легко спрыгнул на выступающую из каменного массива довольно большую, не меньше метра в длину и ширину, и почти ровную площадку. Удивительно, но чтобы попасть отсюда на обочину дороги достаточно было просто сделать шаг вниз. Дорога, хоть и с крутым уклоном, была достаточно широкой, чтобы на ней могли разъехаться даже два автомобиля.

Удача выглядела сказочной, и было ясно, что «северный проход» действительно вел к свободе, поскольку привёл к простому выходу из естественной ловушки. Ни у кого из стоявших сейчас у обрыва не было ни капли сомнений, что они вырвались из плена и оставался лишь один по настоящему серьёзный вопрос: «Как освободить автобус?»

Назад возвращались почти в полной темноте, накрыв-

шей лес подобно огромной тени. Шли, светя фонариками и настороженно прислушиваясь к наступившей тишине. Несколько раз направление теряли и приходилось высматривать стену, чтобы правильно сориентироваться.

Стоянку увидели издалека, благодаря ярко светившему костру и громким голосам товарищей. Конечно, их ждали и ждали с нетерпением.

Сообщение о спуске и дороге привело в восторг всех, кроме шофера, с непроницаемым лицом сидевшего у костра и не принимавшего участия во всеобщем ликовании. Может именно поэтому Антон первым услышал звук, заставивший его сначала поднять голову и прислушаться, а затем быстро встать и призвать всех к тишине. Впрочем, увидев как вскочивший Антон сосредоточенно всматривается в темноту справа от костра, все замолчали почти одновременно.

Глухое, но мощное и какое-то очень низкое рычание, громче прозвучало в ночной тишине, накатившись волной парализующего страха на собравшихся у костра и теперь невольно потянувшихся ближе к огню и блестящему стеклянными глазами белому силуэту автобуса.

Антон, сохранивший способность двигаться и рассуждать, скомандовал:

– Быстро все сюда, к машине! – и добавив, – я сейчас», скрылся в темной кабине. Спустя несколько долгих секунд автобус ожил: заработал успокаивающе урча двигатель, зажглись мощные фары, сразу разрушив стену темноты, скры-

вавшей так жутко рычащую и угрожающую неизвестность.

– Забирайтесь в автобус, а мы с Платоном подежури́м тут пока, – снова потребовал Антон, и стал подбрасывать в костер толстые длинные ветки, не выпуская из рук охотничьего карабина. В томительном ожидании какой-нибудь развязки, все молчали, либо совсем тихо переговаривались, боясь нарушить казавшуюся хрупкой тишину, будто именно в ней, в её сохранении было спасение от страшного нечто, глядящего из тьмы и выбирающего сейчас жертву.

Новое рычание, раздавшееся минут через десять, было много более глухим и тихим, словно его источник находился теперь значительно дальше.

– Похоже уходит, – тихо сказал Платон, – да вот только куда здесь можно уйти? Туда, откуда пришёл, наверное, только опять же откуда?

– Думаю, он уже не здесь, – отозвался Антон, – а вот где и кто или что это было не понятно. Подождём, что-нибудь да прояснится. А это что за ответ там сидит? – вдруг добавил он через мгновение, вскочив и вглядываясь в заросли.

Платон тоже последовал примеру Антона, но сразу не понял, что именно привлекло его внимание. В царившей тишине вдруг слышались совсем тихие и совершенно не страшные мелодичные звуки. Наверное это можно было бы назвать пением, особенно если бы удалось различить хоть слово. Звуки стали чуть громче, а спустя минуту им удалось рассмотреть наконец сидящую на земле фигуру человека, со

светлыми, вероятно седыми волосами. В руках у него был длинный предмет, поблескивающий вспыхивающими в свете костра искрами, слишком массивный для посоха. Одежда тоже была светлой.

Человек действительно тихо пел, то ли приветствуя таким образом наших путешественников, то ли призывая их к чему-то. Когда через несколько минут песня закончилась, он встал и, обернувшись назад что-то произнёс, одновременно махнув кому-то рукой. Большая тень шевельнулась за спиной певца и беззвучно растворилась в ночной чаще.

Человек некоторое время смотрел вслед исчезнувшему спутнику, будто выжидая чего-то, затем вновь повернулся к Антону и Платону и медленно подошёл к костру.

– Доброй ночи, люди, – произнёс высоким чистым голосом ночной гость, оказавшийся высоким крепким человеком неопределённого возраста с совершенно седыми очень длинными волосами, спускавшимися почти до пояса и скрывавшими значительную часть лица.

* * *

– Ваши друзья видели древних. Я должен теперь много рассказать.

– Да вы садитесь, – спохватился Платон, – есть хотите, чаю?

Ночной гость внимательно посмотрел на Платона, пока-

чал головой и, кажется, улыбнулся:

– Хорошие люди, молодые, – и показав на автобус, добавил, – Остальные пусть тоже придут. Боятся не надо. Ирдик хороший зверь. Он ушёл, будет меня ждать.

Ребята начали подтягиваться к костру, выходя по одному-по двое из автобуса и усаживаясь на траву у ровно горящего огня.

– А Ирдик это кто? – осторожно спросил Платон, – во все глаза глядя на чудного, и в то же время обладающего какой-то необъяснимой внутренней силой гостя. Глаза под темными бровями, казавшиеся то светло-зелёными, то почти синими, светились таким спокойствием и такой уверенностью, что слушатели почти сразу забывали о своих страхах, сосредоточив внимание на тихом, но удивительно отчётливом голосе ночного гостя.

– Я – Алон, – с достоинством сообщил он, прижав руку к груди, – Ирдик – мой друг, сторож горы. Ирдик людей не тронет, не надо бояться. Это Илика, громко рычала, страшно. Илика жена Ирдика. Она домой ушла, детей кормить.

Варенька, сидевшая на коврике, прижавшись будто от страха к Шурке, на лицо которого вернулась некоторая отрешённость и совершенно счастливая улыбка, вдруг, набрав воздуха, выдохнула:

– А вы кто? – Это, конечно, был главный вопрос, который мучал каждого, и народ с жадным интересом уставился на неожиданного и сказочно привлекательного пришельца,

ожидая ещё какого-нибудь чуда.

– Я Алон! – повторил гость, внимательно вглядываясь в лица присутствующих, будто ожидая, что те вспомнят, наконец, это славное имя и поймут, кто перед ними. Но ни само имя, ни его носитель – не вызвали ни у кого никаких ассоциаций и тогда Алон тихо запел. Подобное пение уже звучало, когда гость впервые привлек внимание испуганных путешественников, но теперь мотив и интонации были заметно иными. Не было сомнений, что песня Алона была наполнена каким-то важным для него смыслом, и который он намеревался сообщить своим внимательным слушателям, надеясь, что они сумеют понять его пение.

Завораживающие звуки, совсем не похожие на речь и не понятные, все же беспокоили сознание какими-то неуловимыми мыслями, отражавшимися на лице Алона. Затем пение стихло и прекратилось. Певец снова внимательно и немного лукаво оглядел сосредоточенные лица архитекторов и художников, задержал на мгновение взгляд на печальном лице Платона, сидевшего немного поодаль, упершись спиной в толстый ствол дерева, и обращаясь ко всем сказал:

– Вы видели древних. Красный камень открыл вам путь, значит Алон должен передать вам главные слова нашего народа.

Он вдруг легко поднялся, опершись на свой странный посох, и обхватив его двумя руками на уровне глаз, поднял голову к небу и закрыл глаза.

Знакомая уже боль сжала голову Сереги, Кирилл тоже испытал болезненное ощущение, как и тогда на камне. Вероятно, и на других нарастающая звуковая волна действовала так же: «Мы... Мы... Мы... Мы...» – повторяли древние воины, словно клятву, обращенную в вечность. Мы... Мы... Мы... Мы... – отражались волны от древней каменной стены, насыщая пространство смыслом, заключённом в простом слове.

Как только повторяющееся «Мы» затихло, накатила новая волна: «Мы это я... Мы это я... Мы это я...», – повторяли теперь невидимые воины ровным, полным внутренней силы голосом. И стена также, подхватив пришедший из бесконечно далекого прошлого речитатив, звучным эхо удерживала повторяющиеся звуки.

Новая волна и новый рефрен: «Я это мы... Я это мы... Я это мы...». И снова эхо... эхо... эхо. Затем стало тихо. Волна исчезла, растворившись в привычных, слабо различимых звуках ночного леса.

– Всё. Древние ушли, – с грустью произнес Алон, – они всегда уходят. Три раза говорят и уходят. Вы видели древних и вы слышали древних. Много людей приходили на место смысла, на главный камень, но древние молчали. Мало людей видели древних.

– Но разве это не вы вызвали их этим своим жезлом? – спросил Платон, приблизившись к костру, так, что вся его фигура затрепетала в отблесках пламени.

– Нет. Вызвать нельзя. Посох сам говорит, когда древние идут. Теперь можно пить чай, – добавил Алон, глянув с улыбкой на Платона, – и говорить.

Народ, забывший о недавнем страхе, граничившем с ужасом, успокоенный удивительным гостем и сопутствующими событиями, быстро оживал. Иван, убравший карабин в кабину, за закрытую дверь, суетился вместе с девушками, готовя чай и накрывая импровизированный стол. У него дело шло быстро и ладно, девушки же не вполне поспевали за ловким шофером, но не из-за отсутствия умения и навыков, а исключительно потому, что еще одно чудо, невидимое для многих, случилось в этот вечер и требовало теперь их постоянного внимания. Вот уже более четверти часа Платон и Настя о чем-то тихо беседовали, прохаживаясь в полумраке. Лика, будто лишившись важной опоры, и не зная чем себя занять в отсутствие подруги, выглядела растерянной и даже брошенной.

Вскоре всех позвали к чаю и рассевшись вокруг нехитрых угощений, участники приключения дружно переключили своё внимание на Алона, удобно расположившегося с персональной кружкой Антона совсем близко к костру. Многие включили смартфоны, рассчитывая записать фантастический рассказ фантастического гостя.

– Знаю, что совсем вас запутал, – начал Алон неожиданно просто и весело улыбаясь – но теперь постараюсь все пояснить, насколько смогу. Мне последнее время редко прихо-

дится говорить с людьми, тем более людьми городскими и образованными.

Акцент, который придавал его говору своеобразный и непривычный колорит, теперь куда-то пропал, фразы стали стройными и не такими краткими, слова произносились отчётливо и правильно. И хотя речь по-прежнему была по особому мелодичной, звучала она теперь заметно иначе, более привычно.

– Я принадлежу к очень древнему народу, точного названия которого, честно говоря, даже не могу назвать. Знаю лишь, что мои далекие предки обитали в горах, используя, а может и вырубая в скалах пещеры. В детстве все это не имело для меня особого значения, поскольку я рано лишился родителей и воспитывался у бабушки. Особое знание о предках и специальный интерес появился потом, когда меня взял к себе местный шаман. Кстати, именно он, – очень знающий, мудрый человек, – определил мою судьбу, сначала приобщив мальчишку к истории культуры древних народов Урала, а потом повлияв на выбор образования. Я закончил медицинский, затем изучал историю. Да-да, у меня два диплома: второго медицинского имени Пирогова и Челябинского гуманитарно-педагогического университета, где я учился на историческом факультете.

Алон умолк, видимо, предавшись воспоминаниям. На лице его сначала мелькнула улыбка, затем её сменило выражение озабоченности, и он продолжил рассказ:

– Несколько лет я жил в городе, – сначала в Москве, потом в Красноярске, – работал врачом. Затем снова учился, не оставляя медицинскую практику. Наука, защита в Москве... Потом перебрался в Челябинск, поближе к родным местам, надеясь отыскать своего первого наставника. И однажды, путешествуя по горам, я сам случайно набрёл на «место смысла». Так же как и вы, я поднялся на главный камень, в центре которого тогда ещё была красная плита, и впервые увидел и услышал древних.

Проведя за изучением изображений несколько часов, я незаметно заснул возле главного камня, а проснувшись утром, увидел сидящего возле меня с этим вот удивительным посохом своего учителя-шамана. Он был рад моему возвращению и особенно тому, как он выразился, что меня приняли древние. Это было для него очень важно, хотя в тот момент я ещё не понимал почему. Не поверите, но с тех пор я больше не возвращался к городской жизни. Вот уже несколько лет мой дом и мой город – эти горы. И я здесь, конечно, далеко не один... Ну, а теперь расскажу о более важном.

Алон взял двумя руками посох и повернул несколько раз, глядя внимательно на его поверхность, которая слабо светилась под руками, обнажив узкую полосу, похожую на геометрический орнамент. Затем проведя пальцами по линиям рисунка, он замер в ожидании. Послышались знакомые уже звуки, очень похожие на пение, но сам Алон молчал, и слышен был более низкий, чем у него, и тихий голос, или

может это был какой-то музыкальный инструмент. Негромкий, но сильный звук проникал в сознание, создавая растущее эмоциональное напряжение и необъяснимое, пульсирующее предчувствие мысли, которая вот-вот обнажится, раскроется в своей пронзительной очевидности и простоте.

– Это приветственная песня древних, которую хранит посох. Расшифровать, понять смысл её пытались мудрецы и шаманы многих поколений нашего народа. Отдельные звуко сочетания и фрагменты мелодии даже стали частями как живых, так и полузабытых теперь обрядов. Мой учитель тоже всю жизнь изучал песни посоха и многое из того, что мы слышали ему удалось по-своему перевести на наш язык, продолжив и существенно продвинув дело предшественников.

Учтите, что никаких письменных памятников нет, существуют лишь звуки и рисунки. Да, да! Рисунки, которые соотносятся с пением. Первая песня состоит из девяти частей и на жезле есть девять законченных графических изображений. Есть вторая песня из семи частей и тоже иллюстрации. И так все девять песен, в каждой из которых своё количество частей и соответствующее число графических сюжетов на посохе.

Впрочем, песни посоха это далеко не все, что он таит или на что способен. И я не знаю, сколько ещё потребуется лет, а главное мудрости, чтобы человек смог по-настоящему на него опереться. Сейчас он подобен супер компьютеру, который используется как калькулятор для арифметических дей-

ствий. Мы знаем лишь, что он связан с местом смысла, точнее с красной плитой, которая не так давно исчезла, и с порталом, который вы тоже видели. Нашли посох в незапамятное время в глубинах какой-то пещеры. Но какой именно, и где – память народа не сохранила. Есть много фантастических версий, но они настолько противоречивы, что выявить рациональное зерно в их содержании не удаётся. Народ хранит посох уже много поколений, слушая его пение, а некоторые слышат и даже видят на главном камне древних. И все это заставляет людей думать, многое даже удаётся понять и это очень важно.

Теперь о портале. Это один из входов в сложную систему пещер, связанных между собой и занимающих огромную площадь на разной глубине. Когда земля опустилась портал обнажился, правда при этом земля завалила сам проход в пещеру, но это не проблема. Пещеры эти сами большая тайна, к разгадке которой мы даже не приступили. Ясно лишь, что многие пространства в подземельях, где сохранились различные изображения и всевозможные следы ритуальных действий прежних обитателей, связаны с жезлом. Он сам реагирует на такие места, оказавшись поблизости. На нем высвечиваются непонятные знаки, а иногда слышны какие-то звуки. С порталом они тоже связаны, только здесь звуков никогда не слышали, а вот пиктограммы какие-то появляются и тут же исчезают, когда кто-либо посещает одно из мест смысла. Портал такой, кстати, один. Есть много обыч-

ных входов в пещеры, но с ними подобной связи, конечно, нет.

В пещерах по-прежнему много людей. В основном это те, у кого есть обычное жильё на поверхности, а здесь находят-ся их святыни, источники силы, здоровья. Есть и такие, кто вообще редко выходит наверх. Этих совсем мало, либо их очень трудно повстречать. И у них трудный, практически не встречающийся на поверхности язык. Но это не язык жезла, – добавил Алон с улыбкой, – он им тоже не понятен. А наш язык многие из них знают».

Кирилл, знакомый с экспедиционной работой по тому времени, когда начинал свою деятельность в качестве геолога, с удивлением спросил:

– А как же так получилось, что много людей постоянно посещают пещеры, а археологи ничего о них не знают?

– Да, согласился Алон, это выглядит удивительно, особенно сегодня, когда все продается, включая чужие тайны. Но факт остается фактом, есть люди, обладающие знанием, передаваемом из поколения в поколение и следующие заветам и традициям. Это относится, в том числе, и к местам смысла. Да и о посохе и о портале многие знают. К тому же надо учитывать, что для кого-то это легенды, сказки, за которыми просто вымысел или почти забытые события древности, а для кого-то, как теперь для нас с вами, это реальность, хоть и по-разному понимаемая.

Алон умолк и сделал несколько глотков чая, поглядывая

на молодежь и ожидая ещё вопросов. Но все ждали продолжения рассказа и он снова заговорил.

– Сам я большую часть времени провожу в пещере. Раньше вместе с учителем, а теперь, после того как его не стало, фактически один. Хотя нет, не правда. У меня есть семья. Это мои стражи и их дети – очень верные и ласковые кошки, доставшиеся мне от учителя. Если захотите, сможете с ними познакомиться. Только гладить сразу не нужно, могут поцарапать. Ирдик, кстати, тут рядом, могу пригласить. Ну, как, позвать?

Поскольку никто не возразил, Алон негромко просвистел что-то, повернувшись к чаще, и снова обратился к присутствующим:

– Только не нужно его бояться и приближаться ко мне, пока не познакомились. И когда он будет с вами знакомиться не стоит его трогать. Я скажу, когда будет можно.

Зверь появился бесшумно, подкрался, избегая света и лёг за спиной хозяина. И только когда Алон, заговорил с ним, Ирдик поднялся во весь свой внушительный рост и сделал пару шагов к костру, выйдя из тени и впервые показавшись во всей своей кошачьей красе.

– Это друзья, Ирдик. Познакомься с ними. Иди сам.

Большая чёрная кошка беззвучно скользнула вправо, оказавшись рядом с Настей, которая замерла и похоже перестала дышать. Тем временем новый друг обнюхал её затем лизнул прижатую к груди руку и перешёл к сидевшей рядом Ли-

ке. Следующим был Платон, за ним подряд шли художники. Последним, с кем знакомился Ирдик, был Антон, смело протянувший навстречу зверю свою крепкую пятерню. Знакомство состоялось и Ирдик вернулся к хозяину.

– Отдыхай! – Алон погладил своего друга по гладкой и чёрной с антрацитовым блеском шерсти, и тот, жмурясь от удовольствия, послушно улёгся рядом.

– Теперь он вас знает и не тронет без специальной команды. И гладить его можете, только без резких движений. И вы теперь тоже знаете про нас почти всё. А об остальном можете спрашивать. Что знаю расскажу, что сумею объясню.

* * *

Ни паники, ни даже особой тревоги в посёлке не было. Но разговоры об исчезнувших и снова нашедшихся сотрудниках «Лабы» можно было услышать на каждом шагу. Обсуждались самые невероятные подробности и версии случившегося, строились фантастические гипотезы. В гастрономе, пожилая дама, одетая в стиле 30-х годов, нервничала, постоянно поправляла кокетливую шляпку и, обращаясь к окружившей её группе ровесников, рассказывала голосом Беллы Ахмадулиной:

– Нет, я знаю, это был огромный черный зверь совершенно доисторической внешности. И не говорите мне, что теперь нет таких! Нужно смотреть данные археологических

раскопок в этом регионе.

На рынке рассказывали про волшебную палочку, оказавшуюся невероятным по мощности компьютером, способным превращать в золото небольшие куски гранита. А группа студентов-практикантов живо обсуждала план немедленной организации поиска пропавших, независимо от того, могут они выбраться сами или нет.

Андрей тем временем действовал методично и не терял времени. Прежде всего он связался с представителем МЧС, затем с местным авиаотрядом, выяснив возможность использовать вертолёт для поиска, а возможно и для того, чтобы поднять и переместить автобус. Оказалось, что все это возможно, но для автобуса потребуется тяжёлый вертолёт типа Ми-10, а такого своего в районе нет. Правда, неподалёку ведётся строительство моста через горную речку, где подобная техника используется и можно попробовать договориться. Если администрация Центра поддержит, то почти наверняка помогут. В общем всё было как всегда.

Периодически Андрей набирал Женин номер и живо сообщал ей новости, которые в его изложении выглядели рассказом о продолжающемся увлекательном приключении. Женья, конечно, понимала, что Андрей просто не хочет её волновать и что все не так хорошо и просто, но тем не менее смеялась и требовала новых весёлых подробностей.

Когда группа наконец объявилась и особенно когда пришло сообщение о найденной дороге, все вздохнули с облег-

чением, понимая, что вот теперь действительно можно если не смеяться, то, во всяком случае, улыбнуться спокойно.

* * *

Было уже совсем поздно, но о сне никто у костра не вспоминал. Может из-за переживаний и волнений, которыми был переполнен прошедший день, а может из-за восторга открытий, переполнявшего творческие и неутомимые души молодых исследователей, но все взгляды, сосредоточенные на ночном госте были наполнены напряжённым ожиданием.

– Скажите, Алон, а какой по-Вашему смысл у этого, поистине чудесного места? Чего добивались те, кто создал и оставил здесь эти чудеса техники? Ведь этого не могли сделать древние охотники, которых ребята недавно видели с камня?

Роман, обратившийся с вопросами к Алону, сидел неподвижно, задумчиво глядя на костёр, пламя которого завораживало своей бесконечно меняющейся пластикой, не мешая работе мысли.

– Пожалуй это один из основных вопросов, который и мои предшественники и я ставили пред собой. Найден ли ответ? – Я для себя его, похоже, нашёл и готов с вами поделиться. Но я совсем не считаю, что не может быть и других, более точных или более мудрых вариантов. Уверен, что такие ещё будут найдены, и язык создателей таинственных артефактов будет по-настоящему понят, да и их удивительные устрой-

ства тоже.

Алон помолчал, поглаживая Ирдику и глядя на огонь, затем потянулся за кружкой и отхлебнув остывшего чая, начал следующую часть своего повествования.

– Боюсь, что мой рассказ будет довольно долгим и наверное не столь увлекательным, как ваше приключение в этих горах.

Ещё изучая в мединституте анатомию и физиологию, я склонился к мысли о том, что действием природных законов можно объяснить далеко не все в человеке. Моё внимание все больше привлекла тогда психика. В специальных книгах я нашел много эмпирического материала, но теоретические рассуждения авторов о главном меня не устраивали. Пытаясь рассуждать самостоятельно, я обратил внимание на то, что среди естественных способностей животного всегда есть одна, направленная не вовне, а на саму особь. В отличие от способности делать что-либо, например, лазать по деревьям, или быстро бегать, эта способность отрицательная, способность «не делать». Так хищник, сидящий в засаде не бросается сразу на дичь, а сдерживает себя, чтобы дожидаться подходящего момента. Иначе говоря, психическая способность это способность, необходимая чтобы управлять собой.

Придя к такому, не слишком в общем оригинальному выводу, я продолжил поиски и пришел к тому, что психика любого обитателя леса, например, это его способность воспроизвести лес в себе, в виде виртуальной модели местности, в

которой он обитает. Играющий детёныш любого представителя фауны именно этим и занят. Кстати, рассуждение о содержании психики позволило мне сформировать представление о роли и месте животного в природе как органической части среды обитания, нацело воспроизводящей её в себе.

Разговор о психике животных, о проблемах дрессировки и одомашнивания, о поведении кошек быстро стал общим, все высказывались, вспоминая о своих животных или о событиях с какими-то животными связанных, создавая шум, привычный для сотрудников лабораторий и мастерских. Алон, не мешавший молодёжи высказываться, лишь иногда вставлял несколько слов или просто кивал с улыбкой и одобрением.

Когда тема была практически исчерпана, общее внимание вновь было обращено на Алону, который продолжил свой рассказ.

– Здесь я подошёл к главному вопросу – в чем особенность психики человека и как она связана с его способностями, необъяснимыми с естественно-научных позиций? А если дело вообще не в психике, то где тогда искать современные ответы на вопросы о природе и сущности человека?

И я пошёл сразу двумя путями. Во-первых, стал изучать философию и скоро с удивлением обнаружил сходство многих рассуждений моего учителя с рассуждениями мудрецов прошлого. Начав с античных греческих мыслителей, я два года с большим удовольствием изучал тексты неоплатони-

ков, и застрял наконец на европейских мыслителях эпохи Ренессанса.

Возникла небольшая пауза, во время которой Алон извлёк из какого-то кармана флакончик с таблетками и отправил одну в рот, запив глотком холодного чая. Потрясенный движением хозяина Ирдик насторожился, поведив ушами, и глянув на хозяина снова положил голову на вытянутые лапы.

– Голова разболелась, – сказал Алон, будто извиняясь, – бывает иногда.

– Я вас понимаю, – сказал Платон, реагируя не на таблетку, а на прерванный рассказ о философии, – наверняка Кузанский, Пико делла Мирандола. А отца Флоренского Вы тоже изучали? Как он Вам?

На Платона зашикали, требуя срочно заткнуться в интересах слушающего сообщества. Но Алон, подняв руку, прервал волну ропота и с улыбкой поблагодарил Платона за вопрос.

– Ваш коллега Платон очень точно отреагировал на мои слова, а его упоминание отца Флоренского для меня просто удивительно, поскольку именно творчество Павла Александровича весьма увлекло меня в это время. Многогранность ума и удивительная органичность взгляда на мир этого мыслителя, помогли мне существенно изменить собственное мировоззрение. Но вот сформулировать более или менее удовлетворительные ответы на основные вопросы о Человеке

мне удалось лишь значительно позже. Несколько лет ушло сначала на изучение последующих этапов развития европейской и русской философии, а затем и основ психологии.

Читая тот иной трактат я зачастую приближался к мысли, которая никак не давалась в то время моему слабому уму. Большое впечатление, помню, произвёл на меня трактат «О человеке» Гельвеция, а точнее мысль этого представителя эпохи Просвещения о том, что своими талантами человек обязан не организму, а воспитанию, о том какую огромную роль в становлении человека играют окружающие его вещи. Он критикует нерадивых взрослых, оправдывающих свою неспособность правильно воспитывать детей, отсутствием у тех врождённых способностей. Такой же позиции придерживались, кстати, и очень многие его современники. В отличие, к сожалению, от наших...

Так я добрался до 20 века, и может и сегодня ещё сидел бы в какой-нибудь библиотеке со своими конспектами за томиком Джорджа Герберга Мида или Жака Деррида, – тут Алон тихо вздохнул, как показалось сидящим рядом, с сожалением, – если бы не книга замечательного философа Феликса Михайлова «Загадка человеческого Я», заставившая меня серьёзно взяться за советских философов и психологов школы Выготского».

Разговор о русской философии и о психологии, в котором приняли участие многие из участников проекта, длился ещё минут сорок, затем Алон снова сделал паузу и ненадолго за-

думался, вспомнив, видимо, что-то важное и приятное, затем продолжил:

– Я вовсе не потерял интерес к современной западной или другой философии, но именно работы наших философов и психологов помогли, как видите, найти, а точнее, выстроить некую внутреннюю опору для дальнейшей работы. Чего стоила только знаменитая школа для слепоглухонемых детей в Загорске, разгромившая теоретических оппонентов фактами! Да вы, конечно, и сами о ней всё знаете.

Несколько человек кивнули, подтверждая, что знакомы с Загорским экспериментом, остальные стали переглядываться, обмениваясь в основном пожатиями плеч. Между тем Алон продолжал:

– А что касается «во-вторых», то я, как обычно, параллельно с изучением уже известных взглядов и позиций, пытался выстраивать собственные теоретические конструкции. Недавно начал писать, да дело идёт плохо – не хватает то ли мотивов, то ли энергии.

Помолчав немного, он добавил:

– За последние несколько лет вы первые, у кого разговор о человеке, как субъекте культуры вызывает интерес и готовность к сомыслию и сочувствию, как говорил один из моих любимых авторов.

Становилось прохладно, хотя от костра все ещё исходило тепло, приятно лаская участников ночной беседы. Девушки по очереди бегали в автобус за своими куртками, либо, вос-

пользовавшись услугами молодых джентльменов, кутались в мужские. Иван заглушил двигатель и выключил фары. Пламя костра стало совсем бледным, слабея и прижимаясь к горячим ещё уголькам. Усыпанное яркими искрами, огромное ночное небо наконец развернулось над лагерем во всей своей пронзительно чёрной бесконечности. Зачарованные величием космоса, все не сговариваясь смотрели вверх на бесчисленные звёздные скопления.

– А ведь каждый из нас является полноправной частью этого великолепия, поскольку способен не только воссоздать в себе весь этот бескрайний вечный мир, но и изменить его. Эта способность – высшее достижение Природы, которой она наделила только человека.

Алон говорил тихо, будто боясь нарушить возникшее хрупкое состояние некоего метафизического единства, объединившее в этот момент всех собравшихся у костра.

– Организм человека это высшая форма существования самой природы. Правда, одновременно, самая слабая и беззащитная из всех подобных форм.

– Почему же слабая? Разве человек слаб? – тоже тихим и немного обиженным голосом спросила Лика, оглядываясь и как бы ища поддержки коллег.

– Действительно, – энергично поддержала её курносая Шуркина спутница, сидевшая рядом с юношей, – Алон, разве есть кто-нибудь ещё на земле, сильнее человека? Да Вы и сами только что сказали, что человек способен мир изме-

нить!

– Нет, конечно. – Твёрдо и спокойно ответил Алон, глядя на девушек. На фоне звездного неба и в свете мерцающего пламени его седовласая фигура с жезлом выглядела фантастически, напоминая какого-то языческого персонажа.

– То, что создала и продолжает создавать природа, это ещё не человек. Благодаря природе, соединившей в одной точке свой огромный потенциал, рождается удивительный по своим возможностям организм, психофизиологическое чудо, которое готово стать человеком. Родившийся малыш открыт нашему миру, благодаря психике, о которой мы говорили, но он не обладает, подобно животному, врождёнными способностями для жизни в своей среде, да и нет у него такой. Даже начинающим родителям известно, что новорождённому приходится осваивать собственные непослушные ручки и ходить нужно учиться, и говорить, чтобы тебя понимали. Единственный и универсальный жизненный орган младенца это его мама, витальная связь с которой сохраняется не один год. Самостоятельная же человеческая история малыша начинается... – здесь Алон сделал паузу и убедившись, что все внимательно его слушают, продолжил, – начинается с улыбки маме или другому близкому человеку в ответ на их настойчивое обращение, на своего рода приглашение в человеческий мир. Это первое проявление уже не биологического организма, а проснувшегося человеческого сознания, которому жизненно необходимы, прежде всего, дру-

гие люди.

Алон снова замолчал, давая возможность слушателям обдумать прозвучавшую мысль и возможно высказать к ней своё отношение. Затем не спеша добавил.

– Естественно, голос природы всегда будет звучать в нём то громче, то тише, и он так или иначе всегда будет стремиться подчинить себе свою природу, одерживая «маленькие и большие победы над собой», которые всегда считались в народе главными в жизни.

– Но если жизненная среда человека это общество, то какие же условия должны быть созданы младенцу дома, чтобы он мог нормально, вернее, по-человечески развиваться? И сколько народу должно быть рядом, чтобы он чувствовал себя комфортно? – весело спросил Серёга, впервые приняв участие разговоре, – а если малыш один, а ухаживает за ним, например, робот, он что, уже не станет человеком?

Веселый смех Алона разбудил Ирдика. Тот от неожиданности резко поднялся во весь свой немалый рост и внимательно посмотрев на смеющегося хозяина, лизнул его куду-то в район уха. Затем Ирдик повернулся к сидящему рядом Платону и, видимо за компанию, лизнул того тоже, после чего спокойно улёгся на своё прежнее место.

– Действительно, человеком он не станет, если изначально с ним нет матери или другого взрослого. – сказал Алон, – Думаю, это было бы крайне печальное зрелище. Вот если бы на месте робота оказалось животное, способное выкормить ма-

лыша, шанс выжить бы был. Но только выжить, а не стать человеком. Путь в человеческий мир открывается лишь один раз. Либо сразу, с раннего детства, либо уже никогда. Потому Маугли это, к сожалению, всего лишь красивая сказка.

А общество для новорождённого это его родители, семья. Прежде всего, мать, связанная с ребёнком не только чувством любви, но и материнским инстинктом; затем отец, любящий и заботящийся о матери и о ребенке; другие взрослые и старшие члены семьи – все они, общаясь с ним и между собой, создают то витальное пространство, в котором играющий со старшими ребёнок становится обладателем собственной модели разумного мира. Этот мир ещё не так насыщен разнообразным содержанием, как у взрослого, но он уже содержит ценности, которые мать с отцом лелеяли, как свою мечту, и из которых складывался образ их будущего дитя. И если даже, повзрослев, сын или дочь, сформировавшиеся в пространстве семейных культурных традиций, будут не вполне похожи на созданный когда-то родителями идеал, основные ценности, определяющие человеческие качества и особенности личности, безусловно будут ей или ему присущи.

– Это очень интересно и крайне актуально для нас в связи с проблемами, над которыми работает сейчас лаборатория. – задумчиво проговорил Платон. – А как Ваши рассуждения связаны со смыслом этого места, расскажете?

– Конечно. Только я, наверное, утомил уже всех своими

воспоминаниями. Если угодно, можем отложить продолжение разговора на завтра. Тем более, что о главном хорошо говорить на свежую голову, а я и сам, честно говоря, уже не уверен в качестве своего изложения. Похоже мой организм весьма заинтересован в хорошем сне, и я склонен пойти ему навстречу.

Хотя единого мнения по поводу перерыва на сон в рядах слушателей не было, твёрдый и уверенный голос Кирилла сыграл, видимо, решающую роль. Весы сомнений склонились в сторону ночного отдыха, в котором безусловно нуждались все, включая сомневающихся любителей ночных прогулок. Затем Кирилл обратился к их удивительному гостю:

– Алон, а Ваши друзья по ночам гуляют по лесу? Они ведь, насколько я понимаю, животные ночные? И ещё, мы не знаем, как далеко Ваше жилище, но может лучше останетесь переночевать с нами в автобусе или у костра? Матрасов и тёплых вещей у нас хватает.

Алон поблагодарил за приглашение, заверив, что жилище его находится совсем не далеко, – при случае обязательно покажет, – и что бояться его друзей не следует. Они, действительно, ночные, но по этой территории без него не гуляют.

– В этом месте вам вообще нечего бояться. – Добавил он, и пожелав всем спокойной ночи, исчез почти так же быстро и бесшумно, как и Ирдик.

Когда зазвонил, вернее заиграл телефон, Андрей уже заканчивал завтрак. Осталось несколько последних, самых вкусных глотков кофе, когда в трубке зазвучал взволнованный голос Кирилла.

– Слушай! Ты не поверишь, но у нас здесь появился шаман с двумя высшими образованиями, ученой степенью и лекцией по философской антропологии. Живет где-то в пещерах с волшебным жезлом и огромными черными кошками. В общем сегодня мы слушаем продолжение лекции и очень жаль, что тебя с нами нет, потому что все это здорово в тему, и прямо для тебя. Попробую уточнить у него расположение места, где мы находимся по отношению к дорогам. Ну все, пока! Связь через три часа и костер будет гореть постоянно.

– погоди, Кирилл! Ты если уточнишь раньше ваше местонахождение или хотя бы выяснишь, что за дорога рядом проходит, постарайся, пожалуйста, сразу позвонить мне. Счастливого!

Андрей набрал номер директора Центра и получил четкое указание: «Людей вывозить своим транспортом. Автобус подготовить к эвакуации вертолетом, которая запланирована на понедельник, сразу после 16.00. Во вторник утром, около восьми тридцати, принять и сопроводить к месту находок

группу археологов из Челябинска. По всем возникающим серьёзным вопросам звонить мне лично в любое время суток».

Выслушав краткий и деловой ответ Андрея, Леший, как любя звали в народе Юрия Ивановича Плешина, голосом, вдруг ставшим человеческим и даже приятным, спросил:

– Что там Женя? Не выписывают пока?

– Спасибо, Юрий Иванович, она в полном порядке. Надеюсь к концу недели будет дома.

Леший велел передать привет и держать хвост пистолетом, и на этом разговор закончился. Андрей несколько минут размышлял, прикидывая план собственных действий с учетом полученной информации. Получалось так, что тянуть не имеет смысла. Во время связи Кирилл определился и передал свои примерные координаты, а в ожидании уточнений едва ли стоило бездействовать. Да и не в характере Андрея было сидеть и ждать.

Заправив свою Тойоту, Андрей выехал из поселка по тому же маршруту, что и потерявшийся автобус. Связавшись с ребятами, выехавшими заранее для подготовки лагеря и убедившись, что дорога, по которой они проехали вчера была в полном порядке, Андрей увеличил скорость. Быстро добравшись до перевала и остановившись на самом верху он вышел из машины и стал внимательно рассматривать автомобильные следы, едва заметные на каменистой почве. Когда недалеко от основного маршрута обнаружился хорошо видимый след, уходивший влево и вниз по какой-то плохо раз-

личимой тропе, сомнений в том, что их оставил именно их автобус у Андрея почти не осталось. Не пытаясь повторить приключение коллег, Андрей продолжил путь по знакомой, хорошо видимой дороге. Спустя некоторое время, через открытое окно он почувствовал запах дыма от горящего где-то костра. Затем запах пропал, зато слева обозначилась хорошо накатанная дорога, уходящая на север. Сверившись с картой, Андрей выяснил, что дорога вела к месту археологических раскопок, проводившихся уже очень давно на месте неолитической стоянки, хорошо благоустроенному теперь и постоянно посещаемому туристами. Других дорог в этом направлении, судя по карте, не было и существовала высокая вероятность того, что спуск именно на эту дорогу нашли ребята вчера.

– Проверю, – решил Андрей, – вряд ли они дальше чем в километре, а следы обрушения там наверняка будут видны.

Машина Андрея свернула налево и медленно двинулась по дороге на север. Минут пять он ехал по относительно ровной и чистой дороге с небольшими щебнистыми участками. Затем под колесами стали появляться комья земли, а еще через минуту его внимательный взгляд обнаружил свежую осыпь на крутом склоне слева от дороги. Впереди показался поворот, из-за которого осторожно выезжал небольшой автобус, переваливая правым колесом через кучу свежей земли. Пропустив встречную, Андрей съехал на левую обочину, прижав машину к склону, чтобы не мешать движению

по узкой дороге. Дойдя пешком до поворота и увидев уходящую вверх скалу, бывшую по всей вероятности северным краем стены, описанным ребятами, Андрей уже не сомневался, что стоит у «северного прохода». Осталось найти ступеньку и можно будет увидеть чудеса, в которые, не особенно верилось трезво и критически мыслящему руководителю лаборатории.

Все оказалось просто, и без особых усилий Андрей поднялся на невидимую с дороги поляну. Над лесом временами был заметен дым от горящего, как условились, костра, Прозрачный и почти неподвижный столб, медленно растворялся в безоблачной синеве. Не теряя из виду каменную стену справа, Андрей углубился в лес и спустя минут пятнадцать увидел стоящий на небольшой поляне автобус. Чуть поодаль горел костер, рядом с которым сидели сотрудники Центра, а в поразившей Андрея тишине раздавался ровный, хорошо поставленный лекторский голос.

– Назад, Ирдик! Свои! – резко скомандовал Алон. Ирдик замер, внимательно глядя в сторону Андрея, только теперь заметившего огромную черную кошку и резко остановившегося. Необычно большие размеры и стойка, не оставляющая сомнений в намерениях зверя, не могла не произвести впечатления даже на такого крепкого человека.

– Ко мне, Ирдик! – ещё раз скомандовал Алон. Затем раздался тихий свист и кошка скрылась в высокой траве, чтобы через мгновение появиться рядом с хозяином.

Андрей вышел на поляну, вызвав радостную реакцию собравшихся. Повскакивав с мест все обступили завлаба, спеша не столько расспросить о том, как он нашел их стоянку, сколько сообщить о том, что происшествие обернулось великой удачей не только для лаборатории, но и вообще для...

Пришлось вмешаться Кириллу, который представил Андрея Алону. А после того как завершилось знакомство вновь прибывшего с Ирдином, все снова расселись на расстеленный тент или прямо на траву, Кирилл высказал безоговорочно поддержанное всеми предложение продолжить стихийный семинар и не оставлять «места смысла» вплоть до выяснения всех заданных и ожидающих своей очереди вопросов.

Алон попросил кружку чая и, отпив несколько глотков, вернулся к прерванному рассказу, учитывая присутствие нового слушателя.

– Вчера, или вернее сегодня ночью, перед тем как расстаться, мы условились поговорить о «месте смысла», попытаться понять причину его возникновения в далеком прошлом и разобраться с тем, почему столько внимания этим местам уделили создатели удивительных артефактов, с которыми вы уже познакомились. Я обещал рассказать вам собственное видение ситуации, к которому пришел известным уже вам путем.

Мы остановились на том, что ребенок рождается и становится человеком только в обществе, используя другого человека в качестве своего жизненного органа. И здесь самое

время ввести понятие способа жизни, безусловно важнейшее для дальнейшего разговора.

В отличие от животного, которое живет по генетической программе, полученной от родителей, – из прошлого, – человек использует принципиально иной способ жизни. Все, что он делает, – а он все стремится делать сознательно, – человек делает в соответствии со своими планами, задачами, целями. Иначе говоря, человек в своем поведении постоянно ориентируется на представления о том, что будет либо должно быть через мгновение, через час, завтра и даже в будущем году или через десятилетия. Лишившись видения предстоящего, уверенности в будущем, человек вряд ли смог бы прожить даже короткое время. Говоря иными словами, человек опирается на будущее и в этом главная особенность его способа жизни, принципиально отличающая его от животного, опирающегося на прошлое. Я бы даже сказал, что овладевая способом жизни, человек овладевает и будущим. И делает он это, используя свою удивительную, жизненно необходимую способность к воображению, к творчеству. Он наполняет свою внутреннюю модель мира различными образами, идеями и идеалами, как собственными, так и имеющими широкое социальное и даже общечеловеческое значение. К последним относятся общественные идеалы, объединявшие людей в разные исторические эпохи, в том числе идея бога.

Здесь мы подошли к проблеме, перед которой спасовали многие антропологи, но которую практически и более или

менее успешно решает каждый родитель, любящий своего ребёнка и занятый его воспитанием. И для этого не приходится изучать философию и психологию, а нужно лишь любить ребёнка и жить с ним общей жизнью. Хотя трудно себе представить что-либо более полезное для воспитания ребёнка, чем философско-психологическая культура. Впрочем, я понимаю, что это декларация, которая не для всех выглядит убедительной... Вы не согласны или у вас есть вопрос? – Обратился Алон к девушкам, о чем-то заговорившим между собой.

Лица, сидевшая снова рядом с Настей, поднялась, оперевшись о плечо Кирилла и заговорила, глядя на Алону:

– По моему, со способом жизни уже в основном ясно. А о какой проблеме все же идет речь? Мне кажется, самой обсуждаемой сейчас снова стала проблема происхождения человека, но она-то наверное относится к компетенции антропологов и какое решение этой проблемы могут найти родители?!

Девушка снова села. Кирилл с интересом и некоторым удивлением посмотрел на зардевшуюся Лику, затем наклонился, о чем-то спрашивая, и они что-то живо начали обсуждать, пока на них не зашикали окружающие, внимательно, как всегда, слушавшие Алону.

Усиливался ветер, осторожно шелестя верхушками деревьев. Как-то незаметно перестало припекать, а затем и вовсе скрылось солнце. Волна влажного прохладного воздуха ока-

тила вдруг всех участников семинара, предупреждая о приближающемся дожде. Почти тут же прогремел гром, пока далекий, но уже не оставляющий сомнений в идущей вопреки всем прогнозам грозе.

Алан глянул на небо и обращаясь к своим благодарным слушателям вдруг заявил:

– Приглашаю всех к себе. До дождя успеем спрятаться. Заодно и пещеру посмотрите.

Идея побывать в пещере была, конечно, крайне привлекательной и, не теряя времени, все стали собираться. Спрятали все, что могло намокнуть, в автобус и, прихватив фонари, фото- и видеотехнику, отправились вслед за Алоном. Шли быстро, по уже знакомому многим маршруту, и как только команда вышла к portalу, стало понятно, как проникал в пещеру хозяин и его стражи. Верхняя часть проема оказалась расчищенной от земли, а снизу, с помощью камней были сложены ступени, по которым было легко и удобно подниматься. Ирдик первым скользнул вверх и исчез в темном проеме. За ним ловко и удивительно легко поднялся и тоже исчез Алон. Почти тут же он снова появился в проеме и пригласил подниматься остальную компанию.

Гроза приближалась и первые крупные и тяжелые капли, с шумом обрушившиеся на деревья, быстро загнали зазевавшихся в каменное укрытие. Внутри был полумрак и голоса звучали мягко, будто не отражаясь от стен, а погружаясь и растворяясь в них.

Медленное и осторожное путешествие вглубь пещеры с факелами длилось почти минут пятнадцать. Затем впереди показалось светлое пятно, оказавшееся просторным помещением, с необычно ровным для естественного образования полом. Свет проникал откуда-то сверху, из нескольких щелей или узких проемов одинаковых размеров. По стене справа стекала, выбегая с шумом из большого округлого отверстия, чистая, совершенно прозрачная вода, образуя быстрый полноводный ручей. Русло этого небольшого водного потока было каменным, а берега скругленные и вылизанные до блеска водой, изысканными кривыми пересекали основание зала и исчезали у противоположной стены. Судя по звуку, там вода падала далеко вниз.

– Вода совершенно чистая и очень вкусная. Если желаете можете смело попить. И обратите внимание на стены, – посоветовал Алон собравшимся у воды гостям, – они уже тысячи лет о чем-то говорят, но слышит их, похоже, в основном этот посох. Смотрите, кстати, как он реагирует на ваше присутствие.

Все сразу столпились вокруг Алона, впившись взглядами в мерцающее какими-то странными знаками кольцо, опоясывающее посох.

– А когда вы один здесь оказываетесь, он тоже светиться? – спросил женский голос.

– В том то и дело, что нет, – задумчиво глядя на посох ответил Алон, – на меня он давно не реагирует.

– А здесь кто-нибудь бывает, кроме Вас, например археологи, или геологи? – спросил тот же голос.

– Случилось так, что вход, которым мы воспользовались, был скрыт до вчерашнего дня, когда вся территория перед стеной опустилась. Найти его, не зная точного места и закрывающего устройства было чрезвычайно сложно, поэтому в пещеру с этой стороны в последнее время проникали только мой учитель и я. И это, несмотря на то, что даже вход, который теперь разрушен, существовал, наверняка, не одну сотню, а скорее тысячу лет.

Не думаю, что кому-нибудь из ученых или исследователей удалось когда-либо проникнуть в это помещение, да и вообще в эту огромную сеть пещер. Разве что на каком-нибудь разрушенном и в силу этого ставшем доступным участке. Это конечно неправильно, но до сих пор я оправдывал свое молчанием двумя обстоятельствами. Во-первых, я должен был закончить работу, которую мы начали вместе с учителем, и во-вторых, еще в недалеком прошлом был велик риск расхищения этого потрясающего по своему богатству исторического памятника. Я был уверен, что лучше отложить огласку, но сохранить памятник для будущего. К нему, этому будущему, он, собственно, и обращен. – добавил Алон.

– Так Вы предлагаете и нам хранить тайну «мест смысла» и этой пещеры, и портала, и посоха? – спросил Андрей, вспомнив о приезде археологов из Челябинска и о их планах на завтра.

– Нет, конечно. Это было бы слишком жестоким испытанием, требовать молчать о том, что вы здесь увидели и узнали и о том, что ещё вам предстоит. Решение о передаче информации и артефактов ученым я принял еще в прошлом году осенью, когда мне довелось наблюдать за работой одной из археологических экспедиций. А увидев вашу команду, принял окончательное решение.

Народ принялся обсуждать заявление Алона, а Андрей ещё раз рассмотрев внимательно пляску светящихся пиктограмм и убедившись в невозможности что-либо понять, подошел к каменной стене. Луч фонарика, направленный под углом к поверхности выхватил из полумрака выразительный профиль хищника с длинными, как у саблезубого тигра клыками. Изображение было рельефное, тщательно и весьма искусно выбитое на камне. Поражало напряжение хищника перед атакой, великолепно переданное древним художником. Отойдя и осветив стену фонарем в разных направлениях, Андрей понял, что перед ним бесценное скопление изображений, прежде всего, всевозможных животных, выполненных в разной технике и наверняка в разное время. Были здесь и многочисленные, зачастую повторяющиеся, непонятные знаки. Другие стены тоже в изобилие украшали петроглифы и создавалось впечатление, что это был древний храм, вернее капище со стенами, которые художники специально украшали.

Двигаясь вдоль стены по периметру зала и внимательно

разглядывая изображения, Андрей заметил, что почти каждая многофигурная композиция, а таких становилось все больше по мере удаления от входа, включала теперь изображения людей. Это были сцены охоты и каких-то ещё действий, не понятных ему, но видимо весьма важных для их участников и требующих хорошей организации.

Когда осмотр зала был в основном окончен, и все вновь собрались в центре возле Алона, он попросил убедиться, что никто из спутников не отстал и не заблудился. Выяснив, что все на месте, Алон предложил идти дальше и сам направился к небольшому проему в стене, рядом с шумевшим водопадом. Довольно узкий проход, в котором оказались путешественники вел куда-то вниз и в сторону, в темноту. Уклон был значительным, и если бы не редкие ступени, о которых постоянно предупреждал Алон, державший в руках ярко горевший факел, спуск был бы весьма рискованным, даже несмотря на наличие у ребят нескольких фонариков.

По мере продвижения вглубь пещеры до слуха путешественников стали доноситься разные странные звуки, некоторые из которых могли показаться зловещими и при соответствующем воображении, характерном для людей творческих, даже серьёзно встревожить.

– А где киски? – вспомнила вдруг про стражей пещеры Лика и непроизвольно сжала руку Кирилла, шедшего рядом, – они ведь здесь живут, и детки у них тут где-то. Помните, как Илика рычала?

– Не волнуйтесь, – отреагировал Алон, – кошки остались дома.

Никто не знал, что значит дома, где это, но стало спокойней.

– Других хищников, кроме семейства Ирдика, здесь нет. Так, похоже, сложилось издревле, когда пещерных кошек ещё было много. Звери с поверхности боялись забираться в пещеры и запах кошек был для них всегда запахом опасности. И теперь, хоть кошек практически не стало, – мои, похоже, последние, – лесные звери по-прежнему сюда не заходят. Может, конечно, есть и другие причины, например, связанные с артефактами и создаваемыми ими полями, которые специально отпугивают хищников, как знать?

Новый зал, бывший следующим пунктом их экскурсии, оказался значительно меньше первого по размерам и почти без света. В центре возвышался большой белый или светло серый камень с плоским верхом. Но общее внимание и возгласы удивления вызвал не сам камень, тщательно обтесанный с четырех сторон, а вдруг ставший видимым, стоящий на нем небольшой вертикальный предмет, напоминающий кристалл, поблескивающий в неровном свете факела и лучах фонарей многочисленными оттенками красного.

Алон приподнял свой посох, на котором в темноте снова ярко светилась полоса вспыхивающих пиктограмм, и стал внимательно вглядываться в их таинственный танец. Было явно что-то необычное в поведении посоха, что привлекло

внимание Алона и даже взволновало его, судя по тому, что он, не ответив на чей-то вопрос, быстро пошел к центру зала, держа посох перед собой на вытянутых руках. По мере приближения к кристаллу, кольцо на посохе разгоралось все ярче и в конце концов свет достиг такой силы, что уже не нужны стали фонари, а сам посох Алону пришлось поднять вверх, чтобы он не слепил глаза. Белая шевелюра Алона сияла и зал был теперь ярко освещен. Пьедестал с кристаллом в центре стал видим во всех деталях. Слабый шум, знакомыми волнами накатывавшийся на замерших под впечатлением от происходящего молодых людей, сначала был едва слышим, но вскоре стал сильнее и можно стало различить голоса древних: «Жить вместе... Жить вместе... Жить вместе...». Пение становилось все громче, и уже явно звучал хор, построенный на многоголосье, в котором различались не только мужские и женские голоса, но и высокие детские.

Боже мой! Это же хоровод. Они держаться за руки и идут вокруг центра! Вы видите? Шура! Андрей! – восторженно шептала Варенька, крутя головой и вытягивая шею, чтобы не терять из виду те или иные движущиеся фигуры древних за столпившимися свидетелями этого удивительного зрелища.

Алон, по-прежнему державший в поднятых вверх руках светящийся посох, был не менее удивлен и озадачен происходящим. Он также поворачивал голову, следя за действиями то взрослых персонажей, то детей, в том числе самых маленьких, с сосредоточенными чумазыми рожицами, старав-

шихся изо всех сил повторять движения и даже выражение лиц взрослых.

Неожиданно сцена стала буквально гаснуть. Свет начал слабеть а звук пропал, растворившись слабым эхом в наступающей темноте. Андрей, смотревший в это время на красный кристалл, увидел как тот стал опускаться и вскоре совсем исчез, погрузившись в камень.

Стало совсем темно и лишь на боковой грани камня-пьедестала ещё догорал слабый луч солнечного света, проникший сюда через маленькую щель где-то вверху, в каменном своде. Затем и он пропал, растворившись в ярком пучке электрического света. Фонарики вспыхивали один за другим, вновь разрушая темноту и восстанавливая только что утраченную сцену прошлого. Только теперь уже пустую, без симпатичных рожц малышей и суровых лиц взрослых, сосредоточенных на занятии, явно не имевшем ничего общего с веселым развлечением.

Алон подошел к центральному камню и стал внимательно разглядывать место, где только что исчез таинственный кристалл. Поверхность была ровной и однородной. Если шов и был, то различить его невооруженным глазом было едва ли возможно. Подошедшие следом Андрей, Кирилл и Варенька тоже некоторое время изучали ставшие невидимыми следы кристалла, затем снова обернулись к Алону, ожидая каких-нибудь объяснений.

– Вот и всё, – сказал он с сожалением и даже грустью, –

теперь камень снова выглядит как обычно. Зато стало понятно, как пропала красная пластина на большом камне в лесу, где вместе с кристаллом исчезла ниша, в которую он был вмонтирован.

– А Вы что, разве раньше не видели всего этого? – спросил подошедший Серега, пытаясь одновременно рассмотреть снимки на своей фотокамере, что никак ему не удавалось из-за рюкзака, постоянно сползавшего с правого плеча и повисавшего на руке.

– Нет, это впервые, – тихо и задумчиво произнес Алон, – но почему? Что спровоцировало этот кристалл? Это, наверняка, не посох, он лишь реагировал на какой-то сигнал отсюда. Я был здесь сотни раз, и всегда видел только слабую реакцию посоха на само это место. И всё. Ни кристалл, ни древние никогда прежде не появлялись.

– Но наш визит все же чем-то отличался от других, – рассуждал вслух Андрей, – иначе с чем связать это неожиданное представление? А в какое время обычно вы посещали это место?

Алон, услышав вопрос, ненадолго задумался и затем уверенно произнес:

– В основном рано утром, сразу после восхода солнца. И никогда позже восьми, максимум девяти часов утра.

– А я так и подумала сразу, что это луч солнца подействовал, который освещал кристалл, когда мы сюда вошли. Потом фонарики перебили этот свет, потому что он был совсем

неярким. Наверное солнце сквозь облака слабо светило или может окно там наверху какое-нибудь растение загораживает.

На лице Алона, слушавшего Вареньку, появилось совершенно не свойственное этому сильному, уверенному в себе человеку, выражение растерянности, которое быстро сменила радостная улыбка.

– Как всё просто! – воскликнул Алон и подумав ещё немного добавил, – а ведь это действительно так! Какая же вы молодец, Варя! Вот что значит по настоящему творческий человек!

Растерянная от совершенно неожиданной похвалы, Варенька попыталась что-то сказать, но получилось лишь беспомощно махнуть рукой.

– Да, да! Вы даже не представляете насколько важна ваша догадка.

– Похоже, что Варенька действительно уловила в ситуации ключевой момент, но догадку все же нужно проверить. Вы так не считаете? – Андрей внимательно смотрел на Алону, который утвердительно кивнул.

– Да уж теперь, конечно, проверим. Только у меня нет сомнений в том, что именно сочетание воздействия солнечного света в строго определенное время и сигнала посоха, находящегося в пространстве храма, запустило сцену древнего ритуала, которую мы наблюдали. Потрясающую, на мой взгляд иллюстрацию заключительной части нашего разгово-

ра, который теперь может получиться ещё интересней.

Кстати, программа экскурсии на сегодня почти исчерпана, – с улыбкой сказал Алан, – и мы можем теперь вернуться к моему скромному подземному жилищу, где хватит места и всего необходимого, чтобы с комфортом завершить нашу беседу.

Путь назад оказался совсем коротким. Все говорили об очередном чудесном явлении, гадая о том особом и важном смысле, который придавал Алон древнему ритуалу.

Андрей и Кирилл, которые по старой привычке шли рядом, тихо обсуждали ситуацию, в которой оказался практически весь коллектив проектировщиков, пытаясь спланировать действия на ближайшее время. А поскольку завтра рабочий день, должен прилететь МИ-10 за автобусом и скопилась куча других дел, включая объяснение с директором Центра, нужно было понять главное – как быть с чудесными открытиями и действительно важным разговором, который сам Алон так удачно назвал семинаром, и который так не хотелось откладывать, прежде всего, в интересах их главного дела. А если отвлечься от служебных обязательств, то сказочная ситуация, в которой все оказались, настолько увлекла и зачаровала, что бросить все, не раскрыв чудесной тайны, было просто невозможно.

Вернувшись к portalу, откуда началась первая экскурсия по пещере, вслед за Алоном все направились в противоположном направлении и пройдя не более ста метров по широкому проходу, снова услышали шум воды. Зал, в который привел компанию Алон, был почти круглым и относительно небольшим, не более 7–8 метров в диаметре с небольшим, естественной формы углублением в полу, которое наполняла падавшая сверху вода. Его главной особенностью был довольно сильный свет, проникавший сюда через несколько отверстий в каменном ограждении, расположенных на разной высоте. Читать при таком освещении, конечно, трудно, но без факела обходится можно было вполне.

– Прошу сюда, – указал Алон на широкий проем в стене с противоположной стороны, – тут мой кабинет, и здесь я провожу большую часть времени.

В помещении, куда осторожно входили гости, неожиданно вспыхнул свет. Несколько светодиодных светильников освещали рабочее место хозяина жилища и стеллажи с книгами.

Пол в кабинете был деревянный и, видимо, очень прочный. У стен стояли массивные скамьи разных размеров, и несколько табуретов, будто вырубленных топором из толстого древесного ствола. Вся эта мебель, включая толстые столешницы на каменном основании, была довольно темной и

выглядела чуть ли не такой же древней и могучей, как сама каменная пещера.

На столе, словно гость из будущего, лежал серебристый ноутбук и справа от него горка блокнотов. Несколько книг, были раскрыты, а из других, тоже лежавших рядом, высывались многочисленные закладки. В самом дальнем углу, на второй столешнице стояла кухонная утварь и небольшая газовая плита.

Наверное самым неожиданным элементом пещерного интерьера оказалась обычная филенчатая дверь, в мощной деревянной перегородке из стоящих вертикально древесных стволов. За ней, как оказалось, скрывалась спальня хозяина, где всё, включая стены и потолок, тоже было деревянным и столетним. Кровать хозяина была аккуратно застелена, а на большом прикроватном сооружении, больше похожем на тяжелый низкий стол, тоже лежали книги. Естественного света здесь не было, зато воздух был свежим и наполненным таежными ароматами.

– Это одно из мест, где я могу работать и отдыхать. В пещерах есть и другие, но они достаточно далеко отсюда. Да вы устраивайтесь, пожалуйста, А я сейчас приготовлю чай и поесть чего-нибудь из своих лесных запасов.

Тушенка из медвежатины, приготовленная каким-то особым способом, была удивительно вкусной, особенно с домашними лепешками. Затем все с удовольствием попили ароматный чай из сбора местных трав, который приятно бод-

рил, и ещё некоторое время болтали кто о чём, обмениваясь свежими впечатлениями. Наконец шум стал стихать; девчонки, толпившиеся у большого зеркала, дополнявшего интерьер спальни, тоже утомонились и заняли свои места. Все умолкли, глядя на Алону и ожидая продолжения серьезного и такого интересного разговора.

Сосредоточенный, как всегда во время интересной работы, Андрей расположился недалеко от входа рядом с Кириллом, который включил свой диктофон и что-то тихо сказав в микрофон, приготовился слушать. Настя сидела рядом с Платоном, периодически оглядываясь по сторонам и всякий раз задерживая взгляд на своей подруге Лике, которая, кажется настолько увлеклась семинаром, что забыла обо всем остальном, включая её и даже Кирилла, к которому всегда была неравнодушна.

– Мы остановились на вопросе о том, что же это за проблема, которую не могут решить ученые, но легко решают любящие родители. А речь идет действительно о происхождении человека, о пропасти между ним и животным, которую никак не удастся научно преодолеть антропологам, изучающих черепа и зубы наших ископаемых предков.

Мне кажется, мы уже столько вчера говорили о человеке, что вывод о решении проблемы его происхождения, а значит и о способе жизни напрашивается сам собой.

Отсутствие генетической программы человеческой жизни сразу подводит нас к проблеме сохранения и развития её

способа. А её решение всегда лежит у нас перед глазами – это наш наполненный смыслами мир, в котором каждый предмет говорит о том, как жить! Главным же носителями способа жизни для каждого ребенка являются взрослые и просто другие люди, прежде всего – его родители. Именно они, своим отношением к нему и друг к другу, создают ту «питательную», среду, в которой формируется новое сознание, впитывая в себя образы и формы, нормы и правила человеческой жизни.

Нужно понять и всегда помнить, что человеческий способ жизни, осваивая который ребенок, становится человеком, передается только внешним способом. Никакие человеческие таланты не заложены природой в новорожденном и бессмысленно ждать, что они вдруг проявятся, обеспечив его без труда и забот славой гения. Есть лишь психофизиологические особенности организма, те или иные природные ресурсы, которые могут оказаться в избытке, проявившись в большом росте человека, или особо остром слухе, или сильном голосе определенного диапазона и т. д. А это дополнительные возможности конкретного человека, которые он может использовать с большим или меньшим эффектом. А каких-то ресурсов может и не хватать для того или иного современного вида деятельности, что тоже нередко случается, как плохой музыкальный слух или слабое зрение и тогда требуется соответствующий подход и к развитию вообще и к выбору профессии.

Основы будущей личности закладываются изначально в живом общении с другими людьми. Но и всякий предмет в созданном людьми окружении это тоже обращение человека к человеку, и он играет в освоении способа жизни свою, зачастую весьма важную роль. Об этом нельзя забывать, чтобы наше окружение не заполнялось культурным мусором, ядовитым и вредным для формирующегося сознания, препятствующим освоению человеком способа жизни, основанного, прежде всего, на нравственности.

Конечно, каждый из этих тезисов требует специального обсуждения...

В этот момент, впервые за прошедшие сутки, в тишине раздался громкий голос ведущего специалиста по ландшафтному дизайну Марины. Взволнованная, как после очередного спора с графиком Серегой, но тем не менее, уверенная в себе, она решительно встала со скамьи, рассыпав по плечам густые русые волосы, и сделала шаг вперед.

– Так Вы хотите сказать, что разрабатывая ландшафтный проект, мы должны каким-то образом решать вопрос трансляции человеческого способа жизни? И это для людей, которые могут случайно здесь оказаться? А основная масса посетителей, например, общественного рекреационного пространства, это люди бывающие здесь, в лучшем случае, эпизодически. Мы ведь ничего о них не знаем! Так что же и как мы можем для них проектировать?

– Очень хорошо, что Вы смотрите на проблему через

призму своей профессии, и я, конечно, не стану давать Вам советы в деле, которое Вы знаете гораздо лучше меня. В то же время могу обратить внимание на то, что существуют разные формы трансляции культуры, не зависящие от персональных особенностей людей, которые нужно иметь в виду, занимаясь проектированием жизненного пространства. Во-первых, это живое общение людей, например, подвижные или другие игры, в составе разновозрастных коллективов; общение внутри возрастных групп: дети, молодежь, зрелые и престарелые; общение внутри разных сообществ людей, связанных общими интересами: спорт, поэзия, танцы и т. п.; общение влюбленных, наконец, тоже чрезвычайно важно. Хорошо учесть и потребность человека побыть одному. Во-вторых, смысловая организация, соответствующая особенностям и структуре пространств живого общения. А вот какой именно должна быть смысловая организация общественных пространств с точки зрения и содержания и его художественно-пластического воплощения – это вопрос самостоятельный и очень не простой сегодня. Во всяком случае, мне так кажется. Мы, конечно, можем поговорить об этом сейчас...

Еще некоторое время дизайнеры и архитекторы, севшие на своих профессиональных коньках, обсуждали возможности и способы создания ландшафтной организации следуя логике продуктивного человеческого общения. Высказывались самые разные соображения, которые Алон с интересом

слушал, временами кивая и улыбаясь, если суждение нравилось ему. Иногда он даже вступал в разговор, активно выражая или, наоборот, поддерживая ту или иную мысль.

Когда тема была в основном если не содержательно, то по крайней мере эмоционально исчерпана, Алан без вступления продолжил главную линию сегодняшнего разговора:

– Но в чем же суть способа жизни человека, в чем его сила? Основным содержанием внутреннего мира человека, его сознания – становятся другие люди, вошедшие так или иначе в жизнь ребенка. Став частью внутреннего мира, эти люди уже не покидают взрослеющего человека, он постоянно живет с ними и среди них. И если в реальной жизни отношение между членами сообщества, которому принадлежит взрослеющий человек, основаны на доброте, взаимопонимании, любви, – эти же принципы становятся для него нормой собственной жизни.

Конечно, реальный процесс формирования сознания ребёнка весьма сложен, как и само неповторимое течение жизни, в которой много факторов, влияющих на решения и поступки людей. Достаточно вспомнить об организме-искусителе. Потому ответственна и нелегка роль взрослого, который стоит перед ребёнком как образ будущего, протягивающего ему руку и указывающего путь развития.

Алан, сидевший до того у своего стола, поднялся, и пройдя молча несколько шагов, как бы собираясь с мыслями, снова заговорил своим отчетливым и каким-то даже звонким

под каменным куполом голосом:

– Главный тезис, который я хотел озвучить в связи со смыслом места, такой: каждый человек, даже только начавший свой жизненный путь, должен иметь потребность и возможность сказать о себе «Мы», причем так же уверенно, как он говорит «Я». Думаю, не ошибусь, если скажу, что древние, которых мы слышали, создали и постоянно совершали свои ритуалы для того, чтобы воспроизводить и укреплять дух единства «Я» и «Мы», поскольку именно в этом была их сила, главное условие сохранения самого их сообщества. Выражаясь современным языком, речь идет о единстве общественного и индивидуального развития человека.

И ещё. Необходимость постоянного воспроизводства «Мы», как одного из важнейших ориентиров развития каждого человека, сохраняет свою актуальность сегодня и будет столь же важна завтра и всегда. Именно об этом, насколько я понимаю, думали создатели артефактов, помогая с их помощью сохранять самое ценное, что было у людей.

Часть 2. Противостояние

– Да что ты, Андрей! Неужели он согласился бросить пещеры, кошек своих доисторических и весь шаманский антураж, который обеспечивал ему особый статус в среде земляков? – с каким-то веселым удивлением повторил свой риторический вопрос Леший. – А его существование, кстати, местные скрывают; во всяком случае, никто из наших до сих пор не слышал, чтобы это имя произносилось вслух!

– Я думаю, – сказал Андрей, – когда Алон знакомился с ребятами, он уже принял решение о своем возвращении к цивилизованной жизни. Судя по тому, что и как он рассказывал, ему уже было известно чем мы занимаемся, какие проблемы пытаемся решать. Конечно, общую информацию о Центре несложно было получить из телевизионных программ и из интернета, доступ к которому у Алона был, вернее есть, постоянно. Но он будто сам присутствовал на наших семинарах и в своих рассуждениях зачастую делал те же акценты, останавливался на тех же вопросах, что и мы сами. При этом, что скрывать, подсказал некоторые решения, которых мы до того не видели. Думаю, благодаря Алону, мы уже сможем сделать серьёзный рывок по всему фронту, а если бы удалось привлечь его к работе в качестве эксперта, например, было бы вообще здорово!

– А что тебе, собственно, мешает, если он сам изъявил

желание поработать с вами над проектом!» – На лице Лешего снова появилась лукавая улыбка, смысл которой, как всегда, был в первый момент не понятен. – «Мое согласие ты, считай, уже получил, да и заявление его я уже подписал. С жильем вопрос тоже легко решим, тем более, что на днях сдается группа коттеджей «Южная». Там двенадцать четырехкомнатных домиков с хорошими участками и таунхаус на восемь блоков. Претендентов из конструкторской мастерской всего шестеро и появятся они лишь в конце будущей недели, так что можете выбрать любой вариант. И быстрее оформляйтесь».

Андрей вышел от Лешего с торжествующей улыбкой, которая тут же отразилась на лицах ожидавших его в приемной Кирилла и Платона.

– «Всё именно так, как написано на твоём сияющем листке?» – спросил радостно Кирилл, крепко сжимая руку Андрея.

– «Думаю, даже лучше, чем вы сумели там прочитать, – радостно произнес Андрей и почти торжествующе добавил, – в штат на всё время проекта с полным обеспечением и жильем в «Южной», причем любой коттедж на выбор! Вот расхвалили мы парня! А знаете, кстати, как его зовут в нашем, почти уже погибшем нравственно мире? Нет, конечно? Алон – это Иван Айдарович Корнышев, известный автор кучи научных публикаций. Леший, похоже, уже много о нем знает».

Кирилл пожал плечами, а Платон кивнул и, подумав, про-

изнес: «Точно! Я читал его статьи по истории обско-угорских народов. Это было уже давно, но тексты были интересные и многое осталось в памяти».

Кирилл с Платоном понесли добрую весть об Алоне в «Лабу», а Андрей вышел из здания Центра и направился в сторону дома. В его распоряжении было минут тридцать. Затем предстояло взять машину и ехать встречать вертолет с челябинскими археологами. Их, к счастью, было всего четверо и они вполне могли поместиться в его Тойоту. Конечно, с учетом багажа, удобнее было бы отправить автобус, но после известных приключений этого транспортного средства, включая его перемещение с помощью МИ-10, Антон затребовал пять дней на восстановление машины. Спорить с ним не было смысла, хотя лабораторный минивэн тоже был на ремонте.

Андрей не торопясь шел по улице, невольно любясь мягкими пастельными красками на фасадах жилых домиков, утопающих в зелени и бесконечном количестве благоухающих цветов на клумбах и кустарниках.

– Какие же молодцы дизайнеры, – думал он, – что отказались от яркой, контрастной окраски, которая смяла бы всю эту природную симфонию с её тонкими, изумительными по изяществу цветовыми оттенками. Вернее, молодцы те, кто сумели отстоять это органическое решение, наполнившее пространство поселка художественным вкусом и удивительным тактом, который невозможно не чувствовать. Инте-

ресно, насколько сами они осознавали значение и этот чрезвычайно важный в образовательном смысле эффект, когда работали над фасадами?

Продолжая любоваться новой застройкой, Андрей набрал номер телефона Жени, которая тут же ответила:

– Андрюша, у меня за последний час ничего не изменилось, а сейчас в палате врач. Перезвони попозже, пожалуйста. Только не забудь! – добавила она лукаво и, чмокнув смартфон, отключилась.

Вертолет не опоздал и шумная компания археологов вскоре заполнила своими рюкзаками, разнокалиберными чехлами с оборудованием и инструментами вместительный багажник машины, и теперь все смотрели на оставшийся груз, прикидывая, как со всем этим поместиться в салоне «Samru».

– Ну, хватит философствовать, мальчики, айда конкретно грузиться, а там видно будет! – скомандовал Олег Олегович, – сухопарый, высокий брюнет в холщовом костюме светло песчаного цвета, со строгим взглядом – научный руководитель, который в силу солидного возраста заслуживал у своих спутников почтения и снисходительного подчинения даже в простых жизненных ситуациях. В свои сорок лет он успел обойти пешком в составе археологических экспедиций чуть ли не весь Урал вместе с Алтаем; и на его счету было немало важных находок. Хоть профессиональная репутация доцента Гатова была несокрушимой, это не мешало сту-

дентам четвертого курса истфака периодически подтрунивать над ним, находя бесчисленное количество поводов для этого в его колоритной речи, раскрывающей уральское происхождение, блестящее знание сказаний и мифов местных народностей, а также тонкое и неизменное чувство юмора.

Отдав команду, Олег Олегович, повернулся к Андрею в ожидании реакции хозяина машины.

– Поместимся, – весело и уверенно сказал Андрей, обращаясь к студентам, – усаживайтесь и берите свои узлы на колени». Затем, жестом пригласив главного археолога садиться вперед, он сам устроился за рулем.

До поселка было около часа неспешной езды – достаточно, чтобы обсудить некоторые археологические вопросы беспокоившие Андрея. Олегу Олеговичу, как, впрочем, и его мальчикам, тоже не терпелось поговорить с живым свидетелем удивительных событий, слухи о которых уже сотрясли ученый мир Челябинска.

– Вы, конечно, уже знаете при каких обстоятельствах состоялось наше знакомство с артефактами и их хранителем Алоном?

Олег Олегович кивнул, подтверждая свою осведомленность, но тут же добавил, что хотел бы услышать все из уст свидетелей происшествия, а не их руководителя, даже такого уважаемого как Леший, т. е. он хотел сказать Плешин.

– Пожалуйста, согласился Андрей, немного удивленный оговоркой археолога. Только я не был свидетелем основно-

го происшествия с автобусом, а лишь участвовал в общем разговоре с Алоном на второй день и посетил пещеру, где, конечно, было на что посмотреть – Андрей покачал головой и некоторое время молчал, то ли подбирая слова, то ли заново переживая чувства, испытанные в пещере. – Не представляю, какие здесь можно предложить комментарии, хотя и не сомневаюсь, что рациональное объяснение всему, что мы там видели вполне можно найти. А для многих IT-специалистов это показалось бы наверное просто ожидаемым шагом вперед в развитии технологий.

– Вы, конечно, имеете в виду озвученную трехмерную картину древнего ритуала? – спросил Олег Олегович, и не ожидая ответа продолжил, – Мне раньше уже приходилось слышать пересказы свидетельств подобных явлений, так же связанных с ритуалами и участием шаманов. Не факт, конечно, что это то же самое, и вовсе не известно сколько там правды, а сколько вымысла, но интересна сама идея сохранения некоего ценного ритуального действия для будущих поколений.

– Я с удовольствием и во всех подробностях готов описать сцену, которую наблюдал, – продолжил Андрей, – но, к сожалению, у нас нет видеозаписей того, что происходило в пещере, несмотря на то, что несколько человек не растерялись и пытались вести съемку. Нет даже записи звука, а только ритмично меняющийся шум.

А у меня, кстати, тоже есть к Вам вопрос, связанный с

«местами смысла», как мы их теперь называем. Следует, наверное, говорить о капищах или использовать какой-нибудь неведомый мне термин, определяющий место, где древние люди совершали действия, не связанные с удовлетворением их основных нужд. Иначе говоря, речь идет не об укрытиях или утилитарных помещениях, типа каких-то хранилищ и т. д., а о местах, имевших общественное назначение. Впрочем, дело не в термине. Мне бы очень хотелось познакомиться с подробным описанием таких мест, очень интересны были бы их реконструкции.

Олег Олегович задумчиво потер лоб, затем почесал в затылке и заявил: Специальной классификации подобных мест, относящихся ко времени древнейших поселений, найденных на Урале, и тем более по интересующим вас признакам, конечно, нет. Но есть множество других материалов на эту тему, включая подробные описания различных святилищ, жертвенных мест и т. п. Мы можем сделать для вас подборку, а если сузить задачу, уточнив, что именно вам интересно, это будет тем более полезно для всех.

Сидящие на заднем сиденье за кучей вещей студенты прислушивались к разговору и, воспользовавшись паузой, самый бойкий из них с растрепанной русой гривой густых вьющихся волос и низким, чуть глуховатым голосом спросил у Андрея: «Вас наверное интересуют прежде всего археологические объекты подобные «месту смысла»? А как само оно выглядит, не расскажите?

– Ну, почему же нет, само это сооружение описать не сложно. Концентрические окружности, образованные плоскими камнями, расположены с разными интервалами, растущими по мере удаления от центра. На плитах разные по содержанию и качеству исполнения рельефные изображения, вероятно связанные общим сюжетом или сценарием ритуальных действий. В центре большой камень, имевший изначально, видимо, прямоугольную форму со ступеньками для подъёма и углублениями для рук с одной стороны. Сверху камень плоский, примерно два на два метра или чуть больше. Судя по тому, что видели наши ребята и что подтверждает Алон, в центре площадки раньше был плоский красный предмет из яшмы квадратной формы, утопленный в камень. Потом он бесследно исчез. Вот и всё.

– На Аркаим в целом похоже. Кроме яшмы, конечно, – буркнул кто-то из студентов.

– Подобных по форме объектов, близких по времени создания, не так мало, – снова заговорил Олег Олегович с явной педагогической интонацией, – это и половина объектов синташтинской культуры в нашей «Стране городов», и далекий Стоунхендж, который хоть и помоложе Аркаима, но имеет весьма схожие с ним параметры. Радиус внутренней цитадели Аркаима, как и Стоунхенджа равен сорока трем и двум десяткам метра. Но несмотря на схожесть объектов или даже полное совпадение тех или иных измерений, с выводами о прямых связях между ними не стоит спешить. Ведь са-

ма форма с концентрическими кругами и выделенным единым центром не имеет аналога по функциональности и символичности, и независимо друг от друга, многие люди рано или поздно этот факт обнаруживали и использовали в строительстве.

– А что значит «бесследно исчез»? Кто-нибудь видел этот красный камень? – снова прозвучал вопрос с заднего сиденья. Андрей стал подробно описывать ситуацию с исчезающими красными камнями, пытаясь удовлетворить интерес студентов, в глазах которых светилось ожидание чуда, но суждения при этом нередко отличались сформированным в вузе здоровым скепсисом.

Вопросы сыпались один за другим и Андрею пришлось всю дорогу удовлетворять неиссякаемое любопытство своих пассажиров.

В гостинице, на втором этаже, приезжих ждали удобные номера, – отдельный для шефа и большой с нишами для кроватей и общим пространством с мягкой мебелью и удобным кофейным столиком – для троих его молодых спутников. Кроме того, чтобы не загромождать номера, основную часть багажа можно было сложить в специальном помещении на первом этаже.

Быстро устроившись и приведя себя в порядок с дороги, гости отправились обедать, воспользовавшись рекомендацией Андрея, который очень хвалил кухню самого популярно-

го в поселке заведения. Симпатичное кафе с открытой террасой находилось в двух шагах, и Андрей сам решил составить археологам компанию.

Пройдя небольшой квартал в сторону общественного центра и выйдя на площадь, археологи вслед за Андреем свернули налево, оказавшись в тени больших дубов, которые были явно старше нового поселка и прекрасно дополняли окружающий пейзаж, придавая ему солидности.

Войдя под навес и спугнув стайку каких-то смелых маленьких птиц, выскивавших крошки в щелях настила или просто гревшихся на солнце, гости расположились за столиком в глубине террасы. В ожидании официанта они принялись вертеть головами, разглядывая симпатичные, утопающие в зелени дома, ухоженные газоны и клумбы, которые в сочетании с красивой тротуарной плиткой и удивительной чистотой производили немного сказочное впечатление.

Андрей тем временем вошел внутрь кафе и найдя знакомого официанта по имени Семён, быстро и доходчиво объяснил ему задачу. Меленький и худой, Семен был человеком не только энергичным и сообразительным, но и полным человеческого достоинства, что выделяло его на фоне в основном трудно различимых коллег. Андрей задержал взгляд на удаляющейся фигуре Семена, а когда повернулся к выходу на террасу, столкнулся лицом к лицу с Алоном. Заметно помолодевший, в джинсовом костюме, бейсболке, с аккуратной бородкой и умеренно длинной прической он был похож

теперь на ведущего научного сотрудника Центра или доцента, обожаемого студентами и особенно студентками.

– Добрый день, Андрей, – сказал тот, как всегда спокойно и вежливо улыбаясь, – Как прошла ваша встреча с руководством Центра? Надеюсь, Ле... Плешин не очень возражал против нашего сотрудничества? – В глазах Алона явно прыгали какие-то веселые чертики и в голове у Андрея промелькнула пока ещё смутная догадка.

– Да, Алон, все в порядке и с жильем вопрос тоже решен. Остаётся только выбрать коттедж или квартиру в таунхаусе. Завтра с утра я буду в вашем распоряжении и вместе мы, я думаю, быстро справимся. А сегодня, кстати, я встретил в аэропорту и привез челябинских археологов, которые просто горят желанием с вами повидаться. Они здесь, на террасе. Может прямо сейчас и познакомитесь? Заодно, кстати, и пообедаем. Я сейчас официанту скажу, чтобы на шесть человек накрывал. Не возражаете?».

– Конечно, Андрей, если вы считаете, что это удобно. Все-таки люди с дороги, устали, наверное.

– Чепуха! Они ребята крепкие.

Увидев, что Андрей подходит к их столику не один, гости умолкли, внимательно глядя на его спутника.

– Рад представить вам Алона, вернее Ивана Айдаровича Корнышева, открывшего нам чудеса «места смысла» и объяснившего сам смысл этих мест. Иван Айдарович...

Закончить фразу Андрею не было суждено. Олег Олего-

вич, пристально смотревший на Алону, вдруг тихим и каким-то угрожающим голосом спросил:

– Корныш, это ты или твоя побелевшая копия?

– Я, Аллигатор, я, – ответил Алон раскрыв объятия, в которые рухнул Олег Олегович.

Спустя несколько минут тот, которого на радость студентам Алон нежно назвал Аллигатором, – естественной производной от Олег Гатов, – успокоился и кратко пояснил ситуацию присутствующим.

– Вместе учились на истфаке, потом вместе работали. Экспедиции т. д. и все время втроем. А потом жизнь нас развела, причем Корныш пропал неожиданно и практически бесследно. Никакой связи на несколько лет. Хорошо, хоть предупредил, чтобы не искали, пока сам не объявится. И вот, на тебе, явился весь белый. Что случилось? Тебе же всего... сорок два? Ведь так?»

– Ты прав, а седина, это наследство моего батюшки. Говорили, что он тоже был белым... А ты Лешего уже видел?

– Говорили по телефону. Это он меня вызвал и сказал, что будет сюрприз, но в тот момент я отнес его обещание к находкам архитекторов, а теперь понимаю, что он имел в виду.

– Так Плешин ваш товарищ? – спросил немного растерянный Андрей у Алана? И я зря ему все так подробно рассказывал?

– Нет, не зря. Ваш директор ничего не знал до разговора с

вами. Просто он быстро понял, что речь шла обо мне, не мог не догадаться. Да... Кажется, сегодня вечером мне не легко придется – виновато улыбнулся Алон-Иван и, обращаясь, к Олегу Олеговичу добавил, – сегодня в семь вечера Леший нас ждет. И просил не опаздывать.

Совсем растерянный и озадаченный, Андрей не знал как себя вести и о чем говорить с этими приятелями. Он даже почувствовал себя лишним, но в этот момент перед ними появился сияющий Семён, и Андрей стал рассказывать гостям о достоинствах предлагаемых в меню блюд, все больше увлекаясь и разжигая у присутствующих и без того не слабый аппетит. Приняв заказ, официант удалился, оставив клиентов вдыхать доносившиеся из кухни ароматы. Сменив на время тему разговора, те обратились к тонкостям кулинарных традиций уральских народов.

– А вы рубанину, расколотку или сагудай пробовали? А чушь рыбную? – резвился Аллигатор, потешаясь над растерянными слушателями, – а щи уральские из самовара приходилось ли отведать?

Завершив вкусный и сытный обед ароматным чаем, все неспеша поднялись и направились в сторону гостиницы. Там Андрей объяснил Олегу Олеговичу как добраться до коттеджа директора, убедился, что никому больше не требуется его помощь и попрощавшись с гостями снова уселся за руль машины.

Женя уже ждала его, устроившись на скамье под липами с какой-то книжкой в руках, и нетерпеливо поглядывала в сторону въездных ворот, через которые иногда проезжали «скорые». Как только черная Тойота въехала на территорию она поднялась и быстро пошла навстречу мужу.

– Представляешь, Андрюша! Наш местный ангел-хранитель заявила мне пятнадцать минут назад, что считает моё состояние хорошим, и что она готова отпустить меня домой уже сегодня!

Глаза Жени сияли, будто ей только что подарили целое царство, а может даже сильнее. Какими бы хорошими ни были здесь условия, но больница есть больница и освободиться от необходимости круглые сутки пребывать на железной кровати в открытом, почти публичном пространстве было большим облегчением. Хотелось как можно быстрее добраться до их с Андреем дома, где тихо и незаметно для посторонних обитало счастье. Хотелось закрыть дверь и остаться, наконец, вдвоем...

– Мне нужно минут тридцать. Я тебе крикну из окна, когда соберусь выходить.

Женя чмокнула Андрея и помахав рукой быстро пошла собираться. Чтобы скоротать время Андрей неспеша направился по аллее, где только что сидела жена, в сторону небольшого красивого навеса с эстрадой, произвольно отмечая достоинства и недостатки ландшафтного решения. Территория ему нравилась. Особенно симпатично выглядели жи-

вописные зеленые уголки с маленькими беседками, ажурные конструкции которых были почти полностью скрыты вьющимися растениями. Максимально удаленные от главного входа, к которому вела широкая аллея, разделенная на две полосы прямоугольной клумбой со строем декоративных кустарников, эти интимные, затенённые уголки, будто созданные самой природой, представляли собой противоположность геометрически строгому и открытому парадному пространству.

Не более четверти часа спустя, послышался голос Жени, которая помахала Андрею рукой из окна. Подняться на второй этаж и дойти до палаты было делом пары минут. Подхватив Женину сумку с вещами и обняв жену за плечи Андрей направился к сестринскому посту. Документы были готовы и спустя ещё несколько минут счастливые супруги уже ехали домой по солнечной лесной дороге.

Андрей проснулся за несколько секунд до телефонного звонка. Ответив, он услышал бодрый и нарочито строгий голос директора: Ты почему спишь до сих пор? Или уже не спишь? Ты посмотри какая погода чудная! В такое утро спать – преступление. Быстро собирайся и ко мне. Двадцати минут хватит?

– Может через пол-часа тоже будет не поздно? – в тон Лешему поинтересовался Андрей.

– Ладно, жду – Ответил тот и отключился.

Оставив сладко спавшей Жене записку на столе, Андрей поспешил в Центр. Приемная в этот час была ещё пуста, а большие часы на стене показывали ровно семь. Леший сидел за столом в глубине большого кабинета, склонившись к экрану своего ноутбука и что-то недовольно бормоча.

– Ну ка, поди сюда. Можешь показать на карте, где находится это ваше «место смысла» и где вход в пещеру, куда вас Иван водил?

– Попробую» – ответил Андрей. Он легко сориентировался и быстро выделил на карте пятно, которое примерно соответствовало участку, ограниченному стеной. Затем поместил на нём «место смысла» и портал.

– Вот так, мне кажется – подвинул он ноутбук Лешему. Тот долго молча разглядывал пятно, затем спросил:

– Сколько километров от поселка до этого места? Не засекал?

– Да, совсем рядом. Километров шесть-семь, не больше. Ну, и немного ещё пешком.

Несколько минут Леший сидел молча, склонившись над монитором и о чем-то сосредоточенно размышляя. Затем встал, подошёл к окну и, сцепив за спиной руки, ещё долго смотрел, как над поселком быстро собирались и темнели грозовые облака. Потом вдруг резко повернулся и вернулся к столу. В глазах Лешего, когда он обратился к Андрею, как обычно была веселая решимость.

– Иван втягивает нас в авантюру. Хотя может и не в аван-

тору и... не только Иван, но это уже не важно. Думаю, ты тоже отступить не намерен. – Директор поднял руку, призывая Андрея подождать с вопросом, который готов был сорваться с его губ. – Я всё сейчас объясню, всё, что сам понял.

Ты уже знаешь, что мы с Иваном и Олегом старые друзья, и что Иван исчез на несколько лет, просидев все это время в местных пещерах под видом шамана, функции которого добросовестно исполнял. Одновременно, с присущим ему упорством и талантом, наш шаман разбирался с проблемой «мест смысла», которую получил вместе с именем Алон, чувством социальной ответственности и таинственными артефактами от своего учителя в наследство.

Внешний облик шамана Алона, с которым вы уже познакомились, и жизнь в глубинах пещер, считавшихся священными и опасными у местного населения с незапамятных времен, исключали какие-либо сомнения в том, что он именно тот человек, за которого он себя выдает. Хотя, почему выдает, – ухмыльнулся Леший, – он и есть шаман, только современный и единственный такой в своем роде. И вас всех да и нас с Аллигатором он таки околдовал!

Так вот, придя к определенным и весьма важным сегодня выводам, касательно проблемы «места смысла», он решил, что пора выбираться из подполья, что и сделал с вашим участием, которое оказалось счастливой случайностью. Вернее, случайностью было геологическое происшествие, заставившее вас задержаться в этом замечательном месте, а на наш

Центр он давно был сориентирован, да и обо мне, как выяснилось, знал прекрасно.

Но нужно знать Корныша, чтобы правильно оценить это его намерение вернуться к современной жизни. Он человек, который, приняв однажды решение или придя к некоторому заключению, уже не отступает ни при каких обстоятельствах и не допускает компромиссов. А за время отшельничества Иван пришел к очень многим выводам, касающимся способа жизни человека. И этим человеком является, прежде всего, он сам! – Это про то, с каким коллегой вам придется работать.

А теперь о главном – о тех принципах и закономерностях, на которые он будет опираться и которые будет утверждать каждым своим действием, как ученый и как гражданин.

Леший внимательно посмотрел на часы, затем на Андрея, и прервав свой рассказ, спросил:

– Ты позавтракал? Нет, конечно, когда бы! Пошли в столовую, девчонки рано приходят, они нас накормят и кофе сделают.

В столовой на первом этаже было уже шумно, несмотря на ранний час и отсутствие посетителей. Двигалась мебель, гудел пылесос, из кухни доносился звон посуды и веселый смех. В хорошо проветренном обеденном зале ощущался легкий и приятный запах свежесрезанных цветов, распределенных уже по обеденным столам в виде небольших веселых букетиков в простых керамических вазочках.

Леший громко поприветствовал своим раскатистым басом суетившихся поваров и их помощников и через несколько минут они с Андреем уже сидели за столом перед большими чашками кофе с молоком и горкой аппетитных оладий. И подобно удачной и весьма эффектной колоратуре, завтрак дополнял ароматный цветочный мед.

– Они меня частенько балуют в такую рань своими изделиями, – похвастался Леший, с удовольствием поедая румяные оладьи и наблюдая как блюдо пополняется новыми партиями, – а ты что так вяло жуёшь, или не нравится?

– Да нет, очень вкусно, просто я задумался о ваших словах про Алону. У меня с ним, кстати, встреча назначена на это утро, договорились пойти жильё выбирать.

– Не волнуйся. Успеешь. Иван сказал, что раньше десяти в поселке не появится. У него что-то с машиной, если я правильно понял. Ты ешь, давай.

Закончив завтрак, Леший с Андреем неспеша вернулись в кабинет на втором этаже.

– Так вот, Андрей. Как я уже успел сказать, причина начатого мной разговора связана не с чудесами, которых вы насмотрелись, и не с археологическими находками, которые всем интересны и радуют всякого, кто что-то смыслит в археологии и истории. Она связана с теоретической, она же жизненная, позицией нашего нового сотрудника, которая противоречит многим общепринятым идеологическим, политическим и другим базовым положениям, на которые опи-

рается как наше сегодняшнее государственное устройство, так и многие наши сограждане. Это совершенно не значит, что позиция Ивана носит антисоциальный или антигосударственный характер. Я бы даже сказал, наоборот! Он убежденный гуманист и искренний патриот. Но при этом, он ещё и человек мыслящий. И не просто мыслящий, но, черт возьми, ещё и умеющий это делать! Спорить с ним по вопросам, которые он специально изучил, очень трудно, а зачастую и бесполезно. Нам это давно известно, а тебе, вернее всем вам, придется с этим познакомиться теперь. Причем не просто познакомиться, но либо не согласиться и тогда придется искать критические аргументы и создавать логические конструкции в пользу своей позиции, а это, уверяю тебя, ой как трудно! Либо согласиться, что будет не удивительно, учитывая фундированность любых утверждений Ивана, и тогда оказаться в одном с ним лагере, но в мощном враждебном окружении. Да-да! Именно враждебном. И не только в научно-теоретическом смысле.

Могу тебя утешить тем, что сам я останусь на вашей стороне в любом случае, и не только я один. Но главное, на что следует уповать, это то, что на нашей стороне будет правда.

Директор замолчал и снова отошел к окну. Его крепкая, возможно чуть полноватая, но при этом стройная и подтянутая фигура, показалась Андрею сейчас какой-то поникшей. Погода тем временем окончательно испортилась. Небо стало темным, а тяжелые, переполненные облака опускались

все ниже, будто намереваясь раздавить не успевший толком проснуться поселок. Сильный порывистый ветер трепал, пытаясь ломать, деревья и кустарники, обрывал и злобно разбрасывал цветы, в которые было вложено столько сил и забот жителей.

– Вот так и с нами будет, – подумал Леший, – а может и хуже. Буря то эта пройдет быстро...

– А вы ведь не сомневаетесь в моей, а вернее, в нашей позиции, – констатировал с легкой улыбкой очевидный факт Андрей, – и какие же по-вашему у нас шансы на победу?

– Если в твоём понимании победа это уничтожение противников, то никаких. А вот если мы хотим высадить семена новой жизни и дать им прорасти, то победа точно будет за нами. Тем более, что поражений человеческая культура ещё не терпела, хотя формы принимала самые разные и периоды деградации переживала не раз. Как говорил Иван, каждый пришедший в мир людей, несет в себе пусть слабенькое, но человеческое начало, убить которое окончательно можно только вместе с человеком, каким бы плохим в оценке других людей он не был.

– А кто же, по-вашему, наш главный враг?

– Если коротко, то это способ жизни, сложившийся в предшествующий исторический период, и исторически исчерпанный. Более конкретно, это экономика, ставшая идеологией, подмявшая под себя всю сферу производства человека от семьи до вуза и подчинившая себе всю систему от-

ношений от внутрисемейных до транснациональных. А если хочешь совсем конкретно, то противостоять нам в этом деле будут живые люди, присвоившие себе этот способ жизни и, прежде всего, ставшие субъектами этой самой экономики. А это, как ты понимаешь, ещё какая проблема!

– А какие у нас есть инструменты, или оружие в этом противостоянии? Ведь как экономическая величина мы сами ничтожно малы, а голос наш услышит, скорее всего, лишь тот, кто захочет услышать что-то подобное. А как и о чем говорить с армией менеджеров и клерков и даже с молодыми учеными, увлеченными модными идеями искусственного интеллекта или цифровой экономики?

– Это правда, Андрей, что задача сложная. Но на нашей стороне сегодня не только такие люди, как Иван, как ты, но и сама история, которая уже подписала приговор тем, кто не понимает ценности и значения человека-творца и не верит, что пришло время его Возрождения. Чтобы запустить процесс преобразования жизни, нужны ориентиры, как образы героев, которым захочется следовать. Нужно создать модели нового устройства жизни в виде «горячих точек», подобных нашему «Культурно-образовательному центру», нацеленному на производство настоящего человека-творца, человека-гражданина. Это и будет наш инструмент.

Ладно, Андрей, я сказал тебе всё, что собирался, и ты, уверен, понял меня. Тем более, что значительную часть сказанного я постиг именно с твоей помощью. Задумайся ещё

раз о том, что нас ждёт в этом проекте в компании с Алоном и с Женей поговори. Только аккуратно без лишнего драматизма. Береги её. А Ивану скажи, пусть зайдет ко мне когда устроится и пусть звонит если помощь какая потребуется.

Вопреки ожиданиям Андрея, ненастье так по настоящему и не разразилось. Погода постепенно исправлялась. Видимо, основные силы надвигавшаяся на поселок буря растратила где-то на подходе в горах, либо просто прошла стороной, лишь коснувшись застройки и теперь она все глуше хохотала и громычала вдаль. Ветер совсем стих, припав к земле и забившись в подворотни. Мелкий дождик, негромко постукивал по крышам, остужая и успокаивая испуганные раскатами грома дома.

– Доброе утро, Иван Айдарович! Какие новости? Как ваши хвостатые друзья?

Андрей приближался к Алону, радостно улыбаясь. Ему действительно всё больше нравился этот сильный и спокойный человек, способ жизни которого был близок и понятен.

– Здравствуйте, Андрей! Вы знаете, сегодня утром я подумал о том, что шаман Алон пусть лучше останется в пещерах, а моё имя для тех, с кем я намерен жить и работать, просто Иван. Вы не против, если мы несколько изменим и упростим форму взаимных обращений?

Обменявшись рукопожатиями, они, как и планировалось, отправились в «Южную», выбирать жильё. Пошли пешком,

несмотря на дождик, который слабел и обещал вот-вот прекратиться.

– А где вы, если не секрет, ночевали и как ваша машина? Директор сказал, что были проблемы.

Иван весело глянул на Андрея, затем почему-то на свои кроссовки и начал рассказывать.

– Соседний поселок, откуда население привозит на ваш рынок дары леса и огородную продукцию – это место где родился ваш покорный слуга. Дом родителей, к сожалению, не сохранился, но дом учителя теперь в моём распоряжении. Когда нужно, я останавливаюсь в нем, иногда живу по несколько дней, если в поселке много дел. Я же не только шаман, но ещё и врач, хотя квалификацию уже теряю, несмотря на все усилия. Нужно постоянно учиться, чтобы быть на уровне.

Иван замолчал, глядя на свои руки, затем продолжил.

– Дом довольно большой и там есть все необходимое для холостяка с очень скромными бытовыми потребностями, включая гараж, где моя «Ауди» тихо свой век доживает в ожидании новых колодок. Но главное то, что у дома есть своя тайна, которая сделала его незаменимым», – Алан снова улыбнулся и покачал головой, будто вспомнив о каком-то не совсем правильном поступке, – «Там скрыт вход в пещеры, благодаря которому я, при необходимости, могу быстро добраться до своей библиотеки у портала, и до других полезных мест, в основном приспособленных для ночлега. Ко-

нечно, быстро это не значит за пять минут, расстояние до портала километр или чуть более. Это кошки мои его быстро пробегают, когда слышат, что я их зову, а мне приходится идти минут десять-пятнадцать. А если несю аккумулятор, например, или другие какие вещи, то и дольше.

– Да, все время хотел спросить, что будет теперь с вашими кошками? Они ведь не привыкли без вас обходиться?

– Ничего страшного не случится, поскольку у меня есть молодой, но очень толковый ученик, который вполне сможет меня заменить. Да и сам я могу их навещать, – тут же не далеко. Еду им мы обычно приносим, но они и сами себя кормят. Причем охотятся в основном прямо в пещерах, на всяких мелких обитателей. А иногда ночью выходят в лес, но настолько осторожны, что о них даже рассказов от местных охотников не услышишь. Считалось в народе, что большой черный зверь раньше жил с моим учителем, вернее иногда появлялся, помогая ему совершать некоторые ритуальные действия, но потом пропал навсегда. Между тем, эти удивительные животные живы и даже произвели потомство. Правда, идентифицировать их нам пока так и не удалось. Никто из тех, кому довелось их увидеть, не смогли с уверенностью определить породу, хотя большинство склонялось к тому, что это черный амурский леопард, приспособившийся жить в наших пещерах. Может теперь, когда появились котята, а их аж четверо, удастся окончательно разобраться, наконец, с природой моих помощников. Потрясающе умные

и верные звери.

Разговаривая, Андрей и Иван незаметно добрались до группы новых коттеджей, расположившихся на участке с активным рельефом и живописным ручьем, пересекающим жилую территорию. Коттедж, на котором остановил свой выбор Иван, находился рядом с улицей, ведущей в центр. Кроме самого жилого дома на участке имелся гараж на две машины и какая-то хозяйственная постройка. Деревья были высажены совсем недавно, а газонная трава только начала пробиваться сквозь темный мягкий грунт. Пройдя в сторону дома по дорожке, выложенной симпатичной тротуарной плиткой приятного красноватого цвета, можно было попасть сначала на крытую террасу, затем, через незапертую дверь на веранду и только потом, открыв полученным от охранника ключом замок, войти в дом. Здесь все было готово к приёму жильца, включая красивую мебель светлого дерева, шторы с занавесками и все необходимое бытовое оборудование.

– Отопление здесь в каждом доме своё, – рассказывал Андрей, – это газовые котлы. С водой проблем тоже нет – поселковый водопровод. Вода артезианская, очень вкусная. Телевидение и интернет хорошего качества. Да, в доме есть небольшой подвал, где можно хранить что-нибудь. Например, тушенку из медвежатины или из лося.

Андрей заулыбался, вспомнив вкусное угощение в пещере у Алона.

– Ну, а если потребуется консультация или другая помощь

архитектора или дизайнера – так нас здесь много и любой с радостью поспособствует.

– Спасибо, Андрей, за все. Если что-нибудь ещё потребуется, я непременно обращусь. Мне кажется, нам сейчас стоило бы перейти к более серьёзному, чем мое жилище, предмету. Я имею в виду нашу общую теперь работу. Если нет возражений, предлагаю зайти куда-нибудь, где можно получить чашку кофе или чая, и где можно спокойно побеседовать. Здесь, к сожалению, можно пока только присесть. В гостиной или на террасе, там я видел садовую мебель.

– Давайте все же здесь, в смысле на террасе. Тихо, никто не мешает и кресла из ротанга очень удобные. В наших кафе таких нет, а кофе можно и потом попить.

– Отлично! – согласился Иван, выходя на террасу и подвигая Андрею большое плетеное кресло, – мне здесь, у вас, вообще очень нравится. Я имею в виду не только этот замечательный коттедж, но весь поселок. Он с одной стороны уютный и живописный, а с другой очень понятный. Здесь легко ориентироваться, несмотря на сложную, казалось бы, планировку.

– Спасибо. Это комплимент нашей мастерской, поскольку мы сами проектировали все, что здесь построено. Старались! А вот задача, которую нам предстоит решить с вашим участием, намного сложнее. Вы ведь знаете, что мы работаем сейчас над программой «Культурно-образовательного центра»?

– Да, конечно. Леший довольно подробно рассказал о работе Центра. Правда, это был взгляд администратора, а не руководителя конкретного проекта. Мне кажется, что подобный проект это единственный правильный путь настоящей качественной перестройки жизни в стране. Важно только не ошибиться в определении целей и задач как проекта, так и самого будущего центра. Да и страны в целом. А в сегодняшней ситуации нелегко не столько даже найти правильное решение, сколько добиться его признания теми, от кого зависит реализация проекта.

Иван погрузился в привычные глубокие размышления, в которых ему в вековой тишине подземелья никто не мог прежде помешать. Понимал ли он, на что меняет этот комфорт одиночества, эти уникальные условия, в котором он мог быть высшей и конечной властью? Мог ли он оценить ту степень перемен в мире, который все последние годы он видел лишь издали, либо через призму иного сознания, уже пропитанного чуждыми ему идеями и ценностями?

Но разве у него есть сегодня выбор? Разве он все ещё не понимает сути происходящего и разве не может он вслух сказать о том что видит, о том, что постиг? И разве не должен он поделиться своими мыслями и чувствами с теми, чьи души и чье сознание ещё открыто добру? И, наконец, разве не будет он хуже тех, кому должен противостоять, если промолчит, укрывшись за каменными стенами?

– Время на разработку проекта у нас ещё есть, но что

такое три года в нашей ситуации, я пока не знаю, – снова заговорил Андрей, – когда есть полное задание на проектирование, разработать проектную документацию такого объекта можно и за два года. Но у нас на сегодня нет пока ничего кроме философско-психологических соображений да некоторых педагогических и собственно архитектурных идей. Официальная цель нашей работы, которая финансируется государством, состоит в том, чтобы переосмыслить вопросы архитектурно-пространственной организации меняющейся жизни нашего общества и, прежде всего, образовательной деятельности и дать конкретные предложения в виде проектов.

– Ну что ж, отличные условия для работы! О чем ещё можно мечтать, – весело заявил Иван, будто приняв какое-то очередное решение, – нужно сформулировать задачи и двигаться дальше! К тому же народ у вас подобран интересный, с головами народ.

Да, у меня ещё есть одна просьба. Вы говорили об архитектурных идеях, а я в вашем деле полный профан, хотя не раз задумывался об архитектуре в связи с важнейшей, на мой взгляд, философской проблемой формы. Буду благодарен, если вы найдете время и расскажете мне вкратце о каких архитектурных идеях в связи с проектом идет речь и поясните то, что будет не понятно.

– Конечно, Иван. Только не в «Лабе», там серьёзно поговорить не дадут. Найдем какое-нибудь тихое место, где есть

кофе. Кстати, можно встретиться у меня, вернее у нас с Женей, это моя супруга. Она тоже работает в центре, в художественной мастерской и будет очень рада познакомиться с Алоном, о котором, конечно, наслышана. Да и разговор ей будет весьма интересен.

– Спасибо. Меня устроит любой вариант, который будет удобен вам. И ещё несколько слов о главном для меня сейчас. В чем, по-вашему может и должна состоять моя помощь, или вернее, моё участие в работе над проектом? Какие у вас на этот счет есть соображения?

Андрей ненадолго задумался, затем посмотрел на небо, которое вновь стало чистым и ясным. Его не оставляла мысль о том, что его собеседник обладает какой-то удивительной способностью придавать собеседнику уверенность и даже какую-то природную и совершенно не понятную силу. «Если даже он будет молча сидеть в лаборатории, люди, наверное, все равно станут быстрее справляться с проблемами и находить трудные решения, пользуясь распространяемой им светлой энергией. Директор был прав, сказав, что он настоящий шаман... Бог ты мой, о чем я думаю!?

– Я уверен, Иван, что ваше участие в постоянном семинаре лаборатории, где в зависимости от текущей темы высказываются разные сотрудники и приглашенные специалисты, позволит и мне и вам определиться с тем, на чем следует сосредоточиться в первую очередь. Не скрою, я уже вижу смысл и даже необходимость вашего участия в решении

многих конкретных задач, но будет правильно, если для начала вы определите свое отношение к происходящему в нашем коллективе в целом. А чтобы сразу дать вам дополнительную пищу для размышлений могу коротко рассказать о возникавших в последнее время и не завершенных дискуссиях.

Рассказ Андрея вызвал весьма живую реакцию Ивана, который периодически высказывался по тому или иному вопросу, не скрывая своего интереса и отношения к разным позициям и взглядам. Когда, примерно час спустя, Андрей глянул на часы, Иван поднялся.

– Да, пора заканчивать. Ещё раз спасибо, Андрей! Было очень интересно. Завтра буду готов слушать и по возможности участвовать в коллективной и любой другой работе.

– Только завтра семинара ещё не будет, он у нас проходит по пятницам. Так что все то же самое, но в процессе знакомства с коллегами. Договорились?

– Да, конечно.

– А по поводу разговора про архитектуру, я определюсь со своими делами и позвоню. И ещё, чуть не забыл, директор просил зайти к нему, как устроитесь, и звонить если возникнут проблемы.

Ну, я пойду. Всего доброго!

– Спасибо ещё раз! До свидания, Андрей!

Среда оказалась по летнему теплой и безветренной. С раннего утра птицы что-то шумно выясняли на террасе, не обращая внимания на Женю, сидящую в кресле. Упакованная в теплый плед и убаюканная природными звуками, она с блаженством вдыхала свежий, наполненный садовыми ароматами и вкусный как газировка в детстве воздух.

Накануне они допоздна засиделись с Андреем, обсуждая последние события в коллективе и обмениваясь новыми соображениями по проекту. Женя утомилась и уснула, когда Андрей ещё рисовал какие-то схемы и делал записи, которые в основном тут же зачеркивал. Вскоре и он утомился и теперь досыпал последние минуты перед началом новой полосы неожиданностей.

Телефон вырвал Андрея из глубокого сна. Взволнованный голос директора звучал непривычно и Андрей сразу понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Андрей! Тебе Олег не звонил? Нет? – Пропали наши археологи. Палатки с вещами на месте, а ребят нет. Сейчас ждем Ивана, чтобы идти в пещеры.

Ты шум не поднимай пока, и будь на связи. Если придется вызывать спасателей, дорогу им покажешь. Договорились?

Не дожидаясь ответа, Леший отключился. В голове Андрея все ещё звучал бас директора, но смысл слов медлен-

но доходил до его сознания. Что значит археологи пропали? Как они могли пропасть? Может пошли в пещеры и заблудились? Нет, они не могли туда пойти без Алона и тем более ночью. Но куда же тогда? И откуда звонил Леший?

В голове не прояснилось, но стало понятно, о чем просил Леший и что Иван скоро будет у лагеря археологов и, конечно, поможет разобраться. Андрей постарался успокоиться и даже глянул на себя в зеркало. Женю волновать не следовало, тем более, что ещё ничего не ясно. Просто нужно дождаться информации от Ивана.

Андрей включил чайник и вышел на террасу. Ночь была тихой и удивительно теплой. Сделав не сколько глубоких вдохов, Андрей повернулся и вздрогнул от неожиданности. Из дверного проема на него со спокойной улыбкой смотрела Женя.

– Звонил телефон или мне показалось? – спросила она, плотнее кутаясь в плед. – Здесь так хорошо, так спокойно!

– Да, милая, Леший звонил. Археологов не могут найти. Заблудились, что ли.

Андрей старался говорить спокойно, будто речь шла о чем-то обычном. Однако, или он был плохим артистом, или Женя была слишком проницательной, только услышав ответ Андрея, она тут же откинула плед с головы. Взгляд её больших карих глаз стал вдруг сосредоточенным и даже каким-то колючим.

– Вот и все, – подумал Андрей, – не могу я с ней лукавить.

Он собрался с мыслями и, по-прежнему стараясь говорить спокойно, описал Жене ситуацию как её представил Леший, добавив от себя, что с ребятами ничего плохого в принципе не могло случиться. А связи там практически нет, поэтому и информации нет.

Пока Женя готовила крепкий кофе, Андрей с минуты на минуту ждал указания вызывать спасателей. Крепкие и опытные ребята были ему хорошо знакомы по занятиям горнолыжным спортом. Но звонка не было, а значит там, у «места смысла» были какие-то понятные идеи по поводу пропавших. Учитывая, что в поисках участвует Иван, как никто другой знающий местность и снаружи и под землей, можно было надеяться на быстрое решение проблемы. О плохом думать не хотелось да и оснований серьёзных не было.

Прошел ещё час, а телефон по-прежнему молчал. Нехорошие предчувствия холодными змеями заползали в душу, заставляя внутренне сжиматься, а то и содрогаться от очередной версии. Андрей гнал от себя дурные мысли, пытаясь разрядить атмосферу в столовой. Но шутки его выглядели не слишком удачными и он сам это понимал.

Наконец, громкий рингтон возвестил о том, что Иван готов сообщить что-то важное.

– Да! – почти прокричал Андрей, прижав аппарат к щеке, – я слушаю Иван. Что там с ребятами?

Голос Ивана звучал глухо и как всегда спокойно:

– Они где-то в пещере, ищем. Было бы хорошо, если бы вы

подъехали к дому шамана, о котором я вчера рассказывал. Он справа от дороги сразу за въездом в поселок. Спасатели, я надеюсь, не потребуются. Как доберетесь, попробуйте позвонить, а если не получится, – просто подождите меня или моего ученика.

Все. До связи.

В трубке снова стало тихо.

– Ну что? – Женя выжидающе смотрела на Андрея – Ну говори же, что молчишь!

– Иван сказал, что археологи в пещере. Не знаю, откуда ему это известно, но они их ищут. А звонил он, чтобы попросить меня подъехать к его шаманскому дому и подождать там. Может он рассчитывает выйти там из подземелья? Никаких других объяснений не было.

– Значит нужно ехать, – твердо заявила Женя, – я с тобой!

Последнее утверждение прозвучало менее уверенно. Андрей с нежностью обнял жену и сказав ей на ухо несколько слов, поцеловал, затем легко поднял на руки и вынес на террасу.

– Подыши свежим воздухом, тебе это полезно, и ложись спать. А я буду звонить и рассказывать, как только что-то произойдет. Хорошо?

– Но учти, что я здесь одна и что очень жду тебя.

Дом шамана искать не пришлось. Старая постройка из дерева и природных камней разных размеров была слишком

узнаваема, даже при лунном свете. У входа стоял худощавый человек в традиционной сельской одежде, который вблизи оказался подростком лет пятнадцати. Из под головного убора неопределенной формы выбивались дикорастущие пряди черных волос, оттенявшие неожиданно яркую голубизну или даже синеву больших глаз. Живые и смысленные, они внимательно разглядывали Андрея, выбиравшегося из-за руля.

– Вы Андрей. – Это было скорее утверждение, чем более уместный в этой ситуации вопрос.

– Я – Ванхо. Алон велел ждать вас, потом отвести вниз. Там ваш человек ждет, который зашибся. Алон сказал, он студент. Его теперь Илика сторожит.

Завершив таким образом свой монолог, Ванхо повернулся и пошел ко входу в гараж. Приоткрыв створку ворот, он на мгновение обернулся и убедившись, что Андрей следует за ним, скрылся в темном проеме. Зажегся свет, осветив небольшое, помещение, на стенах которого висели различные, в основном непонятного назначения предметы и множество сухих трав и веток разных растений. В центре, на смотровой яме, стоял автомобиль Алона. Именно туда, под машину, и спустился молодой Ванхо, держа в руках большой электрический фонарь.

Вход в пещеру, спрятанный от случайных глаз куском старой ковровой дорожки, был довольно маленьким и Андрею пришлось согнуться, чтобы не удариться головой о массивную деревянную притолоку. Лишь метров через десять ухо-

дящий постепенно вниз проход увеличился настолько, что можно стало распрямиться в полный рост. Ванхо двигался быстро и уверенно, периодически останавливаясь в ожидании Андрея, пока, наконец, перед ними не раскрылось большое свободное пространство.

Справа у стены сидел, вытянув ноги и прислонившись к куче какой-то ветоши, один из молодых спутников Олега Олеговича. В электрическом свете фонаря лицо парня, покрытое ссадинами и царапинами, показалось Андрею смертельно бледным. Куртка была разорвана в нескольких местах, а штанина на правой ноге ниже колена была темной от крови. Значительную часть ноги скрывали деревянные планки, плотно перевязанные в нескольких местах бинтами, и фиксирующие поврежденную конечность.

Андрей опустился на колено возле раненого и тихо позвал, вспомнив имя своего бойкого собеседника с заднего сиденья.

– Равиль, ты меня слышишь? – произнес Андрей, осторожно взяв того за руку, – это я, Андрей.

Глаза Равиля приоткрылись и он, с трудом произнес:

– Да, всё в порядке. Алон укол сделал. Эти гады убежали... украли...ничего...

– Дальше речь стала совсем тихой и неразборчивой. Ванхо, который стоял рядом, освещая фонарем пострадавшего, потянул Андрея за рукав, привлекая к себе внимание.

– Алон сказал быстро в больницу везти. Сотрясение и нога

поломана. На бинте что-то написал.

Только теперь Андрей заметил надпись на бинте. Это было название какого-то медицинского препарата, написанное на латыни и ещё, что-то. Разбираться в надписи сейчас не было смысла и Андрей с Ванхо осторожно подняли вялого и не способного двигаться самостоятельно Равиля. Только теперь Андрей вдруг заметил огромную черную кошку, внимательно наблюдавшую за ними из темноты.

С трудом выбравшись с раненым из пещеры Андрей с Ванхо осторожно усадили его в машину. Пристегнув парня ремнем безопасности, Андрей убедился, что тот, несмотря на сумеречное состояние, способен все же удерживать себя в нормальном положении, используя почти не пострадавшие руки. После этого он набрал телефон Ивана, и не получив ответа сразу позвонил Лешему. Результат был тот же и Андрей связался с медицинским центром.

Когда машина остановилась у приемного покоя Равиль спал. Санитары аккуратно перегрузили его на носилки. Железная дверь открылась и снова закрылась, поглотив всех, кто только что суетился у машины вместе с голосами и прочими звуками. Стало тихо и напряжение вдруг отпустило сознание Андрея. Он смотрел на дятла, сосредоточенно долбившего в этот ранний час ствол сосны, пытаясь различить звуки его работы. Тук-тук-тук – дошло, наконец, до его сознания вместе с пением птиц, встречающих рассвет и шумом ветерка, мягкими порывами шевелившего тонкие ветки

и гнавшего по асфальту невесть откуда взявшуюся газету.

Позвонила Женя, молча выслушала не очень складный рассказ Андрея и посоветовала ему успокоиться, потому что Равилю уже ничего не угрожает и с остальными тоже все будет в порядке. Просто нужно дождаться очередного звонка и дальше действовать вместе.

Не столько слова Жени, сколько звук её голоса окончательно успокоил Андрея. Привычно и надежно заурчал мотор и «Самгу» снова помчалась по лесной дороге к дому шамана.

Когда археологи в третий раз не вышли на связь в установленное время, Лешему стало ясно, что с ребятами что-то стряслось. Олег был не из тех людей, кто может забыть или пренебречь договоренностью, тем более в такой не совсем обычной ситуации. Он непременно бы позвонил. Но телефон молчал и Леший, – человек действия, – связался с водителем знаменитого автобуса Антоном, разбудив того среди ночи. Договорился немедленно выехать к «месту смысла», где должны были ночевать археологи.

Палатки были на месте, вещи аккуратно разложены и все готово к ночлегу. Только самих обитателей лагеря нигде не было. Обойдя территорию вокруг ритуальной площадки и не обнаружив никого, Леший забрался на камень и с удивлением отметив, что сигнал на телефоне был здесь максимальным, позвонил поочередно Ивану и Андрею.

Меньше чем через полчаса к ним подошел Иван с рюкзаком и карабином на плече в сопровождении своего черного спутника, хорошо различимого, благодаря свету полной луны. Процедура знакомства кошки с Лешим не заняла много времени. Затем Иван осмотрел палатки и оставленные вещи. Минуту поразмышляв, он поднялся на ритуальный камень и позвонил Андрею. Затем спрыгнул вниз и вслед за Ирдином быстро направился в сторону портала. Леший с Антоном, тоже вооруженным карабином, молча последовали за ними.

Забравшись внутрь через проход в верхней части портала, команда вынуждена была тут же включить фонари. Ирдин, не нуждавшийся в дополнительном освещении, не раздумывая направился по знакомому проходу в сторону дома шамана, откуда только что пришел Иван. Кошка двигалась быстро, заставляя людей почти бежать, постоянно рискуя споткнуться на многочисленных неровностях под ногами. Добравшись до большого зала с ритуальным камнем и ручьем, Ирдин сначала направился к видневшемуся в глубине помещения проходу, но потом вдруг резко остановился и бросился к месту, где вода ручья срывалась вниз, образуя небольшой, но шумный водопад. Остановившись у края проема, черневшего под ногами, зверь внимательно посмотрел вниз, затем на своего хозяина и улегся на камень. Хвост животного нервно подрагивал, выдавая его напряжение.

Свет фонаря позволил разглядеть внизу, метрах в двух – двух с половиной от поверхности, фигуру человека, непо-

движно лежащего на камнях в неудобной позе. Человек тихо стонал.

– Наш! – уверенно заявил Леший, – это Равиль, студент. Как же мы его достанем оттуда?

– Это не сложно, – спокойно и уверенно заявил Иван, доставая из рюкзака веревку. Его ловкие и уверенные действия выдавали скорее опытного альпиниста чем спелеолога. Так или иначе, а через несколько минут спустившийся вниз Иван закрепил веревку, обвязав Равиля особым образом. Верхний конец крепко держали Леший с Антоном и через несколько минут пострадавший уже лежал рядом со своими спасателями, а Иван, доставший из рюкзака аптечку, при свете фонарей внимательно осматривал рану на его ноге.

– Перелом, констатировал Иван и как минимум сотрясение. Как же тебя угораздило-то, парень?

Равиль попытался что-то ответить, но лицо его скривилось от сильной боли и он, видимо, опять потерял сознание. Тем временем, Иван сделал ему укол, обработал чем-то и забинтовал рану. Затем извлек из рюкзака несколько длинных планок, используя которые зафиксировал пострадавшую ногу. На бинте сверху Иван что-то написал.

Носилок не было и нести раненного пришлось просто на руках. Благо до места было уже совсем близко. Передав Равиля на попечение вышедшего из темноты Ванхо. Иван что-то объяснил ему, и команда почти бегом двинулась дальше по узкому проходу.

Становилось прохладнее, сверху то и дело падали холодные капли воды, заставляя вздрагивать. Пещера то спускалась вниз, то снова шла на подъём, пока не вывела к большому водоему, похожему на подземное озеро. В другой ситуации, зрелище наверняка потрясло бы Лешего своей невероятной красотой, но сейчас все мысли и чувства были сосредоточены на поиске. Пройдя немного вдоль воды, хвостатый проводник замедлил ход, затем остановился, прислушиваясь к чему-то и вдруг тихо зарычал. У Лешего, который впервые услышал голос кошки Алона, мороз пробежал по коже.

– Впереди люди, – тихо сказал Иван, снимая с плеча карабин, – подойдите к стене и погасите пока фонари. Ждите нас здесь, только никуда не уходите. Мы с Ирдиком скоро вернемся.

Леший с Антоном присели у стены в полной темноте, вслушиваясь в царящую в подземелье тишину. Не раздавалось ни звука, что рождало ощущение глухоты, которое раздражало и без того взвинченные нервы.

Тем временем Иван вслед за Ирдиком вошел в узкий боковой проход, который, как ему было хорошо известно, заканчивался совсем небольшим низким помещением, откуда не было другого выхода. Ирдик снова, теперь уже громко и угрожающе, зарычал и Ивану пришлось решительно остановить готового набросится на жертву зверя.

– Ирдик! Ко мне! – твердо сказал Иван и в ответ на эту команду в темноте раздался усталый голос Олега Олеговича:

– Это ты, Корныш? Ну, слава богу! Только убери, пожалуйста своего друга. У нас с Равилем беда!

Зажглись фонари и в проходе появились измученные физиономии археологов.

– Успокойтесь, с ним все будет в порядке. Мы его доставили, перевязали и сейчас Равиль уже ждет Андрея, который отвезет его в больницу. А с вами все в порядке? В двух словах, Аллигатор, что случилось и как вы здесь оказались?

Археолог развел руками, будто извиняясь, и начал рассказ:

– Рано утром, как и было запланировано, мы уже прибыли на место. Разбили палатки и взялись за обследование территории. Целый день фиксировали и описывали объекты. Когда дело уже шло к вечеру, хотя было еще довольно светло, мы перекусили и пили чай, спокойно обсуждая результаты дня. Неожиданно послышались голоса, доносившиеся со стороны портала. Разговаривали несколько человек, что само по себе было не только неожиданно, но и странно, учитывая характеристику ситуации, полученную нами накануне от тебя. Голоса приближались и мы уже собирались окликнуть говорящих, когда содержание их разговора привлекло наше внимание. Как потом выяснилось разговаривали четверо мужчин. Один из них, судя по говору, местный. Остальные трое скорее всего приезжие. Двое говорили по-русски почти чисто. Похожи на коренных москвичей. Третий – с заметным кавказским акцентом.

Речь шла про жезл, про то, что он уже перепрятан и находится в тупике за вторым озером; что Хант его упаковал в чехол от спиннингов. И ещё, что там же находится и всё остальное в сумках и пакетах. Только всё тяжелое и тащить до УАЗика будет трудно. Называли Белую сопку и ещё какие-то места, которых сейчас не помню.

Потом речь зашла о каком-то старике, которого не должны найти до их отъезда. Упоминались какие-то люди в Москве. Думаю имелись в виду сообщники и или даже хозяйка. Ещё на высоких тонах говорили о валюте; звучали угрозы в адрес кого-то отсутствующего. Потом они заметили палатки и нашу компанию. К тому моменту мы конечно уже поняли, что ситуация совсем не простая; что мы слышали то, что не просто не предназначалось для чужих ушей, но делало нас теперь опасными свидетелями. Но в тот момент мы ещё не могли оценить степень опасности и намерения гостей.

Появившиеся перед нами люди были вооружены и действовали очень быстро. Отобрав телефоны, нас повели к portalу, а затем по одному из проходов вглубь пещеры. Двое шли впереди, в том числе местный житель, который лучше других ориентировался в пещере, и двое сзади, держа нас на прицеле.

– Вот вы и приехали! – злорадно прошипел бандит с карабином, шедший сзади и толкавший стволом в спину Равиля, – хрен вас здесь найдут.

Когда из узкого прохода мы вышли в большое помеще-

ние с ручьем и шумом воды, проводник, шедший первым, замешкался, видимо что-то уронил и пытался найти в свете фонаря. Шедшие сзади тоже уставились под ноги и в этот момент Равиль вдруг вырвал карабин из рук одного из бандитов и толкнув его быстро ударил второго, надеясь, видимо, его тоже разоружить. Но ничего не вышло. Второй оказался ловчее и легко уклонился от удара прикладом, который прошел по касательной, не причинив ему вреда. Одновременно он быстро навел ствол своего ружья на Равиля и скомандовал:

– На землю карабин! Быстро! – и обращаясь уже к своему разоруженному товарищу, – давай, Рыжий, вставай и забирай у него свою игрушку!

Но как только разоруженный бандит протянул руку за карабином, Равиль ударил его прикладом и видимо попытался тут же выстрелить во второго, вооруженного бандита. Но выстрел не получился, как потом выяснилось, карабин был сломан и годился лишь для устрашения. И вообще, бандиты стрелять не собирались, поскольку шум явно не входил в их планы. Но у них были ножи, которыми они хорошо умели пользоваться, и потому потасовка, затеянная Равилем была тут же пресечена, как и наши попытки прийти ему на помощь. Сам же он получив жестокий удар в голову ручкой тяжелого ножа, упал без сознания.

– Сбрось его Хант, – приказал здоровый детина с тесаком в зеленой брезентовой куртке, ударивший Равиля, – а

вы вперед! И если кто ещё дернется, башку отрежу на месте. И он не пугал.

Нас погнали вперед, в ведущий дальше узкий туннель, а тот, кого называли Хант, немного задержался. Вскоре и он догнал нас. Мы не знали, что этот бандит сделал с Равилем, поскольку не понимали куда можно было его сбросить. Но было ясно, что дело плохо и мы думали лишь о том, как освободиться, чтобы помочь ему.

Когда туннель, по которому мы двигались пошел под уклон, под ногами стали появляться мелкие и крупные камни. Выбрав подходящий момент, я сделал вид, что споткнулся и поднял приличный булыжник, который спрятал в одежде. В темноте этого никто не заметил. Позже, когда мы оказались в помещении, где была вода, все остановились и главный бандит, который нам угрожал стал звонить по телефону. Связь судя по всему здесь была уже хорошая и ему сразу ответили. Бандит что-то спросил, затем грязно выругался, заорав в трубку, что кто-то за что-то ответит и посоветовал своему собеседнику ждать на месте. Закончив разговор он приказал кончать с нами, только тихо и загнав для этого в какой-то тупик. После чего он и его напарник, не оглядываясь, пошли дальше вдоль водоема, реальных размеров которого в свете фонарей оценить было невозможно, но свет их фонарей долго отражался в черной воде.

Двое других, что пристально следили за нами, угрожая ножами и ружьём и выкрикивая ругательства, заставили нас

пройти метров десять вперед, до низкого и узкого прохода в стене. К этому моменту я уже готов был напасть на того что был с ружьём, ударив его неожиданно камнем, но он будто почувствовал опасность и отстал на несколько шагов. И как только мы вошли согнувшись в проход, бандит, который был с ружьём и особо громко и выразительно бранился, неожиданно тихо окликнул нас и сказал, чтобы мы сидели тихо и не высывались, если жить хотим. А через час чтобы уходили тем же путем. Мы прошли вперед по проходу и почти сразу уперлись в стену. Это действительно был тупик. Тем временем стало совсем тихо. Бандиты либо ушли, либо просто отошли от прохода и затаились, а мы остались в этой норе, ничего не видя и не понимая ситуации. Угроза, после того, что случилось с Равилем, казалась вполне реальной, и мы решили немного подождать, чтобы убедиться, что бандитов поблизости нет. В то же время мы не собирались здесь задерживаться, поскольку наши охранники, несмотря на угрозы, похоже не собирались выполнять распоряжение старшего, ушедшего вперед. Ему уже явно было не до нас, поскольку что-то у них пошло не по плану.

А потом мы услышали рычание этого замечательного зверя и голос Ивана. Но что с Равилем, где вы его нашли?

Иван, который все это время внимательно слушал Олега Олеговича поглаживая голову Ирдика, указал кошке на археологов и со словами «Это свои, познакомься!» отпустил её.

– Не шевелитесь, – сказал он, обращаясь к Олегу и студентам, робко разглядывающим грозное животное, – он знакомится быстро и никогда уже не забудет.

Через минуту, когда процедура знакомства закончилась и Ирдик вернулся к хозяину, расположившись у его ног, Иван снова заговорил:

– Давай, Олег, вот фонарь, забирай ребят и дуйте назад, за Ирдиком. Он вас приведет к моему дому в поселке. Там вас встретит Ванхо – это мой ученик. Туда же должен приехать Андрей. И главное, не заблудитесь. Идите за Ирдиком, а если вдруг отстанете, останавливайтесь и ждите на месте – он вернется и поведет дальше. Обо всем остальном поговорим позже, когда все закончим. А сейчас нам с Антоном нужно поспешить, пока в этой истории ещё нет трупов. Надеюсь.

Получив указание от хозяина, Ирдик посмотрел внимательно на археологов, затем отбежал на несколько метров и ещё раз обернулся, чтобы убедиться, что те торопливо двинулись следом.

Иван, тем временем, несколько раз свистнул и стал набирать чей-то номер по телефону. Сказав несколько слов своему собеседнику, из которых Антон разобрал только название известной сопки «Белая», Иван осмотрелся и увидев в темноте два горящих глаза, проговорил: «Умница, Илика, это свой. Успокойся. Иди рядом».

Минут через пятнадцать быстрой ходьбы Иван замедлил ход, прислушиваясь и поглядывая на кошку, послушно и

спокойно идущую рядом.

– Илика давно шла за нами и уже давно чувствует чужих, но до них, похоже, ещё не близко.

И в этот самый момент Илика тихо подала свой голос. Затем прошла немного вперед и остановилась у очередного прохода в стене, такого же низкого и узкого, как тот, куда загнули археологов. Здесь она оглянулась на Ивана и улеглась, будто выполнив свою функцию.

– Неужели труп? – проговорил Иван, осторожно заглядывая внутрь тупика или, скорее, глубокой ниши, – Похоже, так и есть. Это вероятно старик, о котором говорили бандиты.

Антон тоже заглянул внутрь ниши и в свете фонаря увидел кучу камней, из под которой высовывались чьи-то старые сапоги и чуть дальше белела рука, которую ощупывал Иван.

– Часов десять уже, как умер, – произнес он, – бедняга!

– Вы знаете, кто это? – спросил Антон.

– Догадываюсь. Один из местных. Но давайте поспешим, а то трупов может оказаться больше.

Антон немного утомился от быстрой ходьбы с периодическими подъёмами и спусками и уже с трудом поспевал за Иваном и его кошкой. Когда в глубине прохода мелькнул слабый свет, Иван резко остановился и выключил фонарь. Антон последовал его примеру и теперь вглядывался в темноту, одновременно прислушиваясь к доносившимся до них слабым звукам голосов. О чем говорили люди было не ясно, но не было сомнений, что они стали свидетелями конфликта.

– Подождем немного, – сказал Иван, – только подойдем поближе. Осторожно!

Когда Иван с Антоном были уже метрах в двадцати от бандитов, прозвучал выстрел, затем чей-то стон. Почти тут же до них донесся звук борьбы.

– Вперед, – тихо скомандовал Иван, снимая с плеча карабин, – быстро и осторожно.

Проводив взглядом кошку, беззвучно скользнувшую вперед, Антон тоже снял с плеча карабин и, стараясь не отставать от Ивана, поспешил к месту схватки, которая продолжалась, судя по доносившимся звукам. Когда практически одновременно оба они оказались на площадке, где разыгрался конфликт, все было уже кончено. Один бандит лежал у стены без признаков жизни; другой, – явно местный житель, – стоял рядом, вжавшись в стену. У его ног валялось ружьё, а чуть дальше виднелся ещё один приклад.

Перед ними сидел крепкий парень кавказской внешности, зажимавший рукой сильно кровоточащую рану в плече и со страхом поглядывающий на Илику, держащую самого крупного из бандитов за руку, из которой видимо только что выпал здоровенный тесак. Он неподвижно стоял на одном колене, и в глазах его был ужас.

Иван набрал чей-то номер и сказав два слова, отключился, затем быстро собрал и разрядил оружие.

– Убери своего зверя, шаман! – вдруг раздался хриплый голос бандита, которого Илика по-прежнему держала за ру-

ку, отвечая рычанием и сжимая челюсти в ответ на малейшее движение своей жертвы.

– Зачем спешить, господин, как вас там? – раздался громкий голос нового действующего лица, – капитана полиции, – появление которого сопровождалось ярким светом мощных светильников, которые держали в руках его помощники в форме.

Бандиты быстро оказались в наручниках. Раненым Иван оказал первую помощь. Получивший огнестрельное ранение бредил и был совсем плох. Похоже, это был тот самый бандит, что последним говорил с археологами.

Полицейские, которых было уже человек шесть, увели арестованных и унесли тяжело раненного на носилках. Двое остальных, включая капитана, задержались возле кучи вещей оставленных бандитами, прикидывая, как перенести их к машине.

– Спасибо, Иван, дальше мы сами разберемся и тело старика тоже заберем. А ты бери свой посох. Потом, если потребуется, предъявишь. Остальное все получишь после суда. А с ребятами вашими мы тоже позже побеседуем, возможно завтра.

Делать здесь больше было нечего, и Иван с Антоном в сопровождении Илики отправились назад. По дороге Иван снова созвонился с Андреем, который уже дождался остальных участников нового приключения.

Добравшись до дома шамана и отправив Илику к котяткам,

Иван с Антоном пошли дальше и минут через двадцать выбрались из портала. Начинаясь новый день. В покинутом лагере археологов, они сложили палатки и уложили в рюкзаки брошенные вещи. Затем отнесли всё это в пещеру, оставив внутри, недалеко от входа через портал. И только после этого не торопясь пересекли «место смысла», залитую ранним утренним светом поляну и, наконец, спустились на дорогу, где их ждала машина Антона.

Андрей вернулся домой усталый и возбужденный. Поставив машину он тихо вошёл в дом, и заперев за собой двери стал пробираться в столовую. На этот раз ему удалось ничего не уронив и ничем не загремев достичь своей цели. Найдя в утреннем полумраке выключатель, он зажег свет и с тихим стоном опустился на ближайший стул. За столом, закутавшись в плед и положив перед собой телефон, сидела Женя, прислонив голову к стене. Она спала, так и не дождавшись своего Андрея. На аккуратно сервированном столе стояла бутылка сухого вина, тарелка с разными сырами и ваза с фруктами. Было ещё что-то, чего Андрей не успел рассмотреть, так как тут же снова поднялся и бросился к жене. Аккуратно и осторожно он поднял её на руки, чтобы отнести в спальню. Обняв мужа за шею, Женя тут же уютно устроила голову на его плече и, кажется, ещё глубже заснула. Однако, как только Андрей вошёл в спальню, не открывая глаз и еще немного сонным голосом она потребовала:

– Скажи, все живы? Никто, кроме Равиля не пострадал? Нет? – Тогда положи меня и рассказывай все по порядку.

Когда Женя снова заснула, Андрей вышел на освещенную солнцем террасу. Начался новый день, снова солнечный, теплый и спокойный с утра. Каким то он будет дальше?

Андрей позвонил в больницу, где его успокоили, сообщив, что пострадавший Равиль сейчас спит и что дней через пять-шесть его уже, возможно, выпишут. Затем он набрал номер Кирилла, который бодрым и веселым голосом стал рассказывать про текущие дела. Народ был явно ещё не в курсе ночных событий, поскольку с Лешим никто, естественно, не общался, а Иван, видимо, ещё не пришел. Но он ошибался, поскольку Иван уже был в Лаборатории и в этот момент участвовал в оживленном обсуждении проблемы платных услуг, доля которых в образовательном пространстве страны низменно росла все последние годы.

– Я сейчас буду, – сказал Андрей, и отключился.

Женя спокойно спала и Андрей, ликвидировав последствия своего пребывания в столовой и оставив записку жене, вышел на улицу. Бессонная ночь кажется совсем не сказалась на его состоянии. Мысли бежали в сознании в строгом порядке, своевременно вспыхивая, либо отходя на второй план. Бодрый и немного возбужденный после быстрой прогулки он появился в «Лаб», где был немедленно атакован сообщением о том, что пока он спал, трудившиеся не покладая рук сотрудники решили одну из ключевых проблем

современности. Речь шла о том, что поскольку истинная образовательная, а значит культурно-формирующая деятельность по сути своей есть проявление любви старшего к младшему, то платная образовательная услуга есть ни что иное как любовь за деньги, а значит в более или менее культурном сообществе она не приемлема. Отсюда вывод: в сфере общего образования не должно быть платных услуг!

– Это единственный велосипед, который удалось за сегодня изобрести? А как отнестись, например, к платному репетиторству, ещё не решили? И как быть с зарплатой в воспитательном госучреждении, её получать не аморально?

– Мы принципиальную позицию сегодня отработывали, а вы сразу все приземляете. Это как основы нравственности, которые все знают, но соблюдают лишь в той мере, в которой могут. Не случайно же в каждое историческое время существовала мораль, как особая реальная форма этой нравственности!» Настя со вздернутым подбородком и эффектно рассыпанными прядями волос, бросила взгляд на замершего с приоткрытым ртом Платона и добавила: «Обсуждает же дума, как говорят в народе, поправки к закону «Не укради!». Кто-то захихикал, вспомнив популярный в свое время анекдот. Платон закрыл рот и переведя взгляд на Андрея, громко и как всегда отчетливо озвучил вопрос, обращаясь ко всем:

– Мы по последнему семинару итоги будем подводить или проблема любви уже не актуальна?

Вопрос был явно адресован руководителю лаборатории

и, судя по реакции остальных сотрудников, уже обсуждался до его прихода. Все находившиеся в помещении дружно развернулись, ожидая ответа. Андрею в этот момент показалось, что Иван, стоявший неподалеку с двумя девушками-архитекторами, спрятал лукавую улыбку, мелькнувшую и тут же погасшую на его лице; а может и не погасшую вовсе, а просто искусно укрытую в его белой бороде. Все специальное освещение в лаборатории было сейчас выключено за ненадобностью, а потому пространство было наполнено живописными тенями, создававшими в отдаленных от окон местах атмосферу некой таинственности. Там, в тени прятались любопытные, иногда смешливые, а порой и ехидные взгляды творческих личностей, требующих безусловно как грубой, так и тонкой обработки, но близких и одинаково дорогих Андрею.

– В пятницу будем делать выводы и задачи определим. А сейчас нужно подготовить резюме по предыдущему семинару и к завтрашнему утру разослать всем в обычном формате, слышишь Шура? Поработай сегодня и покажи мне. Платон, подключись пожалуйста тоже. Договорились?

Теперь о главном на сегодня событии. У нас новый замечательный сотрудник Иван Айдарович Корнышев, большинству из вас известный как Алон.

Иван поклонился в ответ на представление, а Андрей кратко рассказал о его деятельности и достижениях, особо подчеркнув удивительную близость его интересов и иссле-

дований содержанию их проекта. После чего, обращаясь уже к Ивану, пригласил его участвовать в семинаре в пятницу. Народ, конечно, давно был в курсе пополнения их рядов, но все же радостно зашумел в ответ на сообщение Андрея.

Дослушав руководителя, сотрудники «Лабы» разошлись по рабочим местам, по одиночке или группами, вернувшись к обсуждению темы семинара. Андрей, тем временем, побеседовал с Кириллом по поводу экономических мероприятий, в которых категорически не хотел участвовать. Решили, что в Питер слетает сам Кирилл, а потом сделает короткое сообщение об этом «сборище», как назвал форум Андрей.

Добравшись до своего рабочего стола, он испытал чувство удовлетворения, будто достиг, наконец, цели, к которой активно и долго стремился. «Боже мой, как же я за эти несколько дней соскучился по работе с карандашом и компьютером, когда можно просто думать и рисовать, и писать, и снова рисовать!», – думал Андрей, устраиваясь в рабочем кресле.

Загрузился ноутбук, глянув на него привычным уральским пейзажем. Тихо звучала какая-то джазовая композиция. Большой блокнот в толстом картонном переплете манил и в то же время немного пугал ослепительно белым, нетронутым листом. В голове замелькали архитектурные образы вперемешку с мыслями и схемами. На передний план начала выдвигаться идея образовательного ядра жилого дома, то в образе домашнего театра из усадьбы позапрошлого века, то в виде универсального легко трансформируемого простран-

ства, насыщенного особыми семейными смыслами.

Размышления о жилом пространстве, вдруг породили картину встречи с Иваном в их гостиной. Нужно было позвонить домой. Разговор с Женей по телефону занял не больше минуты, поскольку она была занята на кухне и пообещала перезвонить, как только освободится. А с Алоном или, вернее, с Иваном она с удовольствием сегодня познакомится и даже сможет угостить чем-то не совсем обычным.

Андрей вернулся к своим размышлениям о структуре жилища, когда громко и беспардонно зазвучал телефон, требуя к себе немедленного внимания. Андрей тяжело вздохнул и ответил.

– Да, конечно, сейчас буду» – сказал он без обычного энтузиазма.

Леший крайне редко требовал Андрея к себе, не спросив как дела и не поинтересовавшись, как он сейчас занят. Видимо, это был один из таких случаев.

– Что же там опять стряслось? Ведь с Равилем все в порядке, бандиты арестованы и похищенное возвращено!

Вместе с мыслями о произошедших вчера событиях появилось чувство усталости.

– Не волнуйся, ничего не случилось, – словно услышав мысленный вопрос Андрея, произнес вместо приветствия Леший, – просто к нам срочно выезжает делегация из федерального министерства с какими-то неясными мне функциями. Нужно готовиться, хоть пока и не понятно к чему.

В любом случае следует оформить промежуточные результаты по основным направлениям исследований, подобрать и привести в порядок графические материалы, которые могут служить репрезентативными.

Почти наверняка придет народ, как бы это сказать, не слишком подготовленный, но с жесткими установками, так что это обстоятельство следует учесть.

Отложи, по возможности, все прочие дела и всей лабораторией сосредоточьтесь на подготовке ясного материала, оставляющего мало места для вопросов. Умных, я имею в виду, вопросов. Смежников я тоже озадачу, чтобы из-за них заминок не было.

Да! И подключи к работе Ивана.

– Все понял – сказал Андрей и, попрощавшись, быстро покинул кабинет директора.

Поразмышляв над ситуацией по пути в лабораторию, он пришел к выводу, что случившийся аврал очень даже кстати именно сейчас, когда нужно максимально четко расставить точки над «и» везде, где это возможно, чтобы серьезно скорректировать план работы на ближайший период.

Вернувшись и объявив о надвигающейся проверке, Андрей подошёл к Ивану, который сидел в окружении нескольких сотрудников. Молодые архитекторы, рассеявшиеся на столах и подоконнике, и художница Марина в платье, напоминающем букет анютиных глазок или может васильков, наперебой задавали ему вопросы, внимательно выслушивая

неизменно спокойные и содержательные ответы. Кажется, речь шла о пространстве взросления малыша.

– А если рассматривать пространство открытых игровых площадок? Какие особенности здесь можно выделить в связи с разновозрастным характером участников...

Не закончив фразы Марина умолкла, увидев подошедшего Андрея.

– Я понял ваш вопрос, Марина, и готов поделиться кое-какими соображениями, хотя едва ли смогу предложить профессионально архитектурное или дизайнерское решение.

Иван тоже умолк, вопросительно глядя на Андрея.

– Извините, что невольно помешал, – проговорил тот немного смущенно и, обращаясь уже к Ивану, попросил, – как освободитесь, дайте мне знать, пожалуйста. Нужно обсудить один важный вопрос.

Привычный шум в лаборатории постепенно стихал, и вскоре стали слышны доносившиеся из-за окна негромкие пока ещё звуки медленно уходящего лета. Обреченно шумели деревья, отряхивая с себя красивые, но лишённые питательного сока и жизнеутверждающей зеленой окраски листья. Временами птицы совсем умолкали, будто прислушиваясь к особым знакам природы, которые доступны лишь тем, кто может воспарять над миром. Иногда они дружно срывались с мест, словно репетируя скорый отлет в более теплые края, и покружив в вышине снова возвращались под окна лаборатории. Здесь они устраивались некоторое время

на веточках, шумно выясняя отношения, чтобы снова вдруг замереть, подчиняясь неведомому людям закону, а потом взмыть шумным облачком ввысь и умчаться вдаль, возможно уже до весны.

Закончив разговор с архитекторами, Иван ещё некоторое время беседовал с Мариной. С лица его не сходила улыбка. Открытая и приятная, она нравилась девушке и немного смущала её, привыкшую смотреть в глаза собеседнику. В конце концов, на лице Марины, почти по детски свежем и практически лишенном косметики, появилось выражение некоторой растерянности. Это явно не соответствовало успешному завершению содержательного разговора, но не ускользнуло от внимательного взгляда проницательной Насти.

Иван подошёл к столу Андрея, который тут же поднялся, предложив выйти на несколько минут на улицу. Свежий воздух был уже наполнен приятными и немного печальными запахами уходящего лета и казался влажным.

– Иван, во-первых, мы с Женей ждём вас сегодня вечером у себя. Она обещает порадовать чем-то не совсем обычным, но, наверняка, вкусным. Если у вас нет других планов, будем рады провести сегодняшней вечер вместе.

– Спасибо, Андрей! Конечно я буду.

– А во-вторых, мне очень хочется услышать ваше впечатление от общения с ребятами в привычной для них обстановке.

– Знаете, после стольких лет фактического одиночества, я ощущаю себя удивительно хорошо в вашей лаборатории. Прежде всего, благодаря вашим ребятам. Они славные. Талантливые и при этом благожелательные. Уверен, что работать с ними будет очень интересно.

Рабочий день прошел в сосредоточенной работе над будущим отчетом. Андрей подходил поочередно к разным группам разработчиков, выслушивал соображения, давал советы. Временами приходилось что-то доказывать, иногда начинались споры и только один раз, к концу дня, разгорелась настоящая дискуссия, к участию в которой постепенно поднялись все обитатели «Лабы» и даже некоторые из соседей.

Началось всё с вопроса Марины об устройстве открытой площадки для детей разного возраста, который она адресовала Шурке, а затем и Ивану. Тот высказал свои соображения внимательно слушавшей его Марине, после чего перешёл к группе архитекторов, занятых проектированием дидактического пространства.

Тем времена, Марина ушла в свою мастерскую и больше часа сидела, уткнувшись в монитор компьютера. Серега, несколько раз пытался отвлечь девушку от сосредоточенных размышлений, но так и не смог затеять привычного для мастерской веселого спора на какую-либо дизайнерскую тему. Марина отсутствовала, улетев мысленно так далеко, что даже ехидные замечания коллеги про лежавший на столе шоколадный батончик, не достигали её сознания и оставались

без ответа. И только когда день за окном стал угасать, а вспыхивающие прощально красноватые лучи солнца переползли по стенам на потолок и постепенно растворились в мягком вечернем полумраке, Марина вдруг оживилась, схватила батончик и быстро вышла из мастерской. Лаборатория архитекторов была рядом и открыв дверь в большое помещение, где уже горел яркий электрический свет, она направилась прямо к сидящему у окна Ивану, который что-то писал в своём блокноте. Было почти тихо и голос Марины привлек внимание сидевших рядом.

– Иван, у меня к вам ещё один вопрос. С разновозрастным детским коллективом более или менее понятно, а как быть с разновозрастными отношениями между супругами? Здесь возрастной разрыв тоже способствует развитию? А в каких художественных формах такое отношение может и должно по-вашему воплощаться при формировании пространства жилища?

Иван, который был сосредоточен на чем-то своём, не сразу отреагировал на вопрос Марины. Но спустя несколько секунд, он поднял голову и улыбнувшись как обычно, сказал: «Вопрос немного неожиданный и мне нужно подумать. Впрочем, мы можем и вместе порассуждать. Вы не против?».

– Я не против, – сказала Марина, – только можно вы начнете?

– Извольте. Как я понимаю, любые, в том числе возрастные, различия между супругами добавляют разнообразия

этому человеческому союзу, что увеличивает его культурный потенциал. Конечно, разница в жизненном опыте, а значит и в представлениях о мире зависит не столько от возраста, сколько от личной истории каждого. В любой новой семье встречаются, а порой и сталкиваются разные семейные формы культуры. Нередко супруги представляют разные религии и этносы. Поэтому важно, чтобы у них были не только общие базовые культурные ценности и интересы в разных областях жизни, но основание и готовность служить образцом для партнера. Совместная жизнь должна быть непрерывающимся процессом взаимного познания и взаимного формирования.

Особенно интересно, на мой взгляд, когда родители исповедующие разные религии, но по-настоящему любящие друг друга, рожают ребенка, который как высшая для них теперь ценность становится реальным решением и проблемы веры. Помните, как в эпоху Возрождения высшей ценностью стала живая творческая личность? Например Леонардо!

А разница в возрасте, по-моему не должна превышать тринадцать-пятнадцать лет. Хотя я и не готов настаивать на этих цифрах.

Что же касается пространства, то здесь я вижу проблему архитектурного воплощения не просто женского и мужского начала, что само по себе необходимо, но форм культуры двух родителей в том причудливом их сплетении, которое является отражением общего духовного мира семейной

пары. Такое пространство должно быть самой питательной средой формирования сознания ребёнка на начальном этапе его развития. Но что особенно интересно и важно, это архитектурно-художественное воплощение развивающегося духовного мира самого ребёнка. К сожалению, я не могу себе представить, а значит и описать соответствующие пространства на вашем профессиональном языке. Увы!

На лице Ивана появилась мягкая, будто извиняющаяся улыбка.

– Мне остается лишь уповать на помощь, ожидая творческих откровений архитекторов и дизайнеров.

Работники лаборатории, собравшие вокруг, привычно зашумели, высказывая и тут же оспаривая различные мнения, предлагая различные версии решений. Коллективная интеллектуальная машина, проработав минут пятнадцать, наконец сбавила обороты и вскоре совсем успокоилась. Взгляды обратились на Марину, которая по праву уже несколько раз пыталась продолжить свой диалог с Иваном.

– Да, красиво и понятно. И мне... очень нравится, – сказала Марина, принимая эстафету в разговоре, – но если мы создадим в структуре жилого дома соответствующие пространства и даже сумеем воплотить в интерьерах все, о чем вы сейчас говорили, мы не можем ограничить жизнь ребёнка стенами, как бы выразительны и прекрасны они ни были! А что делать за их пределами? Вы не думаете, что влияние на ребёнка пространства с другим смысловым наполнением мо-

жет оказаться более сильным и, возможно, губительным для тех духовных ростков, которые лелеют в своем чаде мама с папой?

– Знаете Марина, вы замечательный собеседник, и я искренне благодарен вам за вопросы, которые вы так хорошо формулируете. Поверьте, я с удовольствием продолжил бы этот разговор, но, кажется, наш руководитель собирается что-то сообщить. Пожалуйста, Андрей! Я умолкаю.

Все обернулись к руководителю лаборатории, который до того с большим интересом слушал разговор, пристроившись на краешке одного из столов, а затем встал, надеясь тем самым привлечь к себе внимание сотрудников.

– Я прошу прощения за то, что прерываю вашу работу. А я именно так понимаю происходящее. Но официальный рабочий день уже закончился, и у меня для вас есть сообщения.

Во-первых, до конца текущей и всю следующую неделю лаборатория будет открыта круглосуточно и освобождать помещение после восьми вечера не обязательно. Это распоряжение директора.

Во-вторых, я разговаривал недавно с лечащим врачом Равиля и он сказал, что того можно уже проведать. Сегодня до восьми часов можно пройти к нему в палату.

– Мы едем сейчас! Кто с нами? – громко спросила Настя, встав, опираясь на руку Платона, и оглядывая комнату.

Желающих проведать смелого парня оказалось много, несмотря на то, что Равиля близко никто из сотрудников

Лабы не знал. Народ потянулся к выходу, заново обсуждая волнующие события минувшей ночи. Марина, сидевшая по-прежнему рядом с Иваном, растеряно наблюдала за исходом сотрудников, понимая, что спонтанно возникший и такой важный для неё семинар на сегодня закончен.

– Как Женя себя чувствует? – спросила Марина, обращаясь к Андрею, – она в мастерской не планирует появиться?

Андрей собрался ответить, но у Марины зазвенел телефон и поднеся аппарат к уху, она заулыбалась.

– Это Женя, бросила она Андрею на ходу, направляясь в дальний угол лаборатории.

Пока подруги беседовали, Андрей с Иваном тоже разговаривали, обсуждая прошедший рабочий день. Сдержанный обычно в выражении чувств, Иван не скрывал удовольствия, которое ему доставляло общение с архитекторами и художниками.

– Никогда бы не подумал, – говорил он, – что представители вашей профессии могут быть настолько хороши в интеллектуальном отношении и так образованы. В нынешнее время, насколько я могу судить, подобные достоинства стали большой редкостью. Меня сильно удивили зрелые рассуждения, например, Платона и многих других, с кем пришлось уже пообщаться. А у Марины, – Иван кивнул в сторону увлеченной разговором девушки, – цепкий, скептический и, я бы сказал, совсем не девичий ум.

– Спасибо, Иван. Приятно слышать такую оценку друзей.

Но вы должны учесть, что эта команда собиралась не один год. А начинали мы втроем, со строителем Кириллом Рюминым и философом Платоном. Марина, кстати, как и моя Женя, тоже из первых членов команды. Она замечательный знаток садово-паркового искусства и отличный ландшафтный проектировщик. Потомственный, кстати. У неё мама известный мастер, с которым мы и теперь нередко консультируемся. А папа философ и психолог, и это, конечно, чувствуется в дочери.

Марина, продолжая говорить с Женей, подошла к мужчинам и протянула свой телефон Андрею.

– Женя. Она что-то тебе сказать хочет.

Кратко поговорив с супругой и вернув телефон Марине, которая продолжила общаться с подругой, отойдя к прежнему месту, Андрей снова обратился к Ивану.

– Вы не против, если мы захватим Марину с собой? – Женя соскучилась по подруге, но просила сказать, что вечер, конечно, ваш, а с Мариной она может повидаться в любое другое время.

– Конечно, я не против, а за. Марина интересный и приятный собеседник и, насколько я понимаю, просто близкий вам человек. Так что я не хочу и не могу возражать.

Иван улыбался, и Андрей почувствовал, что общество Марины того совсем не тяготит. Обладай он проницательностью большинства членов женского сообщества Лабы, вопроса о взаимной симпатии этих двоих у него бы вообще не

возникло.

Марина приняла предложение, как показалось Андрею, с тщательно, хоть и безуспешно скрываемым удовольствием.

Стол в гостиной был уже накрыт. Уставленный разносолами, он напоминал какое-то гастрономическое украшение с огромной драгоценностью в центре, роль которой успешно исполняло большое блюдо с потрясающе румяными домашними пирожками. Из кухни доносились какие-то аппетитные запахи, завершая общую картину надвигающегося чревоугодия.

– Боже мой! – воскликнул Андрей, – когда же ты успела?

– Ничего особенного, Андрюша. Тесто я ещё утром поставила. А на остальное у меня целый день был. Да ты успокойся, лучше познакомь нас – потребовала супруга и, не дожидаясь Андрея, протянула руку Ивану.

– Мойте руки и за стол! – скомандовала Женя, – голодные ведь как волки таежные!

Гости не стали спорить с хозяйкой дома и повели себя в соответствии с её определением. Когда сытые и довольные они выбрались из-за стола, активно обсудив к тому времени все открытые темы, связанные как с происшествиями последних дней, так и с предстоящими проблемами, Женя с Мариной, пожелали уединиться и исчезли где-то в глубине дома. Мужчины, тем временем, вышли на террасу. Здесь, испросив согласия Андрея, Иван извлек из кармана неболь-

шую пенковую трубку и кiset с табаком. Устроившись в кресле, он не спеша набил её и раскурил, наполнив окружающее пространство тонким и приятным ароматом.

– Когда-то я серьёзно пристрастился к этому инструменту, но последние годы крайне редко притрагиваюсь к табаку. Этот, голландский, очень мне нравится.

Иван говорил, явно испытывая некоторую неловкость, то ли от того, что позволил себе слабость, то ли потому, что дым нарушил букет тонких садовых запахов.

– Очень приятный аромат! Я тоже курил, но не трубку, а сигареты, причем крепкие, с сигарным табаком. Вонючие, как теперь понимаю. Курил много, а когда мы с Женей стали жить вместе, понял, что дым ей совсем не нравится. Короче, подумал я, пострадал, да и бросил. Лет шесть уже как. Теперь, чувствуя остаточный запах сигарет, удивляюсь, что когда-то специально дышал этим «ароматом». А трубка – это, по моему, совсем другое. У нас был пожилой коллега, скорее даже учитель, который тоже любил курить трубку и, кажется, никогда с ней не расставался. Он её не выпускал из зубов, но курить выходил в холл или на улицу. Так вот девочкам так нравился аромат табака, что они частенько просили его специально покурить в мастерской.

А потом его не стало, и чудный аромат постепенно выветрился...

Да, Иван, я конечно не забыл о своих обязательствах, касающихся архитектурных идей, и готов рассказать обо всем,

что вам интересно. И ещё. Мне бы хотелось обсудить с вами некоторые содержательные аспекты нашей работы, которые уже ведут нас вразрез с образовательной политикой государства. И это только на первом этапе формирования теоретической концепции проекта. Уверен, что дальше, в плане нашей лояльности существующей идеологии, ситуация будет ещё сложнее. Хочу понимать ваше отношение к этой стороне дела.

Иван выслушал Андрея, глядя на посеребренные Луной кроны молодых деревьев и слегла кивая головой. Затем, выпустив очередную порцию ароматного дыма, он внимательно посмотрел на говорившего, будто впервые его увидел, и тихо произнес:

– Не знаю даже, как правильно вам объяснить. Мы ведь совсем недавно знакомы. Но дело в том, что я не люблю менять свои решения и обычно не делаю этого. А работа с вами – это мой собственный выбор. Но ещё важнее мои жизненные принципы, которым я следовал до сих пор и намерен следовать впредь. Мы с вами на хорошем пути, и если вы сами с него не сойдете я с радостью буду вашим спутником.

Стало совсем темно, но свет зажигать не хотелось. Андрей с Иваном ещё какое-то время сидели молча, вдыхая садовые ароматы с привкусом голландского табака.

На веранду вышли девушки и разговор зашел об архитектуре и искусстве. Говорил в основном Андрей. Выполняя данное Ивану обещание, он рассказывал об основных ар-

хитектурных идеях, лежащих в основе зреющей концепции культурно-образовательного центра. Увлеченно и ярко Андрей описывал принципы формирования жизненного пространства человека; рассказывал о пространстве взросления ребенка на разных этапах, об организации ритуальных пространств, связанных с возрастными кризисами и многое другое, что было интересно, хоть и не во всех деталях понятно Ивану.

Расходились далеко за полночь. Андрей предложил развести гостей по домам на машине, но те отказались, сославшись на то, что здесь все рядом и Ивану ничего не стоит проводить Марину до дому, пройдя лишних сто метров. И хотя фактически было не сто, а триста, спорить было не о чем и Андрей не стал настаивать.

* * *

Полторы недели пролетели как один день. Так, во всяком случае, показалось Андрею, который с утра до позднего вечера проводил в «Лабе», лишь иногда отрываясь от дел, чтобы спуститься с Женей в столовую, либо прогуляться до кафе и выпить там по чашечке ароматного кофе, без которого оба уже давно не обходились. Женя чувствовала себя хорошо и складывалось впечатление, что именно работа в мастерской, в веселой и шумной компании художников, добавляла ей необходимых жизненных сил. Бледность, тревожив-

шая Андрея, совсем ушла и, несмотря на все более заметную полноту, супруга выглядела по-прежнему легкой и изящной.

История с челябинскими археологами благополучно закончилась. За Равилем приехал брат и они вернулись в Челябинск. Ставший почти знаменитым, молодой археолог с гривой непослушных волос и задушевым голосом с хрипотцой, который нравился девушкам, поклялся приехать в Центр, как только снимут гипс.

Аллигатор с помощниками продолжали изучение «места смысла» и удивительного портала, делясь периодически с друзьями из Центра новыми интересными подробностями.

Уголовное дело банды, похитившей реликвии и ценности шамана продолжали расследовать. Вскрылось много интересных обстоятельств, в частности стали известны некоторые нити ведущие к истинному хозяину или хозяевам преступного бизнеса. Подробностей никто, кроме следователей, не знал, но слухи возникали, периодически дополняясь деталями и подробностями. Рассуждали о таинственных покровителях и о каналах сбыта за рубеж похищаемых культурных ценностей и обо всем, что могло выглядеть страшно и привлекательно в изложении талантливых и неугомонных сотрудников рынка, обитателей завалинок и беседок.

Утро этого четверга было по осеннему прохладным. С ночи моросил мелкий дождь, неторопливо смывая летнюю пыль с домов, тротуарной плитки и асфальта. Над лесом клу-

билась легкая, едва заметная дымка. Выше, на ближних, ещё различимых склонах гор, она становилась более плотной, образуя местами сгустки, и наконец сливалась с серой и суровой бесконечностью холодного дождевого неба.

Сообщение о прибытии комиссии, в тон с сумеречной погодой, пришло в лабораторию сразу после полудня. Секретарша из директорской приемной лично явилась в «Лабу» с новостью от Лешего. Выяснилось, что комиссия из трех человек прибудет в Центр к пятнадцати часам. В это время Андрею надлежит быть в кабинете директора, где состоится краткое совещание.

Прибывшие, – два высокомерных министерских работника, средних лет и соответствующей внешности, с дорого и модно одетой молодой особой – экспертом из академии образования по имени Варвара Львовна, вошли в кабинет в сопровождении директора и уселись на почетные места.

Леший сказал несколько приличествующих случаю слов и представив членов комиссии, передал слово её руководителю Гарри Николаевичу Буцаеву-Бульдо, который, радостно улыбаясь, обратился к собравшимся руководителям подразделений Центра. Он говорил примерно с той же интонацией, с какой обращается в детском саду к детям и их родителям директор воспитательного учреждения. Руководитель комиссии долго и старательно любовался плавным течением своих слов, складывающихся во фразы. Грамотно и красиво выраженные мысли сводились к тому, что Министер-

ство развития не сомневается в успехе нового Центра, на который возлагают надежды все прогрессивные силы страны и он лично. Они уверены, что научный коллектив центра под руководством профессора Плешина успешно справится со стоящими перед ним сложными проблемами и достигнет конкретного практического результата, который станет существенным вкладом в развитие отечественной экономики.

Закончив речь и полагая, что дополнять столь исчерпывающее выступление незачем, Гарри Николаевич предложил сразу определиться с рабочей программой на завтра. Начальство решило, что в пятницу в одиннадцать комиссия заслушает краткие выступления руководителей основных подразделений Центра, которые сообщат комиссии об уже полученных и ожидаемых конкретных результатах работы. Комиссия также выслушает пожелания, касающиеся финансирования текущих и планируемых работ. Помощники Гарри Николаевича внимательно слушали его выступление, старательно наблюдая за выражением лица начальника и дружно кивая в нужных местах.

В заключение глава комиссии выразил уверенность, что ситуация понятна, а значит у присутствующих здесь ученых людей не должно быть вопросов. Весь вид выступающего призывал человечество, которое видимо с трепетом внимало ему в этот момент, трудиться не покладая рук «во имя» и «на благо». Он молча постоял ещё несколько секунд, будто приходя в себя после высокого напряжения чувств, затем

сел и повернувшись всем корпусом к Плешину, заинтересовано заговорил об условиях их пребывания в поселке. Мероприятие угасло, вследствие утраты руководителем комиссии дальнейшего интереса к присутствующим в кабинете работникам Центра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.